Издание для сильных и жестких мужчин

№ 7 (166)
июль 2008

Горы. Дорога. Засада. Бой

Как преодолеть штабную глупость

Записки капрала Великой Отечественной

Главный редактор Михаил ЕФИМОВ
Зам. главного редактора Игорь МИХАЙЛОВ
Ответственный секретарь Олег ЗИНОВЬЕВ
Специальный корреспондент Олег КОЛОМИЕЦ
Эксперт-консультант Дмитрий ШИРЯЕВ
Экономический отдел Нона ЧЕРНЫШОВА
Отдел распространения Николай ДАРИНСКИЙ

Телефон/факс редакции:
(495) 958-1699,
(495) 237-6270
Адрес редакции:
115162 Москва, ул. Люсиновская, 68.
E-mail: info@soldat-udachi.com
www.soldat-udachi.com
По вопросам рекламы и распространения звонить:
958-1699, 237-6270.

Приглашаем к сотрудничеству рекламных агентов и частных распространителей.

Учредитель и издатель:
ООО «Интернет-Медиа»

Подписано в печать 09. 06. 08

Издание зарегистрировано в Министерстве печати и информации РФ, свидетельство ПИ № ФС 77 - 21960 от 15. 09. 2005

Цена свободная.

Подписные индексы:
71223 по каталогу Роспечати,
99268 по каталогу российской прессы «Почта России»
(адресная подписка)

Допечатный процесс:
дизайн и верстка Петр КОЛОТИЛОВ

Отпечатано в типографии
ОАО «Кострома»
Заказ № 1170
Тираж – 21.500

Точка зрения редакции не обязательно совпадает с мнением авторов

К сведению авторов!
Редакция не имеет возможности рецензировать получаемые материалы.
Рукописи и иллюстрации не возвращаются, кроме уникальных, если это оговорено владельцем. Тексты принимаются в форматах Word.

Михаил ЕФИМОВ

Гитлеровский пособник – герой?

Так уж вышло, что родился я вдалеке от тех мест, где действовали банды бандеровцев. Однако из армии, где служил солдатом, поступил в высшее военное училище, которое располагалось во Львове. Первая экскурсия - в квартиру-музей украинского публициста Ярослава Галана. До сих пор помню рукописи Галана в бурых кровавых подтеках, фотографии, где он с разбитой головой, безжизненный, но для врагов по-прежнему ненавистный. Потом оказалось, среди товарищей по училищу были мои погодки, которые хоть и родились после войны, но знали не понаслышке, кто такие бандеровцы и что они творили на украинской земле.

Дальше – больше. Хотел я того или нет, но знания мои относительно украинских националистов, их повстанческой армии, сотрудничества с фашистами постепенно пополнялись. Теперь мне уже не надо было доказывать, что это за люди. Спроси меня тогда, лет тридцать назад, однозначно бы ответил: фашистские пособники, преступники. Иного мнения быть не могло.

Однако как горько я ошибался. В последние годы на Украине идет массированный пересмотр роли бандитов из повстанческой армии. Украинские власти изо всех сил пытаются обелить бандеровцев. Призыв уравнять их в правах с ветеранами Великой Отечественной войны теперь уже звучит не только от самих еще живых бандеровцев, их родственников, сторонников, но и непосредственно от руководства страны.

12 октября прошлого года указом Виктора Ющенко звание Героя Украины было присвоено Роману Шухевичу, он же Монах, Щука, Тур, Тарас Чупрынка. Кстати, он же командир печально известного батальона «Нахтигаль» («Соловей»), который начинал войну в составе не менее известного диверсионного фашистского полка «Бранденбург».

За что же Роман Шухевич получил высшую награду украинского государства? Вот, например, военный разведчик Березняк со своей разведгруппой спас от уничтожения древний Краков и тоже удостоен звания Героя Украины. Думаю, по праву. А кого спас Шухевич? Как утверждает в своем указе президент, командир батальона фашистского полка «Бранденбург» внес «выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины». Более чем странная точка зрения. Выходит, фашисты несли свободу и независимость Украине?

Кто же он такой, Роман Шухевич? Насколько мне известно, диверсионный полк «Бранденбург» был далеко не обычной воинской частью, и командование целым батальоном случайному человеку немцы бы не доверили. Стало быть, Шухевича фашисты знали давно и хорошо. Сумел Тарас Чупрынка завоевать их доверие.

Еще в 1938 году после Мюнхенского соглашения и раздела Чехословакии Шухевич с боями вышел из окружения с Закарпатской Украины. Перебрался через Румынию и Югославию в Австрию, которая была в то время присоединена к Германии. Руководство ОУН и финансировавшие его германские спецслужбы направили Шухевича в Данциг. С началом Второй мировой войны Тарас Чупрынка полностью переключился на создание подпольной сети и подготовку боевиков на западноукраинских территориях, включенных в 1939 году в состав Советского Союза.

В 1940–1941 годах по инициативе германских спецслужб Шухевич создает разведывательный диверсионный батальон из украинцев. Батальон был немалым – 800 штыков и получил название «Нахтигаль». С первых дней войны «соловьи» Шухевича рвутся в бой. Уже через неделю после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «Нахтигаль» первым входит во Львов. Начинаются погромы. Правда, после войны во время слушаний в Конгрессе США выжившие и бежавшие от возмездия в Америку «соловьи» отрицают свою причастность к уничтожению евреев и поляков, но израильские исследователи утверждают: солдаты «Нахтигаля» и немецкие каратели уничтожили четыре тысячи евреев.

Конечно, можно попытаться себе представить ситуацию, что немцы из «Бранденбурга» убивают евреев и поляков, а одно из подразделений полка – батальон «Нахтигаль» в белых перчатках парадным маршем проходит по улицам Львова. Признаться, верится с трудом.

Хотя, впрочем, некоторые украинские политики и историки договорились до того, что, оказывается, бандиты из украинской повстанческой армии воевали с фашистами.

Однако вернемся к Шухевичу. Его детище «Нахтигаль», объединенный с другим отрядом «Роланд», использовался в карательных целях в Белоруссии и на Украине, а Тарас Чупрынка годы войны и послевоенную жизнь посвятит ОУН и УПА. В 1950 году он будет убит в перестрелке с сотрудниками МГБ. Кто бы мог подумать, что через 57 лет он станет Героем Украины...

СОЛДАТ

Журнал тех, чья работа – защищать

Издается с октября 1994 года

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

№ 7 (166)
июль 2008

Фото Виталия АНЬКОВА

ГАЛЕРЕЯ

стр. 28

7,62-мм автоматическая винтовка HK G3 A4

Главной особенностью автоматических винтовок фирмы НК следует считать то, что при патроне НАТО 7,62х51 мм, по баллистическому импульсу незначительно отличающемся от отечественного винтовочного патрона 7,62х54 мм, специалисты фирмы сочли возможным использовать полусвободный затвор.

Дмитрий ШИРЯЕВ

стр. 30

СЫНЫ ОТЧИЗНЫ НА ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

Вспомнить все и... всех

Однажды я заметил, что далеко не все пользуются укрытием. После некоторого затишья я вышел из «рефужии» и обнаружил, что человек восемь наших спокойно сидят на скамейках в курилке и... травят байки.

Сергей КОЛОМНИН

ИСТОРИЯ ВЕЛИКАЯ И СЛАВНАЯ

стр. 39

Записки капрала Великой Отечественной

Вскоре все были переодеты в польскую форму. Начался перевод службы на польский устав. Советским офицерам, большинство из которых и возглавили польское формирование, было приказано сдать партбилеты для хранения в ЦК компартии, комсомольские билеты запрятать в дальний карман.

Дмитрий ШИРЯЕВ

стр. 47

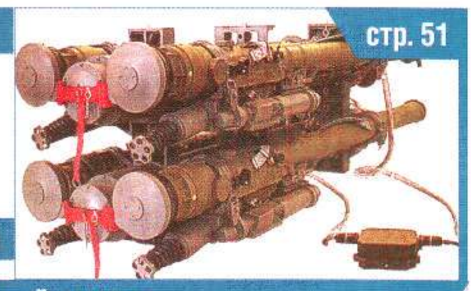
ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Можно ли сравнивать «партизанскую армию» с регулярной?

На взгляд автора этих строк, регулярная чеченская армия в ходе боев в Грозном, без учета 2 батальонов наемников, могла насчитывать около 3 тысяч военнослужащих. Перед началом конфликта все боеспособные регулярные части Дудаева были объединены в рамках президентской гвардии.

Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

ОРУЖИЕ РОССИИ

стр. 51

Комплекс ближнего действия «Стрела-10СВ»

В головке самонаведения ЗУР 9М333 были применены три приемника с различными спектральными диапазонами: фотоконтрастный, инфракрасный и помеховый с логической селекцией воздушных целей на фоне оптических помех по спектральным и траекторным признакам.

Евгений КЛИМОВИЧ

стр. 54

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АРМИЙ МИРА

Разделяй и властвуй

Базовый курс обучения личного состава этих команд аналогичен курсу американских SEAL и продолжается в течение шести месяцев, в ходе которого от 75% до 90% обучающихся отсеиваются по различным причинам.

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

В номере использованы фотографии Андрея Кириллова, Сергея Сидорова, Сергея Исакова, Владимира Веленгурина, Виталия Анькова, Сергея Плотникова, из каталога «Оружие России», а также иллюстрации с профильных интернет-сайтов.

Алексей ПОТАПОВ
Михаил ЛИТВИНЕНКО

ГОРЫ. ДОРОГА. ЗАСАДА. БОЙ

Северный Кавказ стал основной ареной террористических акций. Здесь активно действуют бандформирования, которые используют различные приемы и способы вооруженных действий. Сотрудникам милиции и военнослужащим Внутренних войск противостоит хорошо обученный, коварный и мстительный противник. Использование чеченскими боевиками тактики организации засад, ведения диверсионно-разведывательных действий мобильными группами очень дорого обходится правоохранительным органам, участвующим в контртеррористических операциях.

Нападение на колонны из подготовленных засад всегда было тактически наиболее удобным и малонаказуемым видом боевых действий. Преимущество нападающих заключается во внезапности нападения, в использовании скрытых и выгодных для стрельбы позиций на тактически преобладающих высотах, обустройстве и организации засады в тактически не выгодном для колонны месте, где затруднены маневры техники и встречные атакующие действия. Задачей нападения на колонну является как уничтожение живой силы, так и грабеж ценного груза.

Хуже всего то, что ни бойцы, находящиеся в кузове автомобилей, ни командиры, ни тем более высокое милицейское начальство, несмотря на потери, часто не знают, что же все-таки нужно делать при нападении на колонну.

Надеемся, что настоящая публикация позволит получить эти дополнительные знания по проведению специальных операций и организации профилактических мероприятий при маршевых передвижениях колонн в условиях горно-лесистой местности.

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ БАНДИТОВ ПРИ НАПАДЕНИИ НА КОЛОННЫ ИЗ ЗАСАДЫ

Общий принцип нападения

В горах враг номер один для противника – наша штурмовая авиация и вертолеты огневой поддержки. Поэтому для нападения выбирается нелетная погода. В момент нападения противник включает портативные приборы РЭБ (радиоэлектронной борьбы) и глушит нашу радиосвязь.

Головная походная застава (ГПЗ) пропускается вперед и отсекается от основных сил (вот почему ГПЗ должна быть очень сильной). В самой колонне подбивают первую, третью и последнюю единицы бронетехники. Это делается для того, чтобы заблокировать колонну. Обязательно «обездвиживаются» танки (потому что танк не сбросить с дороги). ГПЗ затем сковывается силами отдельной бандгруппы.

Огнем тяжелых средств из засады противник в первую очередь старается поразить опасные для него цели в следующей последовательности: САУ, танки, БМП, БТР, машины связи и уже потом – живую силу. С самого начала нападения по живой силе работают пулеметчики и снайперы. Наши потери при этом неоправданно возрастают по причине перевозки личного состава под тентом, спиной к противнику, на незащищенных и неприспособленных грузовиках.

Тактика построения засады

Тактика нападающих зависит от рельефа местности, на которой происходят события. На ровной открытой местности противник может действовать крупными силами, но он боится маневренной бронетехники, которая передвигается быстро и уничтожает огнем цели на больших дистанциях. К тому же на равнине колонна может развить большую скорость, при этом намного уменьшая свои потери от обстрела из засады.

Поэтому противник старается организовать засаду в местах, где колонна вынуждена сбавить ход: в горных теснинах, перед туннелями и мостами, на спусках и подъемах, в горных кишлаках (с одной стороны – пропасть, с другой – крутой скат), в местах скопления горных туманов, на извилистых участках дороги, на узких и неровных дорогах, до и после поворотов дороги, на участках дороги, где ограничена видимость и где транспорт теряется из вида. Очень удобное место для засады – на скате перед поворотом дороги (или на скате, оставшемся после поворота), когда машины идут прямо на стреляющих или от них (см. рис. 1). В таком случае транспортные средства представляют собой цели, не имеющие для стрелков противника бокового смещения, а следовательно, цели почти неподвижные и наиболее поражаемые.

В любом случае нападающим для ведения огня необходимо, чтобы колонна оказалась на достаточно простреливаемом месте и не имела возле себя естественных укрытий. Засада может обустраиваться и так, чтобы на противоположной от огневых позиций стороне были обрывы, крутые скаты, водные преграды, заболоченные места, чтобы военнослужащим из колонны негде было укрыться. Если же на рельефе такого нет, по другую сторону дороги могут быть минные постановки, пулеметчики и снайперы противника. Противник очень не любит, когда колонна может «расползаться» в стороны – при этом уменьшаются потери в колонне. Кроме того, для противника весьма нежелателен агрессивный переход живой силы колонны в наступление. Поэтому часто минируются обочины дороги, и огневые позиции засады устанавливаются за естественными непроходимыми препятствиями: обрывами, водными преградами и т.д., чтобы наступающие до позиций противника не дошли. Огневые позиции противника практически никогда не находятся на гребнях высот – там противник хорошо проецируется на фоне неба. Они располагаются на скатах, обращенных к дороге, в затененных или поросших кустарником местах, в нагромождениях камней или под этими нагромождениями. Перед такими позициями противника с вашей стороны будут «голые», ничем не поросшие места. Это или естественные, или искусственно расчищенные противником сектора обстрелов.

В горах боевики, как правило, делают засады согласно инструкциям, принятым для общевойсковой разведки во всех армиях мира. Обычно ближе к дороге расположена группа нападения, значительно выше ее – группа отвлечения и прикрытия, которая и начинает обстрел колонны и в начале событий приковывает к себе внимание попавших в засаду. Это дает возможность группе нападения скрытно маневрировать и наносить внезапные кинжальные фланговые удары по живой силе колонны в очень неожиданные моменты. При хорошей погоде в горах прямая видимость дальше, чем на равнине, но в долинах и ущельях бывает густая атмосферная дымка, утром и вечером туман. Видимость при этом хуже. Поэтому при плохой видимости больше вероятность расположения противника для засады ближе к подножию горы, где тумана меньше и видимость лучше. При туманах и низкой облачности группа прикрытия противника может располагаться невысоко и недалеко от дороги. При этом от группы нападения до позиций группы прикрытия и отвлечения могут быть оставлены следы.

При постановке засады противник обязательно просчитает, откуда и по каким дорогам к нам может выдвинуться помощь, какими силами и за какое время. Поэтому обычно в 2–3 км от засады противник может выставить группу задержки с соответствующими огневыми средствами или же заминирует дорогу для задержки или уничтожения колонны, выдвинувшейся на выручку своих.

Как правило, в наше время засады не делаются на авось, а основываются на весьма достоверных сведениях, полученных противником различными путями (маршрут колонны, время выхода, численность бойцов, характер груза и т.д.). Постоянную информацию о выходе, следовании и приближении колонны противник получает от агентуры и наблюдателей с рациями, выставленных по маршруту движения (под видом сельских жителей), или же от наблюдателей, проезжающих мимо колонны на авто-, мото- и гужевом транспорте. Такие наблюдатели выставляются «по цепочке». Их заметно больше в местах транспортных развязок, на пересечении дорог и в местах с малой прямой видимостью.

Особенности засады в скальных лабиринтах

Огневые точки противника на скальных высотах, как правило, располагаются многоярусно – по скату выше и ниже друг друга. На скалистых скатах готовых и удобных мест для позиции встречается мало, поэтому нападающие заранее готовят себе укрытия, создавая их из нагромождения камней. Огневые точки верхних ярусов ведут огонь из дальнобойного легкого оружия (противотанковые гранатометы и пулеметы) по отдаленным целям или же используются для ведения прикрывающего и отвлекающего огня. Под прикрытием этого огня группа нападения противника, скрытно расположенная в складках местности или в «зеленке» где-то возле дороги, совершает неожиданный бросок с захватом пленных, груза и уничтожением живой силы.

Обычно противник старается в узком месте скального лабиринта подбить первую и последнюю машины, этим остановить колонну и затем расстреливать неподвижные цели.

В скалах, тесно примыкающих друг к другу, противник обстреливает колонны преимущественно из стрелкового оружия нормальных калибров, реже – из крупнокалиберных пулеметов и станковых гранатометов (это оружие с большим весом тяжело вручную переносить по горам). Применение противником минометов калибра 82 мм маловероятно – миномет тяжел, доставлять его трудно и долго, устанавливать на неровном скалистом основании неудобно, стрелять – неэффективно. Незакрепленная минометная плита на скалистом грунте при стрельбе подскакивает и постоянно сбивает наводку. Кроме того, при коротких дистанциях извилистого лабиринта в скальном ландшафте миномет вообще малоприменим. К тому же в скальном лабиринте сектора обстрелов малы, поэтому «накрыть» огнем можно только небольшой участок дороги.

На скалах тяжело и неудобно размещать позиции для многих бойцов. В скалах тяжело прятаться от обстрела.

Исходя из вышеизложенного, в скальном лабиринте противник старается не связываться: с сильной колонной, имеющей мощную головную походную заставу из нескольких единиц бронетехники; с колонной, в которой самоходные, артиллерийские установки (они способны стрелять почти вертикально вверх, под большими углами возвышения) идут вперемежку с грузовым транспортом; с длинной колонной, у которой начало уже скрылось за горой, а хвост еще не показался. При огневом отражении нападения в узком секторе обстрела на небольшом участке дороги вместе с грузовиком всегда окажется САУ, которая будет вести огонь чуть выше огневых точек противника, обнаруживающих себя дымками от выстрелов. Вызываемый разрывами снарядов камнепад накроет позиции стреляющих. Массированный огонь артиллерии и крупнокалиберных пулеметов снизу вверх вкупе с каменной осыпью превращает существование нападающих в ад.

Большая и сильная колонна в состоянии не останавливаясь «выбросить» силы, атакующие позиции засады пешим порядком снизу вверх при поддержке огня артиллерии. Поэтому лучшее, что может сделать противник, – это подбить (подорвать на фугасе) одну-две единицы транспорта и отсечь головную походную заставу от основных сил колонны, после чего «рассосаться» по горам. На большее у противника сил не хватит.

Особенности постановки засады в горно-лесистой местности

В такой местности скальные лабиринты отсутствуют, больше сектора обстрелов и дистанции стрельбы. Поэтому есть возможность ведения противником артиллерийско-минометного огня. В отличие от скальных лабиринтов, где дорога чаще всего единственная, в горно-лесистой местности может быть не одна дорога и могут быть объездные пути. В такой местности по противнику легче действовать штурмовой авиацией.

В горно-лесистой местности лучше прохождение УКВ-радиоволн (в скальной встречаются зоны, где УКВ не проходят), грунт мягкий, поэтому легче производится минирование колеи, обочин дороги и подступов к позициям противника. Наличие «зеленки» повышает эффективность действий групп нападения противника.

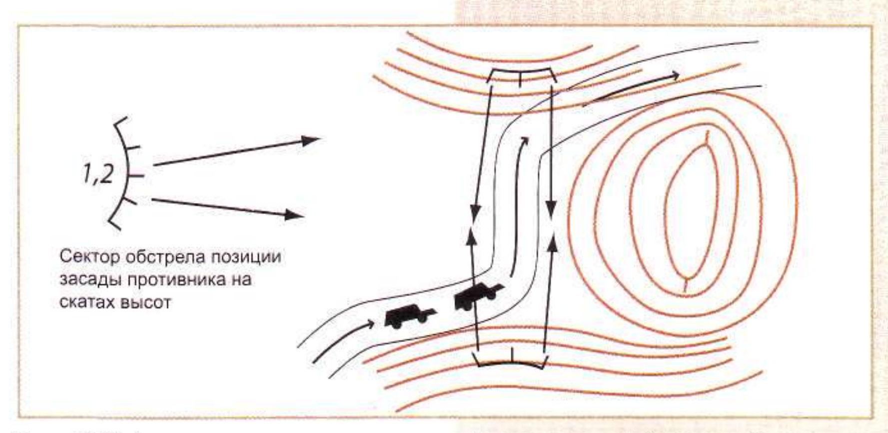
Силы засады при этом невелики – обычно они составляют 18–20 человек, разбитых на тройки: пулеметчик, снайпер, минометчик. Позиции стрельбы располагаются на нескольких командно-тактических высотах в 500–800 метрах от дороги. Позиции эти расположены так, что они перекрывают огнем минометов отдельные извилистые участки дороги от участка к участку, – в итоге перекрывается дорога на большом протяжении. Запас мин для миномета заранее, за несколько суток, часов, скрытно доставляется на позиции. Минометы доставляются на позиции непосредственно перед нападением. Место сбора перед нападением назначается в 5–7 км от места засады.

Полотно дороги, колея обычно не минируются, чтобы ничто не вызвало подозрений и чтобы колонна не пошла другим маршрутом. Для этого противник может заранее наглядно заминировать какие-то дороги, чтобы эти мины обнаружила разведка и начальство направило колонну по нужной дороге, где обустроена засада.

Если планируется грабеж груза и захват пленных, группа нападения, засевшая в «зеленке», по численности велика. Если же планируется уничтожение живой силы, группа нападения малочисленна – ее задачей в таком случае является расстрел из нескольких гранатометов передних и задних транспортных единиц (желательно танков) с целью остановить и заблокировать колонну (иногда для этого используются фугасы с радиоподрывом). После чего группа нападения отходит и выполняет функции прикрытия огневых минометных позиций.

Затем колонну начинают разбивать

из минометов. Живая сила расползается из колонны и начинает подрываться на минах, установленных на обочинах и за обочинами. Бойцы возвращаются к машинам и пытаются укрыться за ними, но тут же становятся добычей пулеметчиков и снайперов. Минометы противника стреляют с закрытых позиций и поэтому недосягаемы. Так, небольшими силами противник может удерживать длительное время на одном месте довольно большие колонны и планомерно истреблять их.

УДАР ИЗ ЗАСАДЫ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ

Подготовка к маршу

Итак, вам предстоит сложный марш. Алгоритм действий таков:

– подготовить машины;

– составить карточку маршрута с «привязкой» к карте, с указанием наиболее опасных участков и «привязкой» к карте Генштаба, мест устройства вероятных засад, находящихся рядом с ними тактически преобладающих высот, откуда можно вести огонь и наблюдение за колонной;

– на картах определить зоны невидимости с этих высот (чтобы знать, куда прятать транспорт и людей от обстрела);

– на картах обозначить ориентиры для авиации и реперы для артиллерийского огня;

– вместе со связистами выявить и обозначить на карте места, где УКВ-связь может теряться из-за превышения высот;

– определить позывные, радиочастоты для связи со своими штабами, силами поддержки авиации и артиллерии, определить порядок взаимодействия с этими силами;

– составить график движения колонны;

– определить порядок прохождения опасных участков (при необходимости спешивание и прохождение пешим способом, очередность прохождения) и порядок возможного боевого развертывания при различных вариантах боевых событий;

– заранее установить безопасные места привалов;

– обязательно иметь тросы для буксировки;

– еще раз проинструктировать личный состав, произвести тренировочное спешивание и оборонительное развертывание.

Основные принципы (приемы) продвижения колонны

Прежде всего, колонна должна быть сильной. Особенно сильной должна быть ГПЗ (головная походная застава), состоящая из нескольких единиц бронетехники. ГПЗ может быть отсечена от основных сил колонны, и ей, возможно, придется вести бой самостоятельно. К тому же надо наглядно продемонстрировать противнику силу и мощь колонны – на крупную и сильную колонну нападение маловероятно. Впереди ГПЗ идет БТР, оборудованный специальной парой колес для разминирований – КМТ (колесный минный трал).

Снайперы и пулеметчики на броне ведут постоянное круговое наблюдение для обнаружения мест, потенциально возможных для постановки противником огневых точек, и сразу же определяют дистанции до них. Эта работа проводится ими постоянно в течение всего марша. При обнаружении противника огонь и целеуказание трассирующими пулями снайпер и пулеметчик производят самостоятельно без команды и как можно быстрее.

При обстреле сверху вниз нужно стараться ни в коем случае не останавливаться, любым способом необходимо вырваться из-под обстрела. Подбитую машину без ценного груза следует сбросить с дороги, с ценным грузом по возможности попытаться отбуксировать в безопасное место.

Из ГПЗ по необходимости ведется превентивный (предупреждающий) огонь по опасным местам придорожного ландшафта («зеленке», скоплениям больших камней, сильнопересеченным местам, где могут находиться группы нападения противника).

На марше ведется постоянное круговое наблюдение из каждой машины каждым бойцом и командиром – только это позволит своевременно обнаружить и уничтожить противника. Наблюдение ведут все военнослужащие, поэтому они и сидят лицом к борту. Снайпер находится возле кабины и смотрит вперед. Каждому бойцу назначается сектор наблюдения в зависимости от направления движения, обеспеченности личного состава приборами наблюдения и рельефа местности. Наблюдение бойцы ведут в основном по близлежащему (не далее 300 м) ландшафту. Пулеметчик ведет наблюдение и осуществляет тактическую оценку более дальних и высоко расположенных объектов для обнаружения позиций прикрытия и отвлечения. При внезапной стрельбе из «зеленки» или из-за камней бойцы, сидящие лицом к борту, открывают огонь немедленно и самостоятельно (оружие должно находиться в готовности к стрельбе). Иногда (по команде) оружие необходимо держать в прицельном положении.

Командир колонны должен находиться в середине колонны при основной радиостанции, ехать в кузове, как и все, ничем среди бойцов не выделяться. Обязательно должен назначить себе заместителя. На командире лежит ответственность за принятие правильных решений по ходу боевых событий.

Если в колонне появилась подбитая машина, но она в состоянии двигаться, задача водителей – вывести машину из-под обстрела, не останавливаясь, доехать до ближайшего укрытия (прижать машину под скалу).

Даже на пробитых скатах можно ехать неопределенное время – чем дольше, тем лучше.

Если убит или ранен основной водитель, его место занимает напарник. Если машина сильно повреждена и не может двигаться, обязанность водителей – убрать ее с дороги, чтобы она не мешала продвижению колонны.

Как уже упоминалось, если из «зеленки» или нагромождения камней по машине открыт огонь, бойцы, сидящие лицом к бортам, без команды открывают массированный и плотный ответный огонь на поражение. Командир принимает решение и отдает приказ по оценке обстановки: на спешивание на ходу и на атаку, если на дистанции атакующего рывка нет непроходимых мест (обрывов, скатов, водных преград и т.д.). Если же при наличии

таких препятствий атакующее продвижение своих и противника невозможно, разумнее продолжать движение и попытаться выйти из зоны поражения, самим интенсивно отстреливаясь на ходу. Если машина «обездвижена», надо немедленно дать команду на спешивание, оборонительное развертывание и, учитывая обстановку, найти возможность под прикрытием своего пулеметчика сделать рывок по дороге и выскочить из зоны поражения. **Для наступательных действий разворачиваться следует из не простреливаемого противником места.**

Другие машины колонны, не попавшие в сектор обстрела, по обстановке или приказу могут остановиться за укрытиями, бойцы спешиваются, колонна или занимает оборону, или развертывается для атакующих действий снизу вверх. При атакующих действиях всем вместе необязательно штурмовать одну и ту же высоту. Часто бывает, что целесообразнее занять рядом находящуюся высотку и оказаться выше противника – это облегчает его уничтожение огневыми средствами со стороны.

Если противник колонну остановил и ваши наступательные действия невозможны, вам остается только одно – открыть массированный и плотный огонь по позициям противника снизу вверх. На первых порах, пока вы не сможете двинуться с места и пока не подоспеет помощь (вертолеты огневой поддержки и т.д.), надейтесь только на себя – чудес не бывает.

Там, где колонна вынуждена сбавить ход, бойцы могут спешиваться и преодолевать опасные места пешком, держа оружие наготове. **Строем идти при этом запрещается!** Бойцы идут двумя шеренгами по обеим сторонам дороги по 8–10 человек, выдерживая интервал между собой 5–6 м, а между подразделениями (группами) по 15–20 м. Особо опасные участки проходят поочередно: пока первая группа, спрятавшись за укрытиями, готовится открыть огонь по противнику, вторая проходит опасный участок. В свою очередь, вторая группа закрепляется за укрытиями и обеспечивает безопасность перехода товарищей. Остальные бойцы в это время спешиваются, занимают круговую оборону и находятся в готовности отразить нападение.

После того как пешие бойцы миновали опасный участок, закрепились за укрытиями и обеспечили сектор обстрела на случай нападения противника, под их прикрытием опасный участок преодолевается транспортными средствами. Иногда приходится пропускать машины по одной или по две.

При пешем движении не надо идти по колее – там можно наступить на мину, срабатывающую на 10–15-е нажатие. Не следует идти и по обочине – она может быть заминирована. Через 30–40 минут производится смена головных направляющих бойцов.

При таком пешем движении обязательно назначается головной дозор, усиленный пулеметом. Высылаемый разведдозор может двигаться не только по дорогам, но и возле них, поднимаясь на тактические высотки, осматривая их и ведя с них наблюдение. Одновременно разведдозор ведет разведку мест, пригодных для постановки противником минных заграждений. Разведдозор осматривает узкие проходы, теснины, повороты, мосты, ущелья, тоннели, отдельные строения и прочие места, пригодные для засад. Движение колонны (пешее или на транспорте) начинается по сигналу разведдозора «Путь свободен».

Колонна останавливается перед всеми потенциально опасными местами и проходит их только после осмотра и разведки или при пешем прохождении личного состава. Время таких остановок включается в график движения.

Во время Великой Отечественной войны немцы при движении на машинах, если была вероятность попадания в засаду, разбивали колонну на пары машин. Расстояние между парами было 100–120 м, а между машинами в парах 30–40 м. Это позволяло избегать попадания в зону поражения сразу большого числа машин и ослепления глаз водителей поднятой впереди идущим транспортом пылью. Кроме того, если была остановлена или обстреляна одна из машин в паре, вторая могла остаться за укрытием, не выезжая на открытое опасное место, ее бойцы могли безопасно для себя развернуться в боевые наступательные порядки и оказать помощь своим товарищам из подбитой машины.

Если противнику удалось остановить колонну, немедленно выставляется плотная дымовая завеса. В ней – общее спасение. Под прикрытием дымовой завесы производятся спешивание, оборонительное развертывание, разминирование дороги, обочин, кюветов и наступательного пространства за кюветами. Из колонны ведется плотный массированный огонь всеми средствами. После разминирования производятся наступательное развертывание, уничтожение группы нападения боевиков с последующей агрессивной атакой снизу вверх. При наличии летной погоды следует вызвать авиацию и обеспечить ей четкое целеуказание.

В колонне очень желательно иметь хотя бы один миномет, который находится на машине где-то в хвосте колонны. Только из миномета можно «накрыть» противника на закрытых позициях и эффективно «сбить» его со склонов вниз. Немецкие горные егеря всегда возили с собой минометы калибров 80–107 мм, из которых «накрывали» партизанские позиции, не снимая минометы с кузовов машин. Под плиты минометов при этом подкладывали прочные деревянные рамы-настилы. Немцы знали, что тренированный армейский минометчик всегда искуснее минометчика партизанского. Норматив первого выстрела из миномета – 35 секунд с начала обстрела.

(Продолжение следует)

Значение артиллерийской и воздушной поддержки для групп специального назначения (далее – ГСпН) очень велико. Отсутствие же этой поддержки всегда приводило к трагедиям. Возьмем, например, неудачную десантную операцию союзников в августе 1942 года в районе Дьепа. Морских десантников без артиллерийской поддержки с тяжелых линкоров и крейсеров высадили на французское побережье, оккупированное фашистами. Итог этой десантной операции, прозванной «кровавой мясорубкой», плачевен: погибли и попали в плен более 6.500 человек.

Андрей Кириллов

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ШТАБНУЮ ГЛУПОСТЬ

РЕЦЕПТ ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ДОРОГИ ЖИЗНИ ПОДЧИНЕННЫХ

Можно и дальше приводить череду трагедий, связанных с отсутствием артиллерийской и воздушной поддержки спецназа. Ведь еще свежи боевые примеры недавних войн и внутренних конфликтов: Афганистан, Таджикистан, Чечня.

Совсем недавно отгремела вторая чеченская, где от координации и взаимодействия ГСпН с авиацией и артиллерией зависели не только точность и своевременность поражения всех обнаруженных целей НВФ, но и отсутствие ударов по своим войскам. И сегодня наши подразделения разведки и спецназа в горах Северного Кавказа могут встретить на своем пути бандформирование или группу наемников. Обе стороны имеют почти одинаковые боевые потенциалы и возможности по уничтожению противника, так как вооружены стрелковым и гранатометным вооружением. Все ведущие спецназы мира – США, Великобритании, Германии, Франции, Израиля – в данной ситуации широко используют и применяют средства огневой поддержки старших начальников – авиацию и артиллерию...

Однако у нас проблема подготовки корректировщиков артиллерийского огня (далее – КАО) и передовых авиационных наводчиков (далее – ПАН) для подразделений специального назначения не разрешена до сих пор: отсутствует систематизированная программа подготовки этих специалистов для ГСпН, нет желания у командиров подразделений спецназа заниматься, как кажется иным, уже «неактуальными» вопросами. Поэтому нет и финансовых средств на эту «ненужную» тему боевой подготовки. Сегодня для галочки выделяются формальные три дня на подготовку КАО и ПАН спецназа за год! Неужели мало кровавых примеров отсутствия артиллерийской и воздушной поддержки?!

Но я все же твердо верю, что здравый смысл вскоре возобладает и все вернется на круги своя. Будет достойная боевая учеба этих специалистов. Ведь боевым командирам ГСпН эти вопросы жизненно необходимы, и мои соображения по подготовке данных профи, изложенные далее, я думаю, вызовут живой интерес у участников боевых действий и специалистов – читателей журнала «Солдат удачи». Чтобы «держать порох сухим», предлагаю свой «рецепт» систематизированной подготовки данных профессионалов для подразделений специального назначения. Надо пройти несколько шагов.

Первый шаг. Закрепить арт- и авианаводчиков приказом командира части.

Чтобы начать систематическую подготовку специалистов по этим дисциплинам, необходимо «узаконить» отобранных людей **приказом по части**. При отборе в списки ПАН и КАО не должны попасть случайные люди (которые завтра собрались «дембельнуться», например) или задействованные по другим специализациям. ПАН и КАО – это дорогой и штучный «товар» и относиться к их отбору следует серьезно и ответственно. Лучшими кандидатами станут офицеры – выпускники артиллерийских командных и авиационных летных и штурманских военных вузов, подготовленные до нужного уровня в ГСпН на соответствующих сборах и занятиях. Надо внести **необходимые «довороты» в программу боевой подготовки** для этих специалистов. Следующее необходимое действие – **закрепление** за ПАН и КАО необходимого вооружения, приборов разведки, связи, метеорологических приборов, экипировки, штурманского снаряжения, средств навигации, пиротехнических и сигнальных средств обозначения, снаряжения, средств мас-

Тематика стендов для учебного класса по вызову и наведению авиации:

1-я группа	Обязанности должностных лиц пункта управления авианаводчика (далее – ПУАН). Порядок действий ПАН: ПАН запрещается. Экипировка и снаряжение. Выбор ПУАН на местности, оборудование и маскировка.
2-я группа	Организация взаимодействия авиации с ГСпН. Обозначение своих войск. Меры безопасности при организации взаимодействия.
3-я группа	Основные тактико-технические характеристики вертолетов и самолетов ударной авиации. Варианты вооружения и боевой зарядки летательных аппаратов.
4-я группа	Основные тактико-технические характеристики авиационных средств поражения ударной авиации. Рубежи безопасного удаления для своих войск.
5-я группа	Основы авианаведения. Способы наведения на цель. Порядок наведения вертолета для эвакуации ГСпН (раненого). Ведение боевой документации, оформление рабочей карты ПАН.
6-я группа	Организация связи ГСпН с авиацией. Назначение, тактико-технические данные, порядок подготовки к работе авиационных средств связи. Порядок ведения переговоров и передачи команд.
7-я группа	Метеорологическая подготовка ПАН. Назначение, тактико-технические характеристики, порядок подготовки к работе метеорологических приборов. Порядок ведения метеоизмерений и наблюдений ПАН. Схема ориентиров метеорологической дальности видимости.
8-я группа	Особенности действий ПАН в тылу противника в условиях боевых действий. Боевой опыт применения ПАН в войнах и внутренних конфликтах. Причины и последствия ошибочного наведения авиации по своим войскам.

Тематика стендов для учебного класса по вызову и корректированию огня артиллерии:

1-я группа	Обязанности и назначение КАО. Экипировка и снаряжение. КАО запрещается. Организация взаимодействия артиллерии с ГСпН. Меры безопасности при координации действий.
2-я группа	Основные ТТХ образцов артиллерийских систем, минометов, РСЗО. Рубежи безопасного удаления при стрельбе.
3-я группа	Особенности действий КАО в тылу противника в условиях боевых действий. Маскировка: индивидуальная, групповая, наблюдательного пункта. Проверка видов маскировки. Демаскирующие признаки основных объектов и целей противника. Выбор, занятие, оборудование и маскировка НП. Организация ведения электронно-оптической разведки на НП. Порядок доведения данных о разведанных целях. Ведение документации КАО.
4-я группа	Назначение, ТТХ, порядок подготовки к работе приборов разведки, навигации, наблюдения.
5-я группа	Порядок вызова и корректирования огня артиллерии в ходе пристрелки цели и стрельбы на поражение.
6-я группа	Документация, ведущаяся на НП ГКАО. Журнал разведки и обслуживания стрельбы. Рабочая карта КАО. Схема ориентиров НП.
7-я группа	Корректирование огня артиллерии в особых условиях.
8-я группа	Боевой опыт применения КАО в войнах и внутренних конфликтах. Причины и последствия ударов артиллерии по своим войскам.

кировки и документации.

<u>Второй шаг.</u> Спланировать на год необходимую боевую подготовку данных специалистов для ГСпН.

Для боевой подготовки КАО и ПАН привлекать только отобранный личный состав ГСпН (из расчета по 2 человека от группы). Обучение этих специалистов в течение года состоит из нескольких этапов:

– подготовка в ходе сборов (обучение наведению вертолетов, корректированию огня артиллерии, наведению самолетов штурмовой и бомбардировочной авиации, метеорологическая подготовка);

– работа на своей учебной материально-технической базе (подготовка по связи и повторение пройденных программ обучения КАО и ПАН);

– привлечение в качестве КАО и ПАН на совместные тактические учения, контрольно-комплексные занятия с авиацией и артиллерией;

– сдача зачетов на подтверждение своей квалификации и на допуск к наведению авиации и корректированию огня артиллерии.

<u>Третий шаг.</u> Создать необходимую учебную материально-техническую базу для подготовки КАО и ПАН в подразделении специального назначения.

Учебная материально-техническая база для подготовки КАО и ПАН (далее – УМТБ) необходима для поддержания на должном уровне подготовленности специалистов в промежутках между сборами и сдачей зачетов перед выездами в боевые командировки в качестве КАО и ПАН. УМТБ состоит из классной и полевой учебной базы. Необходим штат преподавателей и инструкторов из числа высококвалифицированных специалистов РВ и А и ВВС Минобороны РФ.

В классную учебную базу входят:

– учебный класс по вызову и наведению авиации;

– учебный класс по вызову и корректированию огня артиллерии;

– лазерный артиллерийский полигон с макетом местности (равнина, город, горы);

– приборная мастерская, склад, метеорологическая лаборатория;

– комната преподавательского (инструкторского) состава.

Учебные классы рекомендуется оснастить и оборудовать:

– восемью настенными сдвижными стендами (по 15 листов в каждом, всего 120 листов на учебный класс по тематике программ обучения КАО и ПАН);

– витринами с макетами образцов вертолетов, самолетов, артиллерийских систем, минометов, авиационных и артиллерийских средств поражения, приборами разведки, навигации, метеоприборами, пиротехническими и сигнальными средствами обозначения, образцами оформления топографических карт, отработки боевых документов;

– автоматизированными рабочими местами преподавателей (до 2 человек) и обучаемых (до 15–20 человек);

– интерактивной доской и аппаратурой для демонстрации учебного материала, находящегося как в цифровом формате, так и в аналоговом формате (VHS, SVHS, DVD);

– местом для отработки нормативов по переводу приборов из походного положения в боевое и обратно.

Рассмотрим, что собой представляют настенные сдвижные стенды. Можно, конечно, использовать и вариант «стенд-книжка», но предлагаемый вариант устройства более компактен, занимает меньше места. Руководитель занятия выдвигает лист с темой проводимого занятия, переходя к следующему вопросу, извлекает другой необходимый лист. Очень удобно, практично и наглядно.

Предложу и свой вариант наименований 8 групп стендов (по 15 листов каждый) для каждого из учебных классов. Для своих подразделений тематику этих стендов вы можете изменить по своему усмотрению.

Хотелось бы также порекомендовать заинтересованным лицам при подготовке КАО в ГСпН не слишком углубляться в артиллерийскую науку и стремиться обучить корректировщика спецназа по полному курсу артиллерийского командного училища. На мой взгляд, КАО ГСпН необходимо уметь налаживать взаимодействие в бою с пунктом управления артиллерии и передавать целеуказание и данные по разрывам снарядов относительно цели, определенные с помощью точных электронно-оптических средств наблюдения и разведки. А артиллеристы уже сами на ПУА рассчитают необходимые корректуры в прицел и направление. Забивать лишней информацией головы КАО ГСпН, на мой взгляд, не следует.

В полевую учебную базу входят:

– малый артиллерийский винтовочный полигон с макетом местности и площадкой для выбора, оборудования и маскировки наблюдательных пунктов (далее – НП);

– учебное поле подготовки разведчиков по ведению электронно-оптической разведки с площадкой для выбора, оборудования и маскировки НП;

– учебное поле метеорологической подготовки с площадкой для работы с приборами ПАН, метеорологический городок;

– площадка для отработки нормативов по связи;

– учебное поле по подбору посадочных площадок для вертолетов;

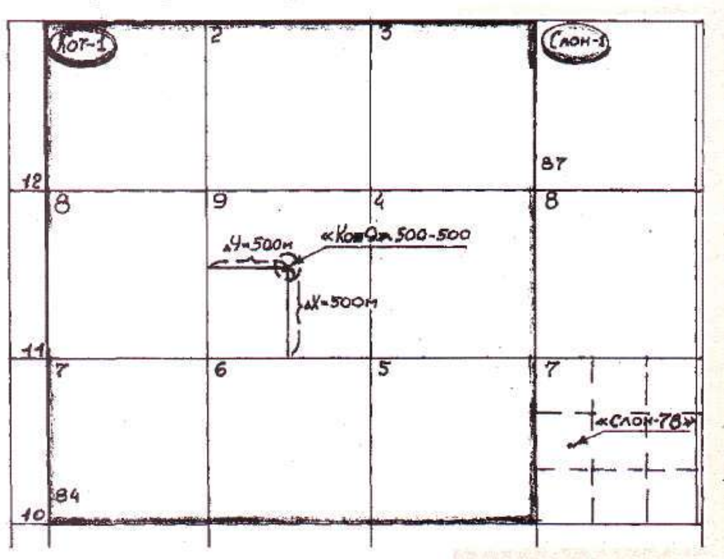
– места для обозначения своих войск авиации.

<u>Четвертый шаг.</u> Начать систематизированную боевую подготовку и учебу КАО и ПАН ГСпН.

Конечно же претворение в жизнь вышеизложенных идей стоит немалых денег, но главное, чтобы было желание, и тогда процесс пойдет!

Надеюсь, что эта публикация поможет выстроить грамотную систему подготовки КАО и ПАН для ГСпН. Хотелось бы также услышать советы и предложения по этой теме от специалистов и профессионалов. Только совместно с вами, дорогие друзья, опираясь на ваш богатый боевой опыт, возможно одержать победу над штабной глупостью и командирской бюрократией. А от этой победы будут зависеть жизнь и здоровье многих бойцов ГСпН. Почту за честь узнать, было ли хоть что-то из моих предложений взято на «вооружение» отечественными разведчиками и спецназовцами.

Кодировка рабочей карты начальника ГКАО (вариант).

ИСТОРИИ ПРО ВОЙНУ

Начиная с № 3 нашего журнала мы начали публиковать наиболее интересные отклики, пришедшие на форум сайта «Солдата удачи» в Интернете. И, откровенно говоря, не пожалели. Люди пишут все чаще и все откровеннее, нередко делятся своим боевым опытом. Сегодня мы предлагаем вам новую подборку с нашего форума. В этих двух письмах есть одно общее – в них рассказывается о том, во что обходится на войне ДУРЬ. А именно – непрофессионализм, самоуверенность и пренебрежение к боевому опыту иных командиров и начальников.

«В НЕБЕ ЛЕТИТ, КУВЫРКАЯСЬ, ТАНКОВАЯ БАШНЯ...»

В составе танкового батальона 276-го полка я участвовал в штурме Грозного в январе 1995 года. Читал запись штурма, которую вел начальник связи батальона Таран. (*Автор не указывает, где именно он читал эту запись. – **Ред.***) Хочется внести ясность, так как создается впечатление, что основную информацию о происходящем Таран получал из радиопереговоров. Не дает покоя ощущение вины, которая косвенно ложится на наш экипаж 422-го танка в связи с гибелью экипажа Новокшенова. Судя по записям Тарана и других авторов, описывающих это событие, обвинения как такового нет, но все указывают на то, что танк Новокшенова получил приказ вытащить наш танк, застрявший по башню в грязи на берегу реки Сунжи, в Грозном. И при выполнении этой задачи экипаж погиб.

Начну по порядку. Точных дат в памяти не осталось, все же тринадцать лет прошло. Был конец января, нашим танком командовал старший лейтенант. Даже фамилии его не помню, так как он буквально на днях прибыл из Чебаркуля и всего пару дней был нашим командиром танка. Помню только, что звали его Федя. Так вот, он с первого дня стал делать одну глупую вещь – не слушал ни моих, ни механика-водителя советов, не считаясь с тем, что у нас есть пусть небольшой (всего месяц), но боевой опыт. На все наши доводы говорил, что в училище его учили по-другому.

И вот мы получили задачу нашим танком встретить и оказать огневую поддержку группе мотострелков, которые прорывались из окружения. Позывной у них был «Арка-6». Сначала мы стояли на центральной улице, это был район частного сектора. Где-то впереди, за его границами, в многоэтажках грохотало, мимо нас туда двигалась техника: БМП, «Уралы». Затем к нам подъехал танк Новокшенова и сменил нас, встав на наше место. Мы же проехали метров сто вперед, свернули в проулок направо и, миновав его, уткнулись в обрывистый берег реки Сунжи. Здесь мы и встретили мотострелков. Получили приказ занять оборону этого участка. Пехота начала окапываться. Федя нам сказал, что мы тоже должны окопать свой танк. Для непосвященных отмечу, что у танка впереди есть лопата для самоокапывания, которая крепится на двух зажимах. Когда ее откидываешь, то танк, как бульдозер, роет землю.

Но Федя не учел, во-первых, что под нами сплошная глина. Пехота отрыла себе небольшие окопчики глубиной в полметра, а танку перспектива зарываться в таком месте означала одно – завязнуть. Во-вторых, не стал Федя слушать и того, что мы уже пробовали окопаться, а потом вшестером еле-еле поставили лопату на место. Дело в том, что на танке за время боев загнуло лист, на котором крепится активная защита, и теперь он мешал лопате плотно встать на место. Нужно было огромное усилие, чтобы прижать ее к корпусу и зафиксировать.

Федя гневно сказал, что в училище он эту процедуру делал вдвоем с товарищем, и приказал нам немедленно окопаться. Делать нечего, пришлось

подчиниться. Отстегнули лопату (она достаточно тяжелая, и загнутый лист активной брони ее не задержал). Механик-водитель начал окапываться. В сплошной глине, пропитанной водой, танк буквально засосало по самую башню. Он не мог двинуться ни вперед, ни назад.

Тем временем обстановка вокруг нас постепенно накалялась. Звуки боя приближались к нам, эфир не смолкал. Стрелять начали уже слева от нас. А наш увязший танк на случай боя был бесполезен. Отличная мишень для «духов»...

Федя по рации стал просить тягач. Ближе всех к нам был экипаж Новокшенова, и он получил задание вытащить нас. Мы стали ждать помощи.

И тут на той улице, где нас сменил экипаж Новокшенова, прогремел сильный взрыв. В воздух поднялся столб дыма. Кто-то из пехоты сказал, что подбили машину с боеприпасами. Затем на этой же улице прогремел еще один мощный взрыв, и я увидел, как в небе летит, кувыркаясь, танковая башня...

Видимо, башня так высоко летела, что все ее увидели, и начальник штаба батальона стал вызывать в эфир экипажи. Не вышел на связь только танк Новокшенова...

Начальник штаба батальона приехал к нам. У него был только один вопрос: кто приказал экипажу окапывать танк? Федя сказал, что он приказал. И тут же получил удар в челюсть.

Усилиями двух танков нашу машину вытащили из глины. Начальник штаба приказал быстро поставить лопату на место. Тут уж мы испугались за нашего Федю – ему совсем несдобровать, если начштаба узнает, что и это сделать проблематично. И мы стали делать вид, будто ставим лопату на место. Начальник штаба уехал.

Нужно особо сказать о смекалке нашего механика-водителя Вадима из Новосибирска. Он не стал долго ломать голову над тем, как установить лопату на место. Достал из ЗИПа стальной тросик, зацепил один его конец за край лопаты, а другой – за гусеницу танка и, включив заднюю передачу, стал тихонько сдавать назад. В результате тяжеленная лопата сама встала на место, и нам лишь осталось ее зафиксировать. Правда, пришлось пожертвовать тросиком – его защемило и разорвало гусеницей.

Вернусь к экипажу Новокшенова. Когда мы находились на его месте, то стояли одним танком, то есть без прикрытия пехоты. И его танк, сменивший наш, тоже остался без прикрытия. Бой шел сначала впереди нас, затем переместился левее, как раз в ту сторону, где стоял танк Новокшенова. Ни о какой слаженности не было в то время и речи. Летящую башню я увидел как раз в том месте, где стоял его танк. Значит, к нам они еще не успели выдвинуться.

Существует версия подрыва танка Новокшенова на фугасе. Но наша машина простояла до него на том месте практически два часа...

Скорее всего, какая-то группа «чехов» обошла с левого фланга и, пользуясь тем, что нет прикрытия из пехоты, попросту расстреляла из гранатометов находившиеся там танк и машину с боеприпасами. Тем более что в условиях городского боя сделать это не так уж и сложно...

«Броня».

«РЕБЯТАМ, КОТОРЫЕ ПОГИБЛИ, УЖЕ ВСЕ РАВНО»

Был у меня один начальник. Штаба...

Вызывает он меня как-то и ставит задачу на проведение разведывательно-поисковых действий (распоряжение ему из штаба ОГВ(с) скинули). Тычет карандашом в карту и курвиметром километраж считает. Насчитал километров двадцать пять. После этого, вспомнив из школьного курса математики, что средняя скорость пешехода составляет 5 километров в час, объявляет мне, что ждет доклада о результатах через шесть часов, учитывая час на подготовку к выходу.

Любой курсант, изучивший военную топографию в объеме первого курса, смог бы прочитать по карте, что в указанные сроки группе необходимо было покорить два хребта, два раза переправиться через Аргун и марш совершить по местности с разрывом высот 600–1.000 метров.

И все – за пять часов...

Такая вот история... Про войну. Сначала было смешно, а потом, через два месяца, по вине этого дяди попали под крупную «раздачу», даже авиацию пришлось вызывать.

Прямая ли его вина была, неумение или просто безграмотность – ребятам, которые погибли в тот день, уже все равно...

Вопрос не в этом. Какой «достойнейший» начальник представлял его на эту должность? С каким не менее «достойнейшим» начальником это представление согласовывалось? И какой уж вовсе «ум, честь и совесть нашей эпохи» эту бумагу подписал?!

Насколько мне известно, случай не единичный...

«Леший».

НЕБО ДОБРОЕ И ЗЛОЕ...

Геннадий СЕМЕНИХИН

Анатолий Александрович Сафронов... Это имя с большой буквы в авиации.

Сегодня некоторые фрагменты судьбы этого уникального в своем роде летчика-аса будут представлены крупным планом. В том числе и те, которые до сих пор остаются неизвестными для широкого круга читателей.

Генерал-майор авиации, Герой Российской Федерации (был представлен к этому званию четыре (!) раза), кавалер многих боевых орденов, участник боевых действий в Афганистане и обеих чеченских кампаний. Казалось бы, такой путь просто не может уместиться в одной судьбе. У него – уместился... Он сотни раз во время своих боевых вылетов делал невозможное, сажая свой вертолет на немыслимые площадки, буквально в пекло, спасая из-под огня десантников, пехоту, спецназ.

Теперь Анатолий Александрович является начальником кафедры оперативного искусства Военно-воздушных сил Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

Коротко о его биографии. Родился 9 декабря 1959 года в селе Саратовка Соль-Инецкого района Оренбургской области. Образование: Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков, Военно-воздушная академия им. Ю.А. Гагарина, Академия Генерального штаба ВС РФ. Заслуженный военный летчик России, летчик-снайпер. Проходил службу в ДВО, ТуркВО (Афганистан), ЮГВ, СКВО, СибВО, ПУрВО. Звание Героя Российской Федерации командиру отдельного вертолетного полка (в то время) полковнику Анатолию Сафронову присвоено за образцовое исполнение воинского долга, личное мужество и героизм, умелое руководство подчиненными в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе 3 ноября 2000 года.

Еще раз подчеркнем – здесь фрагменты судьбы боевого летчика, включающие самое разное время...

ПРОИСШЕСТВИЕ В НЕБЕ

...Город Чита, военный аэродром. У вертолета Ми-8, ожидая запланированного вылета в командировку, собралась группа старших офицеров из штаба Сибирского военного округа. Из притормозившего возле вертолетной площадки уазика выходит заместитель начальника армейской авиации по боевой подготовке (в то время) Сибирского военного округа Анатолий Сафронов. Ему навстречу спешит командир экипажа капитан Олег Панов: «Товарищ полковник, экипаж к полету готов!»

– Как техника? – поинтересовался Анатолий Александрович и, услышав короткий ответ «все нормально», шагнул к вертолету.

Офицеры штаба занимают свои места в салоне. Через пару минут на высокой ноте взвыли генераторы, раскручивая турбины двигателей на взлетный режим.

Машина в небе. Расположившись на месте летчика-штурмана, полковник Сафронов внимательно наблюдал за действиями капитана Панова. И совсем не потому, что он в чем-то не доверял командиру экипажа. Олег был опытным летчиком, провел в небе не одну сотню часов, в полном объеме завершил про-

грамму подготовки на первый класс и прекрасно мог бы справиться с заданием по переброске группы проверяющих в один из отдаленных забайкальских гарнизонов сам. Просто таковы уж обязанности у летчика-инструктора.

Вертолет набирал высоту. Внизу – окраина Читы, поселок Каштак. Капитан Панов плавным движением ручки управления, выполнив разворот, вывел Ми-8 на заданный курс.

Вдруг скрежет раздираемого металла заглушил могучий рокот двигателей. Машина, еще секунды назад послушная пилотам, вышла из подчинения. Встав «на дыбы», она ежесекундно грозила свалиться и похоронить под собой экипаж с пассажирами. Это потом специалисты установят, что огромная адская «мясорубка» главного редуктора со скоростью более десяти тысяч оборотов в минуту перемалывала стальные зубья шестеренок несущего винта, лишая возможности пилотов управлять взбесившейся техникой.

«Высота – пятьсот метров, обороты... давление в гидросистеме...» – мозг Анатолия Сафронова еще продолжал анализировать сложившуюся ситуацию, а руки... Натренированные в жарком и душном небе Афгана, промозглом осеннем воздухе Чечни, они, казалось, жили своей жизнью, каким-то чудом удерживая тяжелую машину от сваливания.

Тряска возрастала. Ми-8 то и дело бросало из стороны в сторону.

– Будем садиться на вынужденную, – коротко сказал Анатолий Александрович, поймав на себе вопросительный взгляд командира экипажа.

В такие секунды, на грани жизни и смерти, говорят, перед человеком, как в кинохронике, проносится вся его жизнь. Что ж, об этом судить только тем, кто оказывался в таких ситуациях.

Несомненно одно – тот, кто прошел все, что можно пройти, кто хладнокровно смотрел в глаза смерти, имеет свой отсчет времени, растянутого в сотые доли секунды на этой тонкой грани бытия...

«НЕТ БОЛЬШЕ САШКИ...»

...1988 год. Аэродром Чирчик под Ташкентом. Полуденный южный ветер гнал по полковому плацу горячий песок. Слезились глаза.

– Товарищи офицеры, много говорить не буду, – начальник штаба полка мятым платком пытался вытереть пот, струящийся по шее. – Полдня вам на обустройство, и с завтрашнего дня будем учиться летать...

Кто-то из пилотов, не сдержавшись, хмыкнул. Его можно было понять: в строю стояли летчики 1-го класса...

– Лишний раз поучиться всегда полезно, – не стал развивать намечавшуюся полемику начальник штаба и распустил строй.

Учеба оказалась действительно полезной. Летчики-инструкторы, прошедшие Афган, летавшие на грани пределов человека и техники, с утра до позднего вечера передавали свой и обобщенный боевой опыт тем, кому предстояло через пару недель убыть в ДРА и летать в небе войны. На предельных режимах и высотах, «ввинчиваясь» вниз чуть ли не вертикально при заходе на посадку, чтобы не «достали» огнем душманы, «стричь» лопастями землю, летя в считаных метрах от нее на бешеной скорости, выполнять противоракетные и противозенитные маневры...

Сколько раз потом, попав в очередную переделку, капитан Анатолий Сафронов мысленно благодарил своих воздушных наставников за науку. Да и не только он.

Через полтора месяца попутный борт забросил Анатолия сначала в Кабул, а затем и в Баграм. В штабе отдельной вертолетной эскадрильи, ожидая командира, Анатолий неожиданно увидел фотографию однокашника по училищу Сашки Самсонникова. Вечно неунывающая физиономия друга смотрела на него со стенда «Лучшие летчики эскадрильи».

– А где мне найти Самсонникова? – поинтересовался капитан Сафронов у дежурного по штабу.

– Нет больше Сашки... – услышал в ответ. – Сгорел месяц назад. А фотографию снять ни у кого рука не поднимается...

Ми-24 капитана Самсонникова прикрывал экипаж «восьмерки», которому предстояло забрать из ущелья попавшую в засаду группу десантников. Когда пришли в заданный район, десантура держалась уже из последних сил: много раненых и убитых, патроны на исходе.

– Работай, я прикрою, – бросил командиру транспортной «вертушки» Александр.

Ми-8 с ходу зашел на посадку. Экипаж стал помогать бойцам, оставшимся в живых, грузить раненых и убитых. К неподвижной машине со всех сторон потянулись огненные нити трассеров. Еще мгновение, и они ударят в беззащитную «восьмерку». Чтобы спасти ребят, капитан Самсонников должен был отвлечь внимание врага на себя. «Двадцатьчетверка», ощетинившись

огнем, начала «утюжить» позиции душманов. Жаркий разреженный воздух не дал Сашке полностью использовать высокие боевые качества винтокрылой машины. Через пару-тройку минут реактивный противотанковый снаряд протаранил бок Ми-24, «вертушка» вспыхнула...

Но этого времени опытному транспортному экипажу хватило, чтобы забрать попавших в беду десантников и, взлетев, скрыться за ближайшей скалой.

Впервые столь близкое дыхание смерти опалило душу, щемящей болью отозвалось в сердце. Тогда капитан Сафронов еще не знал, как оно может болеть по-настоящему...

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, НО ЭТО БЫЛО!

– Работать предстоит в Панджшерском ущелье. С площадки... – Остро отточенный карандаш в руке начальника штаба замер на одном из многочисленных значков, щедро разбросанных по карте. – Нужно эвакуировать группу спецназа. Она выйдет туда к вечеру. По последним данным, в группе есть «двухсотые» и «трехсотые».

– Пойдешь без прикрытия, – начальник штаба не дал Анатолию задать вопрос. – Сам отлично знаешь, там высота 3.500.

Капитан Сафронов действительно знал, что на этой высоте в горах отличные боевые машины огневой поддержки теряли свои высокие летные качества.

– Учти, Анатолий, времени на второй заход у тебя не будет.

– Машина тяжелая, боюсь, не сниму всех сразу, – подумав, сказал Сафронов.

– Мы ее по возможности облегчим, – вмешался в беседу летчиков инженер эскадрильи.

К вечеру авиационные технари изуродовали «вертушку», как бог черепаху. С винтокрылой машины сняли грузовые створки. После скрупулезных расчетов слили часть топлива, убрали «лишнее», на взгляд экипажа, оборудование.

Ми-8 после короткого разбега легко «прыгнул» в начавшее сереть небо. На заданную площадку в Панджшерском ущелье вышли точно. Издали она напоминала спичечный коробок, по чьей-то нечеловеческой прихоти врезанный в скалу. Как он тогда сел, летчик-снайпер Анатолий Сафронов, ныне Герой России, доподлинно не знает и сегодня. Сказал кратко: «Повезло».

На горном пятачке царила страшная картина. Возле валуна, поджав под себя оторванные ноги, замер совсем юный солдат, рядом застыл с развороченным животом другой. Чуть поодаль, в обнимку, видно, один тащил другого, умерли от потери крови два спецназовца. Со всех сторон к машине потянулись оставшиеся в живых, раненые.

– Помогай грузить, – скомандовал Анатолий борттехнику.

«Вертушка» превратилась в прекрасную мишень. Заработал ДШК душманов, крупнокалиберные пули зачмокали по скалам. Погрузка продолжалась. Раненые, убитые... Спустя несколько минут транспортный отсек вертолета превратился в медицинскую «неотложку».

Надсадно, до бешенства взревели двигатели, выйдя на взлетный режим. Каким-то чудом перегруженная «вертушка» оторвалась от скалы и не полетела – поковыляла домой. Они сели на взлетно-посадочную полосу буквально на последних литрах горючки. Только тогда капитан Сафронов почувствовал, как ноет от напряжения спина, дрожат руки, а ноги стали словно ватные. Он еле-еле выбрался из залитой кровью машины и с трудом добрался до своего модуля...

За девять афганских месяцев капитан Анатолий Сафронов совершил более трехсот боевых вылетов. Не одна сотня солдат и офицеров может занести его имя в свои святцы. Ибо он спас им жизнь, рискуя своей. Орден Красной Звезды заалел на парадном мундире боевого летчика.

ВЫХОД ОДИН – «ПРЫГАТЬ» В ПРОПАСТЬ...

Советские войска покидали Афганистан. Последними из-под Баграма уходили летчики, снимая с многочисленных плато с трудом сдерживающие напор обнаглевшего врага заслоны, дозоры, спецгруппы десантников. Душа рвалась домой. Глупо было бы погибнуть в самом конце войны, пройдя столько испытаний. Было принято решение более слабые экипажи эвакуировать в первую очередь. На пятачке под Баграмом осталось звено капитана Сафронова. Сняли даже охрану, чтобы не рисковать пацанами. Мельчайшие подробности одного из последних в Афганистане вылетов хранятся в памяти Анатолия Александровича до сих пор.

Отряд десантников, выполнив боевую задачу, возвращался на базу. На небольшом горном плато они были обнаружены душманами. «Духи» перекрыли все пути отхода, взяв ребят в кольцо. В эфир полетела просьба о помощи. Командир звена на помощь десантникам вылетел сам. Едва впереди «вертушки» замаячила площадка, капитан Сафронов понял: приземлиться на нее нет никакой возможности. Винты рубанут по скале.

Можно было развернуть боевую машину. Вряд ли кто-нибудь из летчиков тогда упрекнул бы Анатолия в этом развороте. Каждый из них знал предел возможностей машины и профессионального мастерства. Но тогда вся группа неминуемо погибнет...

– Будем садиться, – принял решение Анатолий.

– Куда, командир? – не удержался от вопроса всегда выдержанный правый летчик.

Ответ в подобной ситуации напрашивался автоматически, но Анатолий сдержался. Под огнем Ми-8 Сафронова коснулся каменистой площадки лишь левым колесом и завис над пропастью. Несущие винты молотили разреженный воздух в полуметре (!) от скал.

На погрузку десантуру приглашать не пришлось. Все заняло полторы минуты, показавшиеся вечностью.

– Все на месте. Взлетаем, командир!

Легко сказать – взлетаем, а как это сделать? Двигатели и так молотили почти на максимуме. Вверх не потянут. Выход был один: со скалы вниз, в пропасть. Тяжело груженная машина камнем падала на дно ущелья. Почти у земли Анатолий почувствовал, как «ожила» ручка управления, несущий винт обрел необходимую силу. Можно было выводить «вертушку» из смертельного пике.

Вскоре они уже были на родном аэродроме.

...Ночью 28 января 1989 года звено капитана Сафронова последний раз взлетело с афганской земли. «Вертушки» взяли курс домой.

Вернувшись в родной вертолетный полк на Дальний Восток, Анатолий Александрович не стал интересоваться судьбою представления ко второму ордену Красной Звезды, как и представлением на присвоение очередного воинского звания майор. Главное, остался живой. Какая еще награда нужна солдату?

ЧЕЧЕНСКИЕ «ЗАВАРУХИ»

...«Вертушки» вынырнули из тумана на предельно малой. Вдали замелькали многочисленные сполохи. Под Аргуном попавшие в засаду десантники успели окопаться и ожесточенно отбивались от врага. Справа и слева от дороги горели БМД, то и дело ухали взрывающиеся в них боекомплекты. Ми-8 майора Сафронова пошел на посадку, Ми-24 полковника Вакина рванулся вперед, обрабатывая позиции бандитов неуправляемыми реактивными снарядами.

Винтокрылая машина мягко коснулась грунта. Стоящий рядом КамАЗ прикрывал ее с правой стороны. Плотность огня боевиков была такой, что никто из наших бойцов не мог поднять головы. Неожиданно из-за укрытия ударила пушка. КамАЗ взлетел на воздух.

– Командир, второй снаряд наш, – предупредил летчик-штурман.

Анатолий перелетел поближе к окопам десантников. Второй снаряд ударил точно по старому месту стоянки. Щебенка, осколки, комья земли забарабанили по обшивке.

– Вы будете грузиться?! Или улечу к... Пошли вы... – заматерился в открытый блистер кабины вышедший из себя летчик-штурман.

Вокруг все горело, взрывалось. Ми-24 командира полка ходил почти по головам боевиков, расходуя последние снаряды.

Со всех сторон к «восьмерке» ползли раненые солдаты. Один, второй, третий... двадцать третий...

– Командир, не взлетим, двойная перегрузка, – напомнил майору Сафронову бортовой техник.

Командир эскадрильи словно не слышал подчиненного. Перед глазами стояли искаженные болью лица.

– Тридцать второй, – проговорил борттехник, и в его голосе явно послышалась безысходность.

– Взлетаем!

Ми-8 рванулся в небо из последних сил. Через минуту у него на хвосте повис вертолет огневой поддержки.

В Моздоке в полевом госпитале их уже ждали. Минуты ушли на разгрузку, дозаправку топливом, боеприпасами, и вновь пара «вертушек» растворилась в туманном небе... До подхода наземного подкрепления летчики успели еще раз поиграть в кошки-мышки со смертью.

Через месяц полковник Вакин и майор Сафронов были награждены орденом «За военные заслуги». Майору Сафронову досрочно присвоили воинское звание подполковник.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЖИВЫХ «КОМОЧКОВ»...

Чеченская война все явственнее приобретала затяжной характер. Ни одна сторона в каком-то нечеловеческом озлоблении не считалась с потерями людей. Делая по три-четыре боевых вылета в день на высадку десанта, доставку оружия, боеприпасов, эвакуацию раненых и убитых с поля боя, подполковник Сафронов видел, что в первые месяцы войны особенно часто гибли неопытные безусые российские мальчишки. Они явно проигрывали хорошо тренированным, отлично знающим местность боевикам. Хотя храбрость этих пацанов, их готовность к самопожертвованию иногда удивляла даже прошедших Афган летчиков.

На окраине Грозного кипел бой. Группа бойцов отбивала атаки боевиков, экономя патроны. Несколько человек уже были убиты, большинство ранены. Можно было занять более выгодную оборону в близлежащем полуразрушенном здании районного родильного дома. Но он, к удивлению наших ребят, оказался наполнен чеченскими роженицами. Вылетевший в шесть часов утра на разведку подполковник Сафронов, с трудом найдя площадку для приземления, посадил вертолет неподалеку.

– Заберите сначала матерей с детьми, – неожиданно прозвучало в ответ на приказ о погрузке.

– Каких матерей?! – в горячке боя не понял Сафронов.

– Роддом здесь, сынок, – пожилая медсестра-чеченка в окровавленном белом халате вышла из-за широкой спины парня в рваном камуфляже. – Не можешь взять матерей, спаси хотя бы новорожденных...

Начали погрузку детей. Несущий винт Ми-8 на малых оборотах молотил воздух, своим рокотом выдавая местонахождение вертолета. В любой момент можно было ждать удара из гранатомета, пулеметной очереди.

С командного пункта грозили самыми суровыми карами, если пропавший в эфире борт не отзовется. Подполковник Сафронов и сам знал, что наказания ему не миновать, ведь его экипаж должен был вылетать с генералом А. Квашниным (в ту пору командующим округом) в район Толстой-Юрт на переговоры с руководством боевиков.

Только через час, устроив на сиденьях всех родившихся малюток, замотанных в пеленки, забрав с собой раненых бойцов и медсестер, вертолет командира эскадрильи оторвался от земли.

На аэродроме в Моздоке его уже ждали. Хмурое лицо А. Квашнина, то и дело нервно поглядывающего на часы, предвещало бурю.

– Ну и где тебя носило? – поинтересовался генерал, резким движением распахнув дверь грузового отсека.

Там, рядом с ранеными, тоненько попискивали двадцать восемь живых «комочков»...

– Ладно, отдохни чуток, – металл в голосе Квашнина исчез. – Вылетаем через полчаса...

ПОГИБАЕТ СПЕЦНАЗ, НУЖНЫ РАЗВЕДДАННЫЕ!

...Шел очередной год войны, правда, она звалась контртеррористической операцией. Очередной год нечеловеческого напряжения от почти ежедневной встречи со смертью, людским горем, болью и кровью. Вертолетный полк, которым командовал полковник Сафронов, обеспечивал работу группировки войск генерал-лейтенанта В. Шаманова. Боевому генералу по сердцу пришелся немногословный, спокойный и рассудительный командир полка, грудь которого украшали значок «Летчик-снайпер» и орденские планки Красной Звезды, «За военные заслуги», двух орденов Мужества.

Днем и ночью, в промозглую зимнюю круговерть, при минимуме видимости и на предельно малой высоте «вертушка» Сафронова бороздила пропитанный гарью воздух Чечни. Война собирала свой скорбный урожай. При высадке воздушного десанта погиб друг Анатолия Герой Советского Союза полковник Николай Майданов – легендарный летчик, человек огромного мужества и храбрости. Чуть раньше под Бот-

лихом он потерял еще одного боевого товарища. Сгорел прямо на аэродроме, попав в засаду, вертолет майора Юрия Наумова...

Командующий группировкой вызвал полковника Сафронова под вечер. Сильный ветер гнал по полю зимнюю порошу. В такую погоду, обычно говорят люди, хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Генерал-лейтенант Шаманов был хорошим хозяином. Но высоко в горах под Бамутом нарвалась на засаду группа разведки. Ее данные очень нужны были командующему, а рация замолчала, едва пробился сигнал тревоги.

– Сам полетишь? – поинтересовался Шаманов.

Полковник Сафронов молча кивнул.

– Пойми, Анатолий Александрович, это очень важно...

Через тридцать минут винтокрылая машина полковника Сафронова скрылась в круговерти непогоды... Он вернулся спустя полтора часа с десантом на борту. Но чего это ему стоило, до сих пор не знает никто.

– Готовь дырку под Звезду, ты ее честно заработал, – генерал-лейтенант Шаманов не скрывал своей радости.

Полковник Сафронов никак не прореагировал на его слова. До этого момента на него уже четыре (!) раза отправляли представление на Героя России.

– Ты что, мне не веришь? – начал было заводиться командующий. – Я слов на ветер не бросаю...

Генерал-лейтенант Шаманов действительно слов на ветер не бросал. Он лично проконтролировал каждую инстанцию, на стол которой ложилось его представление. Осенью 2000 года полковнику Сафронову было присвоено давно заслуженное высокое звание Героя России. А в феврале 2001-го Анатолий Александрович вывел свой вертолетный полк из Чечни на место постоянной дислокации. Вскоре ему предложили должность заместителя начальника армейской авиации по боевой подготовке в Сибирском военном округе, и полковник Сафронов дал согласие...

КАТАСТРОФЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

...Итак, на вынужденную. Вертолет непослушен командам управления. Рычаг шаг-газа до упора вниз. Ручку управления от себя. Быстрее к спасительной матушке-земле! Времени на размышления нет ни секунды, все движения отработаны до автоматизма.

Полковник Сафронов хорошо помнил случай шестилетней давности, когда в Могоче при аналогичной ситуации погиб экипаж. Летчикам не хватило времени быстро и верно оценить ситуацию. В такие моменты все решают секунды.

Руководящие документы при отказе главного редуктора предписывают пилотам покидать кабину, не дожидаясь команды. Но сегодня за спиной у них, в грузовом отсеке, восемь старших офицеров из штаба округа, и есть шанс выполнить посадку. Значит, о парашютах нужно забыть. Почти неуправляемая машина неслась к земле. Полковнику Сафронову и капитану Панову удалось отвернуть ее от города и направить в район родного аэродрома.

Ми-8 продолжало трясти, как в лихорадке. Летчики из последних сил удерживали его от опрокидывания. Анатолий Александрович четко рассчитал момент встречи с землей.

Посадка получилась непривычно грубой. Подломилась одна стойка, «вертушка» клюнула носом. От удара левая стойка пробила топливный бак, горючее ударило фонтаном, заливая все и всех, хвостовой винт рубанул грунт. К счастью, возгорания не произошло. Несущие лопасти еще молотили воздух, когда офицеры штаба покинули машину. Все живы...

Черная «Волга», преодолев бездорожье окраины аэродрома, притормозила у самого вертолета. Полковник Сафронов шагнул навстречу командующему войсками Сибирского военного округа генерал-полковнику В. Болдыреву, волею случая наблюдавшему подвиг пилотов от начала до конца.

– Товарищ командующий, произошло разрушение редуктора несущего винта, произвел вынужденную посадку. Экипаж и пассажиры живы, вертолет восстановлению подлежит, – доложил Анатолий Александрович, находясь еще под впечатлением от случившегося.

Всегда суровый на вид командующий хорошо понял состояние стоящего перед ним летчика, только что благодаря своему мужеству, высокому профессиональному мастерству спасшего машину и пассажиров от, казалось, неминуемой катастрофы.

– Все хорошо, полковник, молодец! Главное, все остались живы. Езжай домой и отдохни немного...

Служебная машина подбросила Сафронова к офицерскому общежитию. Анатолий Александрович сбросил теплую куртку, прошел в комнату. Там, разбросавшись во всю кроватку, спал сынишка. Будущий летчик Димка Сафронов, сладко посапывая, даже не догадывался, что сегодня он мог остаться без отца...

ТРАГЕДИЯ В КОСОВО– ПРЕДНАМЕРЕННАЯ ПРОВОКАЦИЯ?

Федор ЯКОВЛЕВ

Автор данного материала – Федор Григорьевич Яковлев – проходил службу в органах КГБ с марта 1977 года. Находился в Афганистане дважды в составе группы «Зенит», затем – в личной охране президента Афганистана Бабрака Кармаля. В 1981 году выполнял боевые задачи в составе группы «Каскад», в 1987 году – советник оперативных батальонов МГБ ДРА в провинциях Пактия, Пактика и округе Хост. Награжден медалью «За отвагу». В настоящее время – вице-президент корпорации «АМПАС», заместитель председателя Житомирской областной общественной организации «Русское содружество». Редакция посчитала возможным ознакомить широкий круг читателей с мнением профессионала о резонансном событии – убийстве украинского миротворца в Косово.

17 марта сего года в ходе операции по освобождению занятого сербскими работниками здания суда погиб украинский миротворец. Это событие получило широкий общественный резонанс, но за политическими спекуляциями на крови погибшего совершенно за кадром остались организационные вопросы, исходя из анализа которых можно сделать абсолютно однозначный вывод о том, что украинский миротворец погиб в результате преднамеренной провокации, направленной на разжигание в Косово вооруженного конфликта.

Любая операция начинается с постановки задачи, на основании чего разрабатывается план ее проведения. В данном случае проводилась совершенно стандартная операция по освобождению здания от людей, которые его захватили. Причем безоружных и преимущественно женщин. Что нужно было сделать? Определить силы, необходимые для проведения операции, их подчинение и взаимодействие, обеспечить присутствие квалифицированного медперсонала, заблокировать район проведения операции, чтобы исключить доступ посторонних вообще, а тем более негативно настроенных по отношению к данной операции местных жителей-сербов, к месту события, в данном случае к зданию, блокировать само здание, выставить оцепление и наблюдателей, войти в здание, вывести из него людей, усадить в машины и по заранее подготовленному и проработанному маршруту доставить их в назначенное место. На месте непосредственного проведения операции возле здания в обязательном порядке должен был находиться представитель руководства специальных полицейских сил Миссии ООН в Косово (UNMIK), имеющий полномочия для принятия оперативных решений в случае возникновения непредвиденных ситуаций, либо этими полномочиями должен был быть наделен непосредственный руководитель операции по освобождению здания. При инструктаже личного состава необходимо было довести общий план операции, определить конкретные обязанности каждому участнику в соответствии с планом ее проведения и отработать варианты действий на случай возможного осложнения ситуации. Это азбука. Что было сделано? Абсолютно все, но с точностью до наоборот. Неужели среди всего многотысячного контингента UNMIK и миротворческих сил под командованием НАТО (KFOR) в Косово не было ни одного специалиста, который бы знал, как должны проводиться подобные мероприятия?

Кроме того, операция проводилась абсолютно без учета оперативной обстановки. Ведь именно 17 марта 2004 года в Косово прошли организованные албанцами массовые погромы сербов! Ведь ровно за месяц до этого, 17 февраля 2008 года, албанцы объявили о независимости Косово! Участие украинских миротворцев в этой провокации можно считать показателем их непрофессионализма, угодничества и полной неспособности к принятию и отстаиванию самостоятельных решений.

В качестве оправдания в своем выступлении в Верховной раде Украины министр МВД Ю.В. Луценко заявил, что решения руководства UNMIK о проведении спецопераций с участием украинского подразделения не подлежат согласованию с МВД Украины. В связи с этим все, в том числе жители Украины, особенно рьяно агитирующие за вступление в НАТО, должны четко понимать – и в первом, и во втором случае украинские солдаты и офицеры отдаются под **чужое**, преимущественно американское, командование и рассчитывать на то, что командование, которое уже

положило в Ираке **более 5 тысяч своих** солдат, будет заботиться о сохранении жизни **украинских**, может только наивный. Даже если общее руководство будет осуществлять и не американец.

Здесь есть и вторая сторона медали. Первая и святейшая обязанность любого командира любого ранга и в абсолютно любой ситуации – обеспечение безопасности вверенного ему родиной и руководством личного состава. Поэтому, если командир лично не убедился в том, что при планировании операции предусмотрены все необходимые, по его мнению, разумные меры безопасности, он имеет полное право отказаться от участия в такой операции, если, конечно, не считает своих подчиненных «пушечным мясом». Никто не может заставить командира выполнять приказ, который подвергает неоправданному риску жизнь его подчиненных, если он командир, а не марионетка. Тем более, не в боевых условиях и при наличии достаточных сил и средств для обеспечения безопасности участников проведения спецоперации. Если даже в силу каких-то серьезно обоснованных причин его не привлекли к планированию, он должен решить эти вопросы при постановке ему задачи вышестоящим руководством и потребовать выполнения своих требований до проведения операции.

Но даже при таком преступном планировании этой спецоперации еще можно было предотвратить трагедию. Во-первых, нельзя было выводить из здания арестованных (именно арестованных, поскольку на них были наручники) на глазах у толпы сербов. Да и имело ли смысл выводить их и усаживать в машины, если выезд все равно был заблокирован сербами? Это признак либо непрофессионализма руководителя операции, либо совершенно сознательная провокация, но и то, и другое – преступление, особенно с учетом последствий. Следовало вызвать подкрепление и начинать вывод арестованных только после того, как подкрепление оттеснило бы сербов за пределы видимости вывода. Во-вторых, ни в коем случае нельзя было связывать женщин, поскольку такое издевательство над ними – это сильнейший раздражитель для любых, даже самых спокойных и уравновешенных их сограждан. Кроме того, сербской стороной это совершенно очевидно могло быть квалифицировано как применение пыток со всеми вытекающими последствиями, вплоть до требований об аресте и привлечении к уголовной ответственности виновных. В-третьих, не следовало ввязываться с сербами в «битву» за арестованных. Чем можно объяснить смысл этой «битвы», послужившей основной причиной трагического кровопролития со смертельным исходом и увечьями, если отбитых у сербов арестованных после доставки в Приштину освободили? Если исключить провокацию, – ничем. Все вышеизложенное не только показатель неготовности украинских миротворцев к выполнению таких задач, но и повод для различного рода обвинений в провокации столкновения с сербами.

Некоторым гражданам, всецело устремленным на Запад, следует хорошо усвоить, что две основополагающие моральные «ценности» Запада – это лицемерие и право сильного диктовать свою волю слабому. Ведь письменного приказа руководства UNMIK на проведение операции с определением полномочий украинских миротворцев не было, следовательно все, что было сделано ими не так, должно быть квалифицировано как некомпетентность и своеволие украинских миротворцев.

На преднамеренную провокацию, результатом которой должно было быть максимальное число жертв среди миротворцев, указывает и «скорость» принятия руководством UNMIK решения об открытии ответного огня (через четыре часа (!) после запроса украинского командира), и именно поэтому полномочный представитель UNMIK отсутствовал на месте проведения операции возле здания. Французы, кстати, открыли ответный огонь незамедлительно, не дожидаясь никаких согласований. И в связи с этим опять следует отметить степень ответственности украинского командира за жизнь своих подчиненных. Если бы у него, как у француза, на первом месте стоял именно этот вопрос, приказ об открытии ответного предупредительного огня был бы отдан незамедлительно, но страх принять самостоятельное решение оказался сильнее. Хотя в результате, с точки зрения личной выгоды, он, скорее всего, не прогадал. Если бы он во имя сохранения жизней подчиненных отказался от участия в операции по причине ее крайней неуместности в этот день либо бездарного планирования, его бы отозвали. Если бы он во имя той же святой цели отдал приказ открыть ответный огонь без согласования, его бы тоже отозвали. А так все нормально, еще и орден может получить.

Существуют серьезные сомнения и в правовых основаниях для проведения операции. Согласно резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН Миссии ООН в Косово предписано «поддерживать гражданский правопорядок», так что вряд ли в эту формулировку можно втиснуть выдворение из здания вооруженными полицейскими мирных жителей, требующих своего возврата на свои же рабочие места в своем же государстве, территориальную целостность которого им эта же резолюция и гарантирует.

Более того, хотя я и не специалист в области международного права, но если рассуждать логически, то легитимность самой миссии, не говоря уже о принимаемых ею решениях, находится под большим вопросом. В той же резолюции № 1244 указано, что миссия действует до определения статуса Косово. Если миссия действует, значит, статус Косово еще не определен, следовательно провозглашение независимости незаконно и миссия должна принимать соответствующие полицейские меры по «поддержанию гражданского правопорядка» в отношении самозванцев из Приштины, которые грубейшим образом нарушили резолюцию Совета Безопасности ООН, на основании которой существует сама миссия. Но она этого не делает. Кроме того, миссия должна была бы незамедлительно отказаться от услуг тех миротворческих контингентов, страны которых, вопреки резолюции Совета Безопасности ООН, признали независимость Косово, ибо как они могут выполнять резолюцию Совета Безопасности ООН, которую сами же нарушили? Но этого тоже не происходит. Более того, Миссия ООН проводит полицейские операции против граждан Сербии, которые требуют выполнения этой резолюции. Таким образом, миссия фактически стала на сторону одной из противоборствующих сторон, более того, именно нарушающей резолюцию Совета Безопасности ООН. Если же провозглашение независимости Косово 17 февраля 2008 года законно, значит, его статус определен, и с этой даты Миссия ООН должна прекратить свое существование, а все ее действия, включая описываемую провокацию, абсолютно противозаконны.

После такого жестокого урока необходимо сделать серьезные выводы, и не только Украине, поскольку на чашах весов две крайности – опыт участия в международных миротворческих операциях и его цена, так как в спокойные страны миротворцев не посылают, а в «горячих точках» всегда вероятны потери. Главные вопросы, на которые нужно ответить, – насколько Украине необходимы военнослужащие, имеющие опыт службы в «горячих точках», и готова ли Украина платить за этот опыт жизнью своих граждан.

Михаил БОЛТУНОВ

последняя спецоперация «НОРМАНА»

(Продолжение, начало в № 6)

Представьте себе, разведгруппа в 5–7 человек – песчинка во вражеском океане, маленькая горстка людей против мощной контрпартизанской жестокой машины. Каждый выход в эфир – это вызов врагу, обнаружение себя, «засветка»... Позывные радиостанции, как магнит, притягивают к себе пеленгаторные подразделения фашистов. Кольцо сжимается.

Это только в кино радистов долго и упорно обучают прыгать с парашютом, а потом там, внизу, партизаны несколько суток расчищают площадку, жгут костры. Так вот, жизненная правда в отличие от киношной в том, что разведчиков-радистов во время войны никто не обучал прыжкам с самолета. В той же горьковской школе вообще не было парашютной подготовки, и радисты видели парашюты в первый раз в жизни только перед полетом.

Александр Никифорович Никифоров о том времени вспоминал так: «Направлялись радисты в тыл врага вместе со своими разведчиками по воздуху или морским путем, а то и пешим порядком через линию фронта. Пожалуй, наиболее сложными и опасными были парашютные прыжки «вслепую». Внизу в этом случае разведчиков часто не встречали друзья, как правило, заранее не готовились приемные площадки с сигнальными кострами, детально не известна была и обстановка в районе приземления. В этих условиях разведчики нередко попадали в сложные ситуации: приземлялись непосредственно в расположения гарнизонов противника, зависали на деревьях, высоковольтных линиях электропередачи, на шпилях различных башен и церковных крестах, попадали в реки, озера, болота и нередко тонули в них. Случалось, что некоторые разведчики после прыжка, не достигнув земли, были прошиты автоматными очередями или сразу после приземления попадали в плен... и тогда тюремные застенки и пытки в гестапо».

Многие из тех, о ком говорил Александр Никифоров, были его учениками и ученицами. Он обучал этих юных девушек и юношей не только профессии, но и смелости, расчету, умению действовать в самых тяжелых, опасных ситуациях.

Так, из-за ошибки пилотов радистку А. Быковскую из разведгруппы «Воронкин» десантировали далеко от места сбора. Было это на вражеской территории, в Польше, в районе города Бяльска. Радистка оказалась в лесу одна. Утром она вышла к селению, заглянула в крайний дом. Поляк, хозяин дома, выдал советскую разведчицу фашистам. Но она действовала решительно и смело – уничтожила предателя и скрылась в лесу. Неделю блуждала по незнакомой местности, без еды, боевых товарищей. И все-таки нашла свою разведгруппу, успешно выполнила задание и была награждена орденом Красной Звезды.

Радистки разведгруппы «Арап» Лидия Вербовская и Галина Сущева были выброшены с парашютами в 70 километрах от запланированного места встречи в районе Перемышля. Две недели они шли по лесу и горам. Двигались в основном ночами, обходя фашистские засады. На их пути встречались польские и украинские банды националистов. А как известно, такие встречи для наших разведчиков были крайне опасны. И все-таки они выжили, вышли в намеченный район, подключились к работе разведгруппы и передали в штаб фронта более ста ценных разведдонесений.

Позже, во время действий группы в Чехословакии, радиостанция Галины Сущевой была дважды пробита пулей. Но радистка и командир разведчиков восстановили рацию и наладили связь с Центром.

Таких примеров множество. Есть совершенно уникальные. Радистка Галина Степанишина вела радиосеансы, укрываясь по ночам в русской печи. Но самое поразительное, что печь эта находилась в общежитии, расположенном на территории гитлеровской дивизии СС.

Капитан А. Никифоров (второй ряд, четвертый справа) с офицерами горьковской школы

Елизавета Вологодская, радистка разведгруппы «Львов», девушка маленького роста, по виду почти ребенок, забиралась в собачью конуру и под носом у фашистов передавала радиограммы.

Радистки разведгруппы капитана Крылатых Анна Морозова и Зинаида Бардышева долго уходили от преследования. За четыре месяца они прошли по прусской земле более 500 километров. 14 раз сталкивались с фашистскими засадами и облавами, передали в Центр свыше ста радиограмм.

В кровавых, жестоких схватках многие погибли. Анна Морозова, раненная в руку, подорвала себя гранатой вместе с радиостанцией. Зинаида Бардышева, не желая сдаваться в руки фашистов, застрелилась из пистолета.

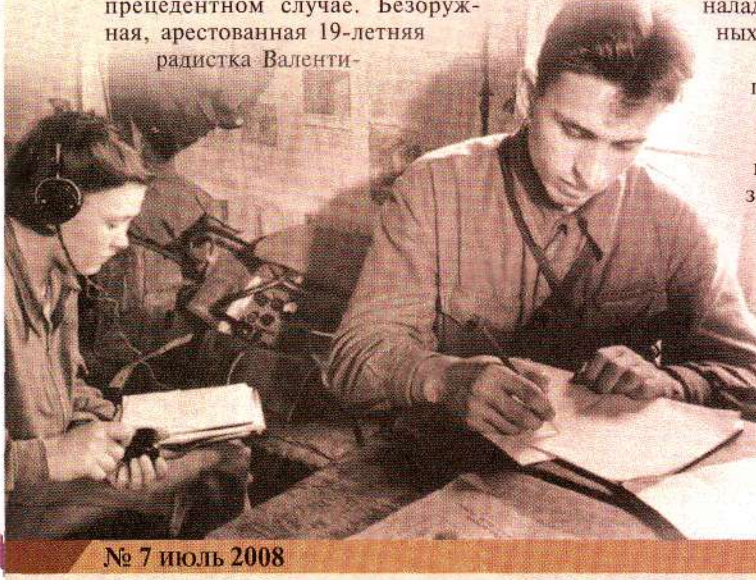
После войны в архиве Гиммлера было найдено донесение шефа безопасности СД № 156 от 16 января 1942 года. Гиммлеру докладывали о беспрецедентном случае. Безоружная, арестованная 19-летняя радистка Валентина Чеботарева убила двух эсэсовских офицеров из их же оружия во время допроса.

Оказывается, гитлеровские офицеры угрожали двум захваченным разведчикам расстрелом. Но допрос шел плохо, партизаны молчали, и фашист, в сердцах бросив пистолет на стол, стал избивать допрашиваемого. Радистка схватила пистолет и выпустила обойму в обоих истязателей.

...В мае 1943 года старший лейтенант Александр Никифоров назначается начальником штаба горьковской школы, а в следующем, 1944-м его переводят в Москву. Теперь до конца войны он готовит разведгруппы для заброски в тыл противника уже в Центре. Оперативные квартиры, где идет подготовка, располагаются в Косино, в Серебряном Бору и основная – на Соколе, в городке художников на улице Левитана.

Нередко Никифоров сам вылетает на разные фронты, в тыл к партизанам, особенно если надо наладить связь в сложных условиях.

Как-то ночью его подняли по тревоге, поставили задачу и срочно отправили на аэродром. Оказалось, в партизанском отряде Героя Советского Союза Ивана Банова вышла из строя радиостанция. Отряд располагался в белорусских лесах. Александр Никифорович доставил партизанам радиостанцию «Север», два комплекта питания, новую программу. Сам установил связь с Центром.

Таких вылетов было много.

...После окончания войны, в 1946 году, майора Александра Никифорова направили на учебу в Академию имени М.В. Фрунзе, на разведфакультет. Он оказался в первом послевоенном наборе. Знатный был набор. Все фронтовики, орденоносцы, Герои. На параде академия выставляла целый батальон Героев Советского Союза. Знамя академии нес трижды Герой Советского Союза, прославленный воздушный ас Александр Покрышкин.

Разведфакультет – большой, 100 человек. Подготовку давали крепкую, основательную. Никифоров учился хорошо, но особенно здорово шел у него английский язык. Александр увлекался им еще в училище, теперь в академии, а по окончании академии и на Высших академических курсах.

Когда в 1951 году обучение закончилось, его пригласил на беседу начальник управления ГРУ Павел Мелкишев, известный разведчик, бывший во время войны резидентом в Нью-Йорке.

– У вас хороший английский язык, вы окончили училище, академию, ВАК, воевали. Словом, жизненный и профессиональный опыт есть. Не хотели бы сменить амплуа? Я имею в виду из спецрадиосвязи перейти в оперативное управление.

Предложение, откровенно говоря, было неожиданным. И хотя Никифоров сказал, что не желал бы расставаться с техникой, Мелкишев подытожил: «Вы и не будете расставаться. Эти знания очень помогут в оперативной работе».

Как в воду смотрел начальник управления. Так и получилось. Слияние технических знаний и оперативного опыта сделают из Александра Никифорова очень ценного специалиста, по-своему уникального, который внесет неоценимый вклад в развитие нашей военной разведки.

В 1951 году его предложат назначить в военный атташат Советского Союза в Великобритании. Англичане будут думать почти год и откажут во въезде в страну. Почему? До сих пор неизвестно, отчего его так невзлюбили британцы. Зато американцы согласились принять, и в 1952 году подполковник Александр Никифоров убыл в США на должность помощника военного атташе. Вскоре, правда, американцы пожалеют о своем решении. Но это будет потом.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ «ТОПТУНОВ»

Итак, 1952 год. Прошло семь лет со времени окончания Второй мировой войны. О том, что СССР и США были союзниками в той самой страшной войне XX века, на североамериканском континенте стараются скорее забыть.

В 1946 году в Фултоне премьер-министр Великобритании по сути дал отмашку на развязывание «холодной войны», в 1949-м создан агрессивный блок НАТО, направленный своим острием против СССР и его союзников, в 1953-м США начали боевые действия в Корее.

В Америке развернута широкая антисоветская пропаганда, осложнилась агентурная обстановка. Ограничено передвижение советских граждан по территории США, за сотрудниками дипломатических и торговых представительств усилилось наружное наблюдение. Под плотную опеку контрразведки попали работники аппаратов военных атташе.

Провокации стали постоянными спутниками деятельности американских контрразведчиков. Если не получалось «насолить» по-крупному, делали мелкие пакости: засыпали сахарный песок в бензобаки автомобилей, в магазинах подбрасывали в товарные корзины различные вещи, чтобы потом организовать шумное разбирательство и обвинить в воровстве. Нередко устраивали необоснованные задержания граждан СССР при покупке общедоступных товаров: книг, справочной литературы, топокарт, аэрофотоснимков.

Особенно тщательно готовились и подставлялись провокаторы. Сотрудникам совпредставительств нагло предлагали стать невозвращенцами в Советский Союз, а если получали отказ, представители американских спецслужб прибегали к запугиванию, шантажу, давлению.

Такому же моральному давлению подвергались и американские граждане. Несмотря на широковещательные заявления о свободе и демократии, американцы были запуганы массированными россказнями средств массовой информации и видели в каждом советском человеке шпиона и врага США.

«При первом знакомстве, естественно, человек спрашивает: «Кто вы? Откуда?» – рассказывал Александр Никифоров. – Зная напряженную обстановку в стране, поначалу пытаешься уйти от вопроса, отвечаешь, мол, из Европы. Не проходит. Чаще всего приходится конкретизировать. Говорить, что ты советский, нельзя. Учитывая, что русских из Европы там немало, представляешься: «Рашен». И человека словно кипятком ошпаривает. Пот на лбу выступает, невольно по сторонам озирается. Ну еще бы, к шпиону попал».

В таких условиях и приходилось работать. Если выражаться официальным языком, в начале 1950-х годов в США складывалась тяжелая агентурная обстановка.

Что означала она для разведчиков? С одной стороны, антисоветская риторика американских политиков, враждебная деятельность спецслужб требовали активизации усилий, расширения круга доверительных лиц, добывания ценной информации, с другой – разведработа в таких сложных условиях требовала умения сочетать повышение активности разведдеятельности с максимальной осторожностью, умением легендироваться, не допускать ошибок. Ибо даже малые ошибки и просчеты никто не собирался прощать. Это означало, что каждое агентурное мероприятие должно было готовиться самым тщательным образом, с учетом детального изучения оперативной обстановки.

Однако подобная атмосфера «холодной войны» не была новостью, чем-то неожиданным для военных разведчиков, работавших в этот период в США. Начиная с 1945 года она постепенно ужесточалась, как говорили в атташате, «подмерзала», улучшения ее не предвиделось, и потому принималась как данность, как, к примеру, плохая погода. Однако и в плохую погоду надо работать, делать свое дело. И все бы ничего, но в последнее время как-то странно повела себя «наружка». Такое впечатление, будто агентов-«топтунов» (так называют порой сотрудников службы наружного наблюдения) стало как минимум вдвое больше. Они появлялись внезапно, как черт из табакерки, в самых разных точках. Хотя на маршрутах движения все было как обычно, ничего подозрительного не происходило.

Поначалу доклады оперативников руководители резидентуры воспринимали с улыбкой. Мол, что для солдата самое неприятное на поле боя? Неприятель. Так и для оперативного офицера – наружное наблюдение. Стало быть, в этот раз «топтуны» вас обыграли.

Однако вскоре подобные доклады стали поступать постоянно, и руководству было уже не до улыбок. Всем стало ясно: резко возросшая оперативность и мастерство американской «наружки» на чем-то основывались. Кто-то или что-то помогали им в работе. Словом, контрразведка придумала, изобрела нечто новое, и это «нечто» значительно повысило эффективность их деятельности.

Перед военными разведчиками встала серьезная задача. Возможно, самая серьезная и важная за последние десятилетия – разгадать этот секрет, понять, что за оружие в руках «топтунов». Иначе их работа будет сводиться на нет эффективными действиями американских спецслужб.

Ломали голову все – от рядового оперативника до резидента. В ходе анализа выяснилось, что в контрразведке произошли большие, а возможно, и кардинальные изменения в управлении ее силами и средствами. Но какие? Чтобы ответить на этот вопрос, следовало изучить, выявить все

новое, что позволило американцам сделать такой качественный скачок.

Вашингтонская резидентура вплотную занялась этой проблемой. Вместе со своими товарищами ответ на волнующий всех вопрос искал и помощник военного атташе подполковник Александр Никифоров. Теперь он был оперативным работником, однако всю свою предыдущую службу, а это ни много ни мало — 15 лет, Александр Никифорович посвятил связи. Ну разве что в последние несколько лет, во время обучения в академии, потом на Высших академических курсах, занимался другими проблемами, но и там спецрадиосвязь, как первую любовь, не забывал. Потому мысли его и были обращены к техническим средствам. Если другие сотрудники резидентуры искали разгадку в оперативных приемах, то Никифорову казалось, что «собака зарыта» не здесь. Скорее всего, американцы усилили транспортную составляющую службы наружного наблюдения, а это невозможно сделать без совершенствования технических средств связи. Но это была лишь гипотеза.

Однако Александр Никифорович чувствовал, что он на правильном пути. В декабре 1952 года в Вашингтоне, в гостинице «Статлер», проходила конференция американского института радиоинженеров. Прежде такие мероприятия не очень интересовали нашу разведку. Посещали оперативники, конечно, подобные конференции, собирали рекламные буклеты. На этом, собственно, работа и заканчивалась.

Но Никифоров пришел туда не как простой оперативник — походить, поглазеть, собрать рекламки. Задача стояла конкретная — определить диапазоны частот, используемых различными службами США. Он был уверен, что где-то на частоте переговоров врачей «скорой помощи», водителей такси, противопожарной охраны, полиции в эфире работают и радиостанции «наружки». Но на каких именно частотах, под какими кодами, псевдонимами скрываются «заклятые друзья» советских разведчиков?

Александр Никифорович понимал: кроме него, в этом хитросплетении разобраться некому. И тут не было никакой бравады, просто в резидентуре среди оперативных работников он оказался единственным инженером-связистом такого класса. А ведь оказался почти случайно. Не обрати на него внимание Мелкишев, не подтолкни к переходу в оперативное управление, долго бы сотрудники резидентуры искали ответ на злосчастный вопрос — что придумали американцы.

Хотя, судя по всему, радоваться рано. Он тоже пока не нашел ответа. Однако нашел другое — диапазон частот. Потом при прослушивании Никифоров засек какие-то радиопереговоры с использованием сокращений, кличек, жаргонных выражений. Возможно, это и «наружка», а возможно, и нет. Как говорят, «бабушка надвое сказала». А пока это лишь слова в эфире. Да, они носили сугубо конфиденциальный характер, но ничто не указывало на язык «топтунов». Впрочем, тогда, в начале 1950-х, мы и языка-то такого не знали. Были слепые, как котята. Но твердо приняли решение прозреть. Однако, как говорят в народе, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Требовалась тяжелая, кропотливая, каждодневная работа. Важность ее, безусловно, понимали в резидентуре. Но одного понимания оказалось мало. Чтобы осуществить такое, разведчик должен хорошо знать английский язык, ориентироваться в городе, иметь определенный навык оперативной работы, уметь обращаться с радиоаппаратурой, а лучше — работать в эфире.

Но как показала дальнейшая практика, даже при этих навыках разведчик вряд ли сможет успешно действовать, если не знает методы работы контрразведки, не в состоянии правильно оценить обстановку и поведение «наружки».

Конечно, сразу таких подготовленных людей трудно было найти. Каждый из них обладал определенными знаниями, опытом, в чем-то разбирался хуже или лучше своего товарища, но это не остановило сотрудников вашингтонской резидентуры. Учились, как говорят военные, на марше. И вскоре у подполковника Александра Никифорова было достаточно умелых помощников. Им-то и удалось раскрыть операцию американских спецслужб по внедрению радиомаяков в автомобили оперативных работников резидентуры.

Это теперь любой мальчишка, начитавшийся шпионских романов и насмотревшийся голливудских кинофильмов, расскажет вам в красках, куда и как монтируются радиомаяки. А тогда, в 1950-е годы, так называемые миниатюрные радиопередатчики были новым словом в науке. Американцы быстро взяли их на вооружение.

А обнаружил-то эти тональные сигналы Александр Никифоров со своими помощниками. Сигналы вели себя как-то странно, сначала их слышимость была вполне удовлетворительной, потом со временем становилась слабее, в дальнейшем и вовсе пропадала. Но случалось и наоборот.

Следовало выяснить происхождение этих сигналов. Офицеры разведки выезжали по разным маршрутам и выполняли заранее оговоренные маневры. В результате удалось установить: американская служба наружного наблюдения сумела вмонтировать в автомобили наших оперативных работников радиомаяки. Отсюда и эффективность обнаружения автомашин нашей разведки.

Маяки умело и скрытно размещались в различных местах автомобилей: под сиденьем, за приборной панелью, в багажнике, за обшивкой салона, под бензобаком. Электропитание этих миниатюрных передатчиков осуществлялось от аккумуляторных батарей самого авто. Включалось зажигание — и начинал свою работу маячок. Просто и гениально.

А поскольку сотрудникам резиден-

туры приходилось на ночь парковать свои машины на улице, на стоянках, агентам наружного наблюдения не составляло труда установить такие нужные в их работе маячки. Делали они это и в автосервисах, куда советские разведчики доставляли свои автомашины для техосмотра и ремонта. «Применение радиомаяков американцами, – рассказывал мне Александр Никифорович Никифоров, – значительно затруднило советской разведке выполнение задач в США. Особенно трудно было обнаружить за собой наблюдение. Наш сотрудник, совершая вынужденные поездки по прямым вашингтонским улицам, порою не мог определить не только количество автомашин, ведущих за ним слежку, но даже установить сам факт слежки».

Но тайна маячков была раскрыта. Никифоров и его помощники со всеми мерами предосторожности в гараже военного атташе снимали маяки, осматривали их, фотографировали и возвращали назад.

Теперь у них было оружие противодействия. А поскольку американская «наружка» часто подключала радиомаяк к электропитанию автомашины через плавкий предохранитель, в нужный момент (к примеру, во время проведения операции) наши разведчики заменяли этот предохранитель на неисправный. После проведения операции прежний предохранитель возвращался назад. Если же сделать это по каким-то причинам не удавалось, неисправный предохранитель оставался на месте. Со временем американцы сами его заменяли – что поделаешь, перегорел.

Мы уже упоминали, что американские спецслужбы были большими мастерами по части провокаций, шантажа. Этот случай достаточно известен в кругах военных разведчиков старшего поколения, однако о нем не знает наш читатель. А он, кстати говоря, очень красноречиво повествует, какими «демократическими» методами действовали американцы.

Но рассказываю я об этом только потому, что Александр Никифоров оказался непосредственно причастен к спасению нашего офицера.

Дело обстояло так. Американские спецслужбы разработали коварную спецоперацию. В основе ее лежало жгучее желание склонить помощника военно-морского атташе Советского Союза в США И. Амосова к предательству. Они использовали непростую ситуацию, сложившуюся в семье офицера. Жена Амосова была беременна. Протекала беременность тяжело, положение ребенка в утробе матери вызывало опасение медиков, словом, женщина нуждалась в медицинской помощи в стационаре.

Об этом пронюхала американская контрразведка. Агенты вели себя нагло и бесцеремонно. Амосов был взят под плотное и жесткое наблюдение, «контрики» делали ему предложения предать Родину, не возвращаться в Советский Союз. Однако офицер отвергал домогательства. И тогда американцы перешли к прямым угрозам. Агент спецслужб заявил Амосову: «У вас два варианта – если останетесь в США, будете иметь счастливую семью: жену и ребенка, если откажетесь – потеряете и жену, и ребенка».

Но запугать разведчика не удалось. «Не тратьте время, господа, ваши надежды никогда не сбудутся!» – ответил тогда Амосов.

Разумеется, все, что происходило с нашим офицером, было под постоянным контролем резидентуры, докладывалось послу и непосредственно в Москву. Семья Амосова переехала в другой дом, где проживало несколько семей советских сотрудников. У жены дежурил врач посольства, сам офицер находился под охраной офицеров резидентуры.

В спецоперации по спасению Амосова и его семьи принял участие и подполковник Александр Никифоров. У него были свои методы, и они оказались весьма эффективными. С его помощью стали известны многие планы и намерения американцев.

Комплекс мероприятий, проведенных нашей вашингтонской резидентурой, дал возможность сорвать замысел американских спецслужб, а Амосову благополучно возвратиться на Родину.

Что ж, причастностью к такой победе можно гордиться. Однако у подполковника Никифорова были и другие победы. Как-то, обобщив сведения, полученные от своих источников, Александр Никифорович послал в Центр доклад, поскольку в его обязанности входило изучение численности и боевого состава вооруженных сил США.

Сразу же после получения доклада его срочно вызвали в Москву. Из-за океана добираться не ближний свет, но тем не менее руководство решило лично пообщаться с помощником военного атташе. Оказалось, его доклад сильно разнится с докладом управления информации ГРУ. Генерал, пригласивший его на беседу, долго расспрашивал, откуда такие данные, а потом резюмировал:

– Так что, Никифоров, ты настаиваешь на своих цифрах, выводах? Уверен в них?

– Уверен, потому и настаиваю...

Генерал хмыкнул.

– А кто партбилет на стол выложит? Ты или я?

...Никифоров вернулся в США. Он не знает, выложил ли свой партбилет генерал, скорее всего нет. Но в отставку вскоре ушел. А подполковник продолжал служить. Правда, служить ему в Америке оставалось недолго. Слишком много хлопот доставлял он американцам: то наладит отношения с генералом из оперативного управления Пентагона, то познакомится с личным врачом президента Эйзенхауэра. Пусть к тому времени в Белом доме сидел другой президент, и врач у него был другой, да и каких-то дурных намерений от этого знакомства они не заметили, тем не менее активность подполковника Никифорова утомляла контрразведку. И тогда они устроили изощренную ловушку для помощника военного атташе. Когда тот уехал в поездку, разумеется, с разрешения властей и под присмотром контрразведки, американцы объявили его персоной нон грата. Однако Никифорову об этом не сообщили. Наверное, решили посмотреть на поведение во время поездки, теперь ведь его, лишенного дипломатического статуса, могли ненароком побить, искалечить, оскорбить.

А он добирался из Аризоны в

Неваду, Калифорнию, потом в Колорадо. Конечно же эта поездка – не прогулка по Америке, а разведзадание. И, несмотря на плотную опеку контрразведки, он его выполнил. Когда возвратился, обрадовали: он объявлен персоной нон грата. Ну что ж, собрал чемоданы – и гуд-бай, Америка.

В декабре 1955 года Никифоров уже был в Москве. Мог остаться в управлении, вернуться в родную службу спецрадиосвязи, но его попросили поработать в Военно-дипломатической академии. Посчитали, что опыт, который он приобрел в США, будет полезен молодым слушателям. Дали ему англо-американскую группу, преподавал он самый важный предмет – агентурную работу.

Пять лет отдал Александр Никифорович Никифоров преподавательской деятельности. Из его учебной группы вышло немало хороших разведчиков, многие обогнали своего учителя в должностях, в званиях, стали генералами.

В 1960 году полковника Никифорова позвал к себе генерал Иван Яковлевич Петров. Он возглавлял службу спецрадиосвязи ГРУ и предложил Александру Никифоровичу должность заместителя. Никифоров согласился.

В ЦЕНТРЕ МИРОВОГО ШПИОНАЖА

В 1969 году в Ливане случилась трагедия: пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской военной разведки полковник Александр Хомяков. Однако, несмотря на тяжелейшие ранения, резиденту чудом удалось выжить. Ливанские врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы спасти полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву.

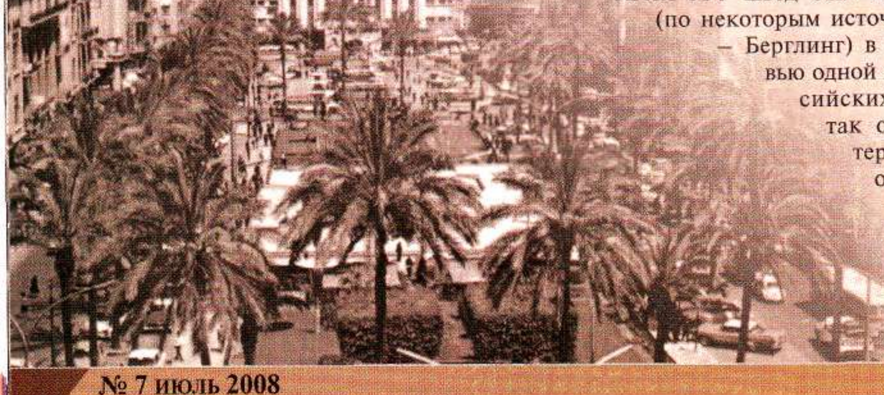
■ Военный атташе СССР в Ливане полковник А. Никифоров приветствует гостей

Но, как говорят на Руси, пришла беда – отворяй ворота. В это же время у нашего военного атташе в Ливане полковника Ивана Пупышева заболела супруга, и он срочно убыл на Родину.

Советская военная разведка в этой стране по сути оказалась обезглавленной.

Человеку стороннему, не сведущему в делах разведсообщества, возможно, покажется странным столь пристальное внимание нашей разведки к этой маленькой стране. Все население Ливана в ту пору составляло около 2,5 миллиона человек. По сути это один город Киев – столица Украины. Казалось бы, о чем тут говорить. Для огромного Советского Союза и его мощной разведки совсем не те масштабы. Оказывается, все обстояло иначе.

Агент ГРУ швед Стиг Берлинг (по некоторым источникам – Берглинг) в интервью одной из российских газет так охарактеризовал обстановку в Ливане: «Если бы вы видели Бейрут (столица Ливана) начала 1970-х! Это был центр мирового шпионажа. Островок относительного мира в центре арабо-израильского конфликта. Каждая уважающая себя разведка держала там свою резидентуру, бары были полны шпионов. Самым престижным считался бар при гостинице «Сент-Джордж». Обычных людей там не было – одни шпионы. Новичка наперебой угощали, стараясь выяснить, чем он может быть полезен и на кого работает. Все продавалось и покупалось».

Думается, Стиг Берлинг, который провел на Ближнем Востоке не один месяц своей службы, весьма точно охарактеризовал разведобстановку в Ливане. Да, действительно, там сошлись интересы разведок ведущих стран мира. Очень сильные позиции были у американцев. Как всегда, им противостояли советские разведчики.

Полковник Александр Никифоров в одной из наших бесед сказал: «С точки зрения разведки, Ливан – это трамплин в любую страну. Ливан располагается на пересечении путей из Европы в Азию и в Африку, из Америки – в остальной мир. Отсюда идет постоянный транзит по морю, по воздуху. Там и развернулась наша «битва» с американцами».

Остается добавить к словам Александра Никифорова, что резидент ГРУ Хомяков едва не погиб в этой «битве». Теперь его предстояло срочно кем-то заменить. Но кем? Ведь освободилось и место военного атташе. Это означало, что офицер, который приедет в Бейрут, должен стать и военным атташе, и резидентом ГРУ одновременно.

И им стал полковник Александр Никифоров. Девять лет прошло с тех пор, как он перевелся из академии в службу спецрадиосвязи. Теперь полковник вновь возвращался на оперативную работу.

Американцы не забыли его. К их большому неудовольствию, энергичный, опытный разведчик «Норман» (такой псевдоним присвоили Никифорову американцы еще во время его пребывания в США) вдруг неожиданно «всплыл» в Ливане. Подняв архивные документы контрразведки, они поняли: перед ними опасный противник. Неспроста четырнадцать лет назад «Нормана» объявили в Штатах персоной нон грата и постарались поскорее выпроводить из страны.

В свою очередь и полковник Никифоров, трезво оценивая обстановку, осознавал – американцы держат в

Ливане аппарат разведки, как минимум в несколько раз превышающий его резидентуру. Так, например, только военных атташе США в Бейруте было трое, а он – один. Да и аппарат у него по своему составу был весьма скромным.

Первое, что сделал Никифоров, – пересмотрел штат аппарата военного атташе. Сначала отказался от переводчика (языком он владел вполне успешно) и попросил Центр заменить его оперативным работником. Потом подобную процедуру проделал с водителем. Сообщил в Москву, что управлять машиной будет сам, а на освободившееся место предложил прислать еще одного оперативника. Таким образом, аппарат «прирос» двумя офицерами. А это уже заметная «прибавка в весе».

Многое из того, что сделал в Бейруте полковник Александр Никифоров, раскрыть сегодня, да и в ближайшие годы, вряд ли удастся. Но кое-что рассказать можно. Например, о том же агенте Стиге Берлинге, которого арестовала израильская разведка Шин Бет. Было это в марте 1979 года, и руководил Берлингом совсем другой офицер ГРУ.

...Стиг спешил в аэропорт. Заказал такси, попросил шофера поторопиться. Он объяснил таксисту, что боится опоздать встретить свою подружку. Но Стиг лукавил. Торопился он совсем не на свидание. В кармане у Берлинга лежал билет на самолет, улетающий в Копенгаген.

Шесть лет прошло с тех пор, как он начал работать на советскую разведку. В Париже Стига предупредили, чтобы не ездил в Израиль. Он не прислушался к совету. И вот теперь Берлинг надеялся как можно скорее исчезнуть из этой страны.

Но все пошло не так: водитель такси почему-то остановил машину у зала вылета, хотя Стиг ясно сказал, что спешит встретить прилетающую подружку. Потом он собрался позвонить в Стокгольм, но ему заявили, что международной связи нет. Неожиданно вспомнились начищенные до блеска ботинки таксиста. Такой блестящей обуви Стиг не мог припомнить у местных таксистов.

Берлинг не на шутку разволновался. Поспешил зарегистрировать билет и, не мешкая, прошел к стойке паспортного контроля. Улыбающаяся женщина-полицейский полистала его паспорт и попросила пройти с ней: мол, есть какие-то вопросы по оформлению документа. Она провела Стига коридорами аэропорта, остановилась у одной из дверей, постучала. Ей открыли. Берлинг вошел в комнату.

■ **Стиг Берлинг**

Там находились трое мужчин. Один из них предложил Стигу присесть и пододвинул рюмку водки. Берлинг сказал, что с утра не пьет. Тогда другой мужчина с усмешкой спросил: «Разве в Советском Союзе не пьют так рано?»

Наконец один из троих, видимо старший, сказал, что они сотрудники израильской контрразведки Шин Бет и им все известно. Стиг молчал. Тогда старший уточнил: они знают, что господин Берлинг является агентом советской военной разведки и ведет работу против Израиля. Далее ему предложили продолжить беседу в номере отеля, если он согласится сотрудничать с Шин Бет, или в камере тюрьмы – в случае отказа. Стиг, недолго думая, выбрал отель. Старший из контрразведчиков наполнил рюмки водкой. На этот раз Берлинг не отказался.

Водка обожгла ему гортань, и Стиг вдруг вспомнил предупреждение Алекса о том, что на Ближнем Востоке шпионы нередко исчезают бесследно. Он даже представил свое безжизненное тело в контейнере для мусора...

Однако Стиг Берлинг не исчез бесследно. Более того, когда дело его получило широкую огласку, он стал одним из самых известных людей в Швеции. О нем много писали, говорили, спорили, называли «самым крупным и опасным шпионом» в истории страны.

Дело другого советского агента полковника Веннерстрема к тому времени уже порядком забылось, и журналисты «ухватились» за Стига. Надо признать, что к таким заявлениям прессу подталкивал и приговор, который был крайне суров, если не сказать, жесток. Суд приговорил советского агента к пожизненному заключению.

Так кем же был на самом деле Стиг Берлинг – крупнейшим и опаснейшим шпионом во всей истории Швеции или, наоборот, как считали некоторые, авантюристом и болтуном, бахвальство которого и привело к пожизненному заключению? А может, он стал жертвой заговора в шведской контрразведке (СЭПО), как писала газета «Дагенс Нюхетер»?

Однако чтобы ответить на этот вопрос, следует прояснить ситуацию: почему, рассказывая о военном разведчике Александре Никифорове, мы вспомнили вдруг об агенте Стиге Берлинге? Оказывается, не вдруг. Тот самый «крупный и опасный шпион» как раз и был завербован полковником Никифоровым. Алекс, о предостережении которого во время ареста вспоминает Стиг, есть не кто иной, как резидент ГРУ в Ливане.

А теперь все по порядку.

...В мае 1996 года Стиг Берлинг написал свое пятое письмо на имя премьер-министра Швеции Иерана Перссона. Он отсидел в тюрьме уже более 10 лет и просил о помиловании. В этом послании Берлинг сравнивал свою шпионскую деятельность на военную разведку Советского Союза с работой Стига Веннерстрема. Разумеется, как всякий провалившийся агент, да еще отбывающий срок в тюрьме, он явно скромничал, доказывая, что возможностей по добыванию секретной информации не имел и потому вреда родной стране не нанес. Зато в сторону Веннерстрема кивал, доказывая, что тот сделал намного больше.

Никто не спорит – полковник Стиг Веннерстрем агентом был ценным и должности в вооруженных силах Швеции занимал немалые. Он служил военно-воздушным атташе в Москве, потом в Вашингтоне, работал консультантом по вопросам разоружения в МИДе. Действительно, материалы и документы, которые он передавал в ГРУ, носили секретный и совершенно секретный характер и оценивались очень высоко. Следует согласиться, что и возможности у Веннерстрема были достаточно широкие.

(Продолжение следует)

ГАЛЕРЕЯ

Автоматическая винтовка HK G3 A4 под патрон НАТО 7,62x51 принята на вооружение армии ФРГ в 1959 году на смену 7,62-мм бельгийской автоматической винтовке FN FAL.

История создания этой винтовки берет свое начало со времен фашистской Германии, когда под руководством инженера Людвига Форгриммлера на фирме Mauser-Werken в городе Обернդорф была разработана опытная штурмовая винтовка 45М под укороченный патрон 7,92x33 «Kurz» штурмовой винтовки StG. Предполагалось, что в будущем штурмовая винтовка 45М придет на смену StG44.

После окончания войны Оберндорф оказался во французской зоне оккупации, а Форгриммлер был принят на работу во французскую фирму Manufacture de Machines du Haut-Rhin (Manurhin). Через несколько лет он оказался сотрудником испанского центра оружейных исследований и разработок Centro de Estudios Tecnicos de Materiales Especiales (CETME).

По некоторым сведениям, Форгриммлер с начала 1950-х годов принимал участие в разработке автоматической винтовки CETME, в основу конструкции которой был положен немецкий образец 45М. Прототипы этой винтовки разрабатывались под различные патроны, в частности и под патрон CETME/НАТО. Этот патрон по размерам был таким же, как и патрон НАТО 7,62x51, но весил несколько меньше. Серийное производство винтовки CETME в Испании было начато в 1956 году. Винтовка CETME под патрон 7,62x51 имела полусвободный поворотный затвор.

Военное руководство ФРГ рассчитывало на длительное использование винтовки FN FAL, однако планы эти не сбылись, так как бельгийская фирма FN (Fabrique Nationale) не согласилась продать лицензию на производство своей винтовки FN FAL в ФРГ. В дальнейшем ФРГ через нидерландскую фирму Nederland Wapens & Munitiefabrik de Kruithoorn BV сумела получить лицензионное право на производство винтовки CETME, однако принятие этой винтовки на вооружение армии ФРГ потребовало значительной переработки винтовки, связанной с необходимостью использования для нее патрона НАТО 7,62x51 и адаптации к немецким технологическим достижениям. В основном это прогрессивные методы штамповки деталей из листовой стали, обработка заготовок стволов методом редуцирования (холодного формообразования) и применение полусвободного затвора немецкой конструкции. Такая переработка винтовки CETME была выполнена фирмой Heckler & Koch GmbH (HK) в Оберндорфе в тесном сотрудничестве со специалистами фирмы CETME.

Эта автоматическая винтовка фирмы HK получила заводской индекс G (Gewehr) с добавлением обозначения модели, но первый, основной, образец имел индекс HK3.

В конечном итоге фирма HK стала производителем и экспортером своих разработок. Ряд стран имеет лицензии на собственное производство автоматических винтовок и пистолетов-пулеметов фирмы HK. Причем самые различные версии обоих этих видов оружия отличаются высокой степенью унификации различных узлов. Аналогом такой степени унификации можно назвать отечественные образцы, выпускаемые под индексом АК.

Многие версии оружия фирмы HK распространены в различных вооруженных формированиях многих стран.

Главной особенностью автоматических винтовок фирмы HK следует считать то, что при патроне НАТО 7,62x51 мм, по баллистическому импульсу незначительно отличающемся от отечественного винтовочного патрона 7,62x54 мм, специалисты фирмы сочли возможным использовать полусвободный затвор. По идее конструкция этого затвора напоминает затвор единого пулемета MG-42, где жесткое запирание осуществляется двумя роликами, симметрично расположенными в боевой личинке затвора. В полусвободном варианте такого затвора эти ролики на первых миллиметрах отката личинки, скользя по наклонным опорным плоскостям казенника, вдавливаются внутрь личинки, и воздействуя на скосы стебля затвора, ускоренно отбрасывают его в направлении отката. Подобным образом «выстреливается» вишневая косточка при сдавливании ее между двумя пальцами. В соответствии со вторым законом Ньютона такое взаимодействие частей затвора увеличивает силу сопротивления в начальный момент его отката.

Достаточная надежность подобного узла запирания подтверждается популярностью винтовки G3 во многих странах, включая и те, где условия эксплуатации оружия близки к экстремальным. С середины 1960-х годов винтовки G3 находятся на вооружении в 47 странах Европы, Азии, Африки и Южной Америки.

Использование полусвободного запирания по сравнению, например, с

7,62-мм автоматическая винтовка

HK G3 A4

газоотводным запирающим узлом отечественных автоматов АК выгодно в основном по двум причинам.

Во-первых, ощутимо снижается трудоемкость (стоимость) производства оружия, поскольку в конструкции отсутствует достаточно сложный в производстве газоотводный узел.

Во-вторых, уменьшается рассеивание при стрельбе очередями, так как в балансе сил, воздействующих на оружие при выстреле, отсутствует импульс газовой камеры.

Следует заметить, что в 50-х годах прошлого столетия оказалась безуспешной попытка заменить не оправдавший надежды военных по рассеиванию автомат АК-47 автоматом ТКБ-517 с полусвободным запиранием, разработанным в Тульском ЦКБ-14 конструктором Коробовым.

Ударно-спусковой механизм G3 куркового типа допускает стрельбу одиночным огнем и очередями с ограничением длины очереди в три выстрела.

Оружие комплектуется клинковым штыком и устройством, с помощью которого можно вести стрельбу малокалиберными патронами.

Основные характеристики

Параметр	Значение
Калибр, мм	7,62
Начальная скорость пули, м/с	800
Тип патрона	7,62x51
Вес винтовки с магазином без патронов, кг	4,97
Длина винтовки, мм	840
Длина ствола, мм	450
Темп стрельбы, выстр./мин.	600
Емкость магазина, патр.	20
Вес снаряженного магазина, кг	0,75
Вес пустого магазина, кг	0,27

ВСПОМНИТЬ ВСЕ И... ВСЕХ

Госдума России нового созыва в первом чтении приняла поправки в Закон «О ветеранах», предоставляющие право на получение пенсий участникам боевых действий в Анголе, Мозамбике и Эфиопии. В перечень признанных государством периодов боевых действий за рубежом с участием граждан СССР и России внесены следующие изменения: боевые действия в Анголе – с ноября 1975 г. по ноябрь 1992 г. (ранее по ноябрь 1979 г.); в Мозамбике – с ноября 1975 г. по ноябрь 1979 г. и с марта 1984 г. по август 1988 г. (ранее по апрель 1987 г.); в Эфиопии – с декабря 1977 г. по ноябрь 1990 г. (ранее по ноябрь 1979 г.), а также – впервые – с мая по декабрь 2000 г.

Сергей КОЛОМНИН

ВОЗВРАЩАЕМ ДОЛГ 159 ВЕТЕРАНАМ ИЗ 30 ТЫСЯЧ?

Председатель Комитета Госдумы по делам ветеранов Николай Ковалев, говоря о внесении поправок в Закон «О ветеранах», заявил: «Этот документ направлен на социальную защиту людей, воевавших в Анголе, Мозамбике и Эфиопии, мы признаем их ветеранами боевых действий. Поправками мы четко определяем периоды боевых действий, которые проводились... со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями для его участников. Таким образом, восстанавливается историческая справедливость и, я бы добавил, возвращается долг страны перед этими людьми, которые воевали, а государство их не признавало ветеранами. Они получат положенные пособия и пенсии после принятия поправок».

Казалось бы, все верно. Но, по данным Министерства обороны России, под действие этого закона подпадают всего... 159 человек. Между тем только по линии 10-го Главного управления ГШ ВС СССР с 1975 по 1991 год через Анголу *«прошло»* 10.985 человек: генералы, офицеры, прапорщики и рядовые. В Эфиопию за тот же период для оказания помощи в военной области было командировано 11.143 советских военнослужащих, из которых при выполнении служебных обязанностей погибли (умерли) 79 человек, среди которых числятся два генерала и 69 офицеров. В Анголе в результате боевых действий, от тропических болезней и несчастных случаев (неосторожное обращение с оружием, авто- и авиапроисшествия и т. п.) погибли (умерли) 54 человека, среди которых 45 офицеров. Но не секрет, что многих погибших в той войне оформляли как умерших от естественных причин либо в результате заболеваний. Если

учитывать еще и Мозамбик, то только по линии 10-го Главного управления ГШ ВС СССР в этих странах побывало около 30 тысяч советских военнослужащих.

Но и эта цифра абсолютно не отражает масштаба нашего вовлечения в конфликты в этих странах. У берегов Анголы, Эфиопии, Мозамбика несли службу тысячи советских военных моряков, которые привлекались для выполнения такой боевой задачи, как охрана советских торговых и рыболовецких судов, подвергавшихся постоянной диверсионной опасности. Только у берегов Анголы в период с 1975 по 1991 год морскими диверсантами было подорвано более 15 гражданских судов, принадлежавших различным странам и компаниям. Среди них судно ГДР «Arendsee» водоизмещением 7.000 т, ангольский корабль «Luandge», советские сухогрузы «Капитан Чирков» (16.000 т), «Капитан Вислобоков» (12.000 т), доставившие в 1986 г. в Анголу около 20 тысяч тонн оружия, боеприпасов для ангольской армии, партизан СВАПО и АНК, а также кубинский пароход «Гавана» (6.000 т). Советские моряки, как военные, так и гражданские, с риском для жизни участвовали и в проведении спасательных работ на этих судах.

Советские морские пехотинцы с десантных кораблей привлекались в этих странах и для выполнения задач на суше: они несли охрану посольств, советских военных миссий и мест проживания военнослужащих и членов их семей. В Анголе, Мозамбике и Эфиопии работали сотни советских военных летчиков. Были и гражданские, которые выполняли задачи в интересах местных армий и коллективов военных советников. Эта огромная категория людей практически выведена за рамки Закона «О ветеранах».

Почему же столь долгожданный закон, который был инициирован Союзом ветеранов Анголы еще четыре года назад при прежнем составе Госдумы, но у которой так и не дошли до него руки, из нескольких десятков тысяч военнослужащих, честно отработавших в «горячих африканских точках» и выполнявших боевые задачи, признает участниками боевых действий всего 159 человек? А как же остальные?

«МЫ ВАС ТУДА НЕ ПОСЫЛАЛИ»

Безусловно, у части людей, побывавших в Анголе, Эфиопии и Мозамбике, удостоверения участников боевых действий уже имелись, если они «попадали» в сроки прежнего, дореформенного Закона «О ветеранах» и смогли доказать свое участие в боевых действиях.

Да, именно доказать. А это непросто. Ведь официально считалось, что наши соотечественники в боевых действиях в этих странах не участвуют. Причем по сложившейся практике артиллерийские обстрелы, авиабомбардировки, подрывы на минах в расчет не принимались. Не «шли в зачет» даже... экипажи сбитых самолетов. Так, например, советский гражданский экипаж военно-транспортного самолета ангольских ВВС Ан-26 в ноябре 1980 был сбит унитовской ракетой под городом Менонге и совершил вынужденную посадку. Четырех летчиков удалось вызволить из беды, а командир экипажа Камиль Маллоев попал в плен к вооруженным оппозиционерам УНИТА.

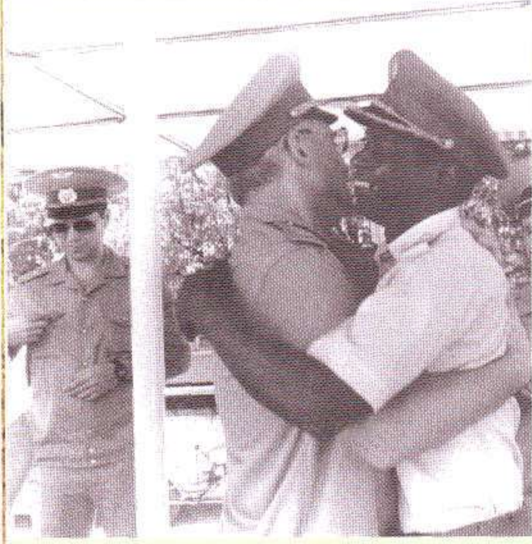
Его таскали по лесам и саванне Анголы ровно два года, с 21 ноября 1980 по 21 ноября 1982 года, и лишь при содействии Международного Красного Креста Маллоева обменяли на тела сбитых в Анголе южноафриканских боевых летчиков. В плену советского летчика допрашивали. И очень жестко. Руководили допросом агент ЦРУ и юаровец, и происходило это в присутствии унитовцев. Интересовались в первую очередь вопросами военного сотрудничества Анголы с СССР и Кубой. Маллоев держался, как мог, пользуясь тем, что пленившие его плохо говорили по-русски.

Ни сбитые летчики из экипажа Камиля Маллоева, ни он сам, испытавший «все прелести» уни-

товского плена, не смогли попасть в категорию «участник боевых действий». Маллоев свидетельствует: «С 1990 года пишу во все инстанции, однако не могу получить документы участника военных событий. Маразм, но чиновники говорят, что война в Анголе закончилась в 1979 году. Согласно Закону «О ветеранах», официально признающему наше участие в ангольской войне с ноября 1975 по ноябрь 1979 года. А я попал в плен в 1980 году. В Министерстве гражданской авиации, а я был в Анголе от объединения «Авиаэкспорт», мне прямо заявили: «Мы вас туда не посылали».

Сможет ли после внесения изменений в Закон «О ветеранах» К. Маллоев, который проживает сейчас в Махачкале, доказать, что он участник боевых действий? Попал ли он в этот самый заветный список из 159 человек? Я

Визит советской военной делегации. Мозамбик, г. Нампула, 1987 г.

консультировался с одним из бывших военных кадровиков. Он прямо сказал: «Чиновники в кадровых органах признают только документы. А Маллоева в Анголу посылали не воевать. А то, что он со своими гражданскими коллегами возил военные грузы и его «абсолютно гражданский самолет» имел военную раскраску и военные опознавательные знаки ангольской армии, – это доказать нужно. Как и его нахождение в плену». Но у кого Камилю Маллоеву просить такую справку? Может, у бывших унитовских генералов, которые после достигнутого в 2002 году примирения в Анголе интегрированы в национальную армию? Кстати, на одной из конференций с участием Союза ветеранов Анголы в Москве К. Маллоев случайно встретился... с бывшим начальником генерального штаба УНИТА генералом Камортейру. И тот его узнал, вспомнил, что Маллоев был у них в плену. Но вопрос: примут ли «в зачет» такую «справку» наши компетентные органы?

СТРАННАЯ ВОЙНА

Для советских военнослужащих война в Анголе, Мозамбике и Эфиопии была иной, нежели, например, в Афганистане. СССР в эти страны никогда не посылал регулярные войска. Там работали наши советники и специалисты, военные медики (например, в Эфиопии действовали отдельные военно-медицинские и автомобильные подразделения), экипажи военно-транспортных самолетов и некоторые другие категории военнослужащих. А прозвучавшее как-то в телепередаче «Забытый полк» утверждение о том, что в боях под Куито-Куанавле в Анголе в 1987 г. участвовала целая дивизия советской морской пехоты, – не более чем выдумка.

Поэтому в отличие от Афганистана, где «участником боевых действий» становился каждый, кто пересекал «речку», то есть границу между СССР и Афганистаном, свое участие в военных действиях в Африке нужно было еще доказать. Но как доказать, если часто прямых приказов от вышестоящих начальников не поступало? Попал в засаду, под артобстрел? Так никто же тебя не посылал!

Вот что вспоминал специалист при командире разведроты в Анголе Валентин Гаев: «Я командировался в страну по линии «десятки» (10-е Главное управление Генерального штаба ВС. – **Авт.**). В Генштабе при инструктаже наставляли: только обучать, тренировать, консультировать, но за «анголан» ни в коем случае не «работать». В руководстве советской военной миссии в Анголе в те времена существовала некая двойственная позиция в отношении нашего участия в боевых действиях в «горячих точках». Москва, страхуясь от международных скандалов, боясь, что при гибели или захвате в плен советских советников наш «идеологический противник» получит в полемике преимущество, не поощряла их участия в боях. А главный военный советник генерал-полковник К. Курочкин, практически вопреки Москве, дал добро. Боевой был мужик. Так и сказал: «Где подсоветный, там и советник, специалист. А иначе вы здесь не нужны».

Следует сказать, что опасения Москвы имели под собой основания. Например, в Эфиопии 16 июня 1978 г. в засаду сомалийцев попали шесть советских военнослужащих из состава отдельного медицинского батальона: подполковник Н. Удалов, капитаны В. Князев, В. Филиппов, сержант Н. Горелов и рядовые С. Дулов и Н. Козлов. При попытке к бегству пятеро из них были убиты, а подполковник Н. Удалов был вывезен на территорию Сомали. В 1988 г. советские военные советники в Эфиопии полковник Ю. Калистратов, подполковник Е. Чураев и военный переводчик лейтенант А. Кувалдин были захвачены в плен боевиками оппозиционного Фронта освобождения Эритреи. Они провели в плену три года.

В Анголе унитовцами было захвачено несколько гражданских специалистов, а в августе 1981 года во время очередной агрессии ЮАР двое офицеров и две женщины – жены советских специалистов были убиты, а один военнослужащий, прапорщик Н. Пестрецов, попал в плен. В Мозамбике в провинции Замбези в августе 1983 г. вооруженные боевики антиправительственного движения МНС захватили 24 наших специалиста-геолога, а двоих убили. Этот список можно продолжить.

Прямые приказы на участие в боевых действиях редко кто отдавал. А если и отдавал, то исключительно устно и весьма своеобразно. Советник командира бригады подполковник В. Сагачко вспоминал о том, как однажды он получил от главного военного советника в Анголе генерала П. Гусева такой приказ. «Изначально мне была поставлена задача находиться при командире бригады на КП. Цели: планирование, обучение, контроль. Задача бригады – охрана стратегического шоссе Менонге–Куито-Куанавале. Но если бригада выходила в рейд на прочесывание местности, то я должен был быть рядом с командиром. Как-то прилетел в Луанду. Был вызван к главному военному советнику. Доложил обстановку в зоне ответственности бригады. Он сказал: «Почему вы бездельничаете и не уничтожаете противника? Почему вот здесь база УНИТА находится в 40 км от вас? Приказываю ее уничтожить! Одолжите у кубинцев танковую роту, посадите десант на броню и мощным танковым ударом уничтожьте базу противника».

Я возразил: «Но без приказа сверху ангольский командир бригады действовать не будет. Для этого нужно, чтобы ангольский министр обороны отдал приказ командующему фронтом или округом, а тот – моему коман-

диру бригады. Вы, товарищ генерал, советник министра обороны. Отдайте приказ, чтобы бригада уничтожила эту базу».

Гусев просто вскипел: «Ты что чушь несешь? Как я могу отдать приказ министру обороны чужой страны?»

На что я ответил: «Товарищ генерал, а как я могу отдать приказ командиру бригады чужой страны?»

После этого диалога В. Сагачко было приказано отправляться в бригаду и, не рассуждая о высоких материях, выполнять задачу. Поставленную устно.

БЕЗ БУМАЖКИ ТЫ БУКАШКА...

В качестве доказательств участия в боевых действиях наши кадровые органы принимают специальные справки, выданные аппаратами главных военных советников в Анголе, Мозамбике и Эфиопии, в отдельных случаях – посольствами в этих странах, с указанием времени, проведенного на передовой. Эти районы, по крайней мере, в Анголе, с конца 1983 года определялись приказом главного военного советника. Доказательствами могут служить и служебные характеристики с конкретным указанием совершенных героических поступков. Свидетельством участия в боевых действиях (при определенных оговорках) может служить и факт награждения боевыми наградами, если в представлениях к ним указывался конкретный (!) боевой эпизод (поступок). Одно время кадровиками 10-го Главного управления ГШ ВС СССР принимались в качестве доказательств и свидетельства двух очевидцев, которые могли подтвердить, что данный человек участвовал в боях. Особо котировались свидетельства, написанные собственноручно главными военными советниками или их заместителями.

Но парадокс заключается в том, что, например, в служебных характеристиках тех лет на военных специалистов за рубежом их участие в боевых действиях отражать было не принято. По соображениям безопасности. Это ведь не секретный документ. А ну как окажется в руках супостата? Будет доказательство, что русские воюют в Африке. Многие наши внутренние служебные документы в миссиях в Анголе, Мозамбике, Эфиопии уничтожались сразу после использования, никаких архивов с внутренней документацией о деятельности за рубежом не сохранилось. Например, даже в командировочном предписании военного переводчика в Анголе Максима Гладкова о его направлении в г. Уамбо имеется отметка «по прочтении уничтожить». Но Максим сохранил предписание как реликвию. (Подборку таких чудом сохранившихся документов можно увидеть на сайте Союза ветеранов Анголы.)

После двух служебных командировок в Анголу, знакомясь со своим личным делом офицера, я, кроме штампа «служебная командировка в НРА», не обнаружил никаких других записей о службе там.

Отсутствие записей в личном деле объясняется теми же соображениями секретности. Поэтому столь знакомые всем военнослужащим карточки учета поощрений и взысканий личного состава в аппарате главного военного советника иметь было запрещено. Кстати, увлечение секретностью в наших «совзагранколлективах» выливалось порой в весьма занятные с точки зрения сегодняшней действительности формы. Так, партийные собрания, как и сами организации, за рубежом назывались «профсоюзными», а комсомольские – «спортивными». Ангольцы, прекрасно осведомленные об этом, шутили: «Советские товарищи очень продвинуты, у них даже военный профсоюз есть...»

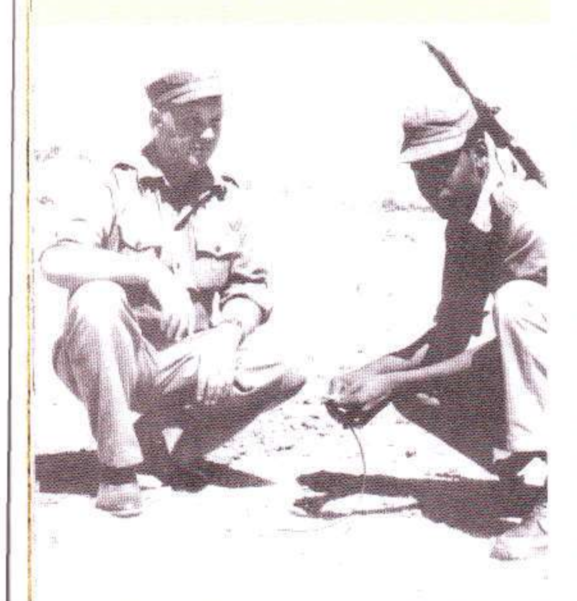
«ПОЕЗЖАЙ-КА В КААМУ... НА ПРИРОДУ!»

Ни «военный профсоюз», ни кадровые органы не смогли помочь с доказательствами участия в войне в Анголе, например, Сергею Некрасову. Сам он называет себя человеком сугубо штатским, хотя отдал Советской Армии десять лет своей жизни из шестидесяти. Служил с 1966 по 1969 год

рядовым. Потом, после окончания филфака Ленинградского государственного университета, проходил службу в звании лейтенанта на спецфакультете Военно-медицинской академии в Ленинграде. Затем была командировка на Кубу по линии Министерства обороны в качестве переводчика с испанского языка.

Сергей прибыл в Анголу в 1983 году для работы в составе нашего военного коллектива в качестве... служащего Советской Армии. В этом не было бы ничего удивительного, если бы почти сразу после приезда он, практически гражданский человек, «не обремененный погонами», не оказался на передовой в районе боевых действий.

Некрасов вспоминает: «С португальским языком мне ранее работать не приходилось, и главный военный

Советский военный советник в Мозамбике Н. Правдюченко (слева). Погиб от взрыва мины в 1979 г. (Фото публикуется впервые)

советник в Анголе генерал К. Курочкин высказал довольно серьезное неудовольствие по этому поводу во время моего представления ему. Поэтому референт главного военного советника майор Борис Кононов после некоторых раздумий решил отослать меня куда-нибудь подальше от Луанды. Чтобы набраться опыта и ума-разума, отправили меня в группу ЗРК «Оса-АК», дислоцированную в районе Шибембы, южнее Лубанго. Однако в Лубанго оказалось, что в группе «Оса-АК» переводчик уже есть, а вот во 2-й «боевой» бригаде ФАПЛА в Кааме, почти на самой границе с оккупированной ЮАР Намибией, у переводчика заканчивался срок пребывания и его пора было заменить. Старший группы советских военных советников в Лубанго полковник Гаркавка сказал: «Поезжай-ка в Кааму... на природу!»

В расположение бригады приехали затемно. «Хозяйство» находилось километрах в двух к югу от Каамы, за небольшой рекой под названием Какулувар. Местность вокруг была изрыта воронками от взрывов снарядов и бомб – зримые следы, оставшиеся от прошлых агрессий ЮАР. Поселили меня в одной из землянок, в так называемой «рефужии» (португальское слово «refugio» означает убежище, если перевести на русский. Но оно настолько прочно вошло в обиход «русских ангольцев», что даже склонялось, как русское).

«Рефужиу» – это заглубленное помещение площадью примерно три на три метра. Две кровати с пологом от москитов, стол. Стены и потолок обшиты досками. На полу тоже доски. Над «рефужиу» насыпан грунт толщиной около метра, сверху, для маскировки, кустарник. Не знаю, как боролись с водой в сезон дождей, но, видимо, этот вопрос тоже был продуман. Никаких следов подтопления я не обнаружил. Вечером помещение освещали маломощные лампочки, которые питались от двух небольших бензиновых генераторов. Энергии хватало только на освещение. Вот в этой «рефужии» я прожил чуть больше месяца, а многие наши военные советники и специалисты жили годами...»

Обратите внимание на то, что вопрос о посылке «служащего Советской Армии С. Некрасова» в боевую ангольскую бригаду, дислоцировавшуюся на границе с оккупированной ЮАР Намибией, решался устно. Никаких командировочных документов старший группы советских военных советников в Лубанго полковник Гаркавка не оформлял, да и в Луанду, как потом оказалось, сообщить об этом забыл...

За два года ангольской командировки Сергей успел поработать не только в Кааме, но и в Шамутете, и в Куэмбу, где было не менее опасно, чем на передовой. А когда закончился срок командировки, он прибыл в Луанду, где легкомысленно предъявил начальнику отдела кадров нашей военной миссии справку о нахождении в районах боевых действиях: за два года набралось более 120 дней. Однако этот документ был тут же порван кадровиком, с объяснением, что в боевых действиях он участвовать не должен был, поскольку направляли его туда «совсем для других целей». Сергей вспоминает: «Мне и возразить-то было нечего. В Кааму, а затем в Шамутете и в Куэмбу меня направляли местные отцы-командиры, а не большое начальство из Луанды. Это имело решающее значение».

БОМБЫ НЕ РАЗБИРАЮТ, ГДЕ АНГОЛЕЦ, А ГДЕ РУССКИЙ

Что чувствовал, по сути, гражданский человек, всего несколько дней назад находившийся в оживленной и мирной Москве и попавший вдруг в условия, когда началась очередная агрессия ЮАР и ее войска вторглись на территорию Анголы? Чтобы читатель смог окунуться в атмосферу тех дней и почувствовать то, что ощущал Сергей Некрасов, привожу выдержки из дневника, который он вел в Анголе.

24.12.83 (суббота)

С утра спокойно. В 13.00 первый налет авиации. В 14.00 – второй. Выезжали на батарею «Оса-АК». По возвращении попали под обстрел НУРСами, взрывы метрах в трехстах от нас. В 15.30 – третий налет, в 18.25 – четвертый, во время ужина. Посыпались бомбы, НУРСы. Не успел даже чаю попить. Столовая открытая, без стен, – укрыться негде. Побежали в кухню, скорее инстинктивно, чтобы хоть как-то спрятаться за тонкими стенками, до «рефужий» бежать далеко. Взрывы метров за 800. В кухне, в отличие от столовой, один общий стол с деревянными скамейками под навесом, но все-таки имелись стены. Обошлось без жертв. Осколки попали в цистерну с водой. Появились кубинцы из разведгруппы. Один из них принес неразорвавшуюся шариковую бомбу, а также кучу шариков серо-желтоватого цвета диаметром полтора сантиметра. По надписям на бомбе можно понять, что противопехотная, вес то ли 6, то ли 8 кг (трудно разобрать). Цифра 12/79, вероятно, означает дату изготовления. В 23.00 начался артобстрел, продолжался часов до 5 утра. Изредка отвечала наша артиллерия. Спал урывками, некоторые снаряды рвались недалеко.

25.12.83 (воскресенье)

В 5 часов утра налет авиации. Сброшены 3 бомбы на роту связи. Одна не разорвалась. К 6.00 все смолкло. С 13.55 до 14.35 снова появилась авиация ЮАР. Взрывы далеко. В 17.00 поехали на зенитную батарею. Большая воронка прямо посередине дороги. Из батареи поехали заправляться, снова налет.

Такое впечатление, что бьют как раз по батарее, где мы были. Взрывы на другой стороне дороги, метров за 500. Остановились, недалеко от машины обнаружили большую воронку. Спрятались там. Жутко. Налет закончился. Бегом к машине, не до заправки, поехали к себе в лагерь, с открытой дверцей, чтобы заблаговременно услышать звук приближающихся самолетов противника и выпрыгнуть.

26.12.83 (понедельник)

В 10.40 налет авиации. Стоял у входа в «рефужиу». Вдруг звук близкого разрыва, обдало взрывной волной. Кинулся в «рефужиу». В 11.00 самолеты улетели. Две воронки от шариковых бомб. Одна всего в 40 м, рядом. Добрались-таки и до нас. Много бомб замедленного действия. В 16.30 одна взорвалась где-то рядом. Сейчас 19.35. Спокойно. Надолго ли?

Во время налета авиации, если имелась возможность, я всегда оставался в «рефужии». Кажется, что следующая бомба обязательно угодит в тебя, несмотря на то что поблизости ничего не падает и не рвется. Ощущение очень неприятное. Понять это можно, только испытав подобное на себе. Однажды я заметил, что далеко не все пользуются укрытием. После некоторого затишья я вышел из «рефужии» и обнаружил, что человек восемь наших спокойно сидят на скамейках в курилке и… травят байки. На мой вопрос, почему не в убежище, мне объяснили, что «советские асессоры меньше всего интересуют юаровцев, что они даже заинтересованы нас не трогать, чтобы не вызывать ответной реакции нашего правительства». Подобные заявления, конечно, – для самоуспокоения. Бомба или снаряд НУРСа, они не разбирают, где анголец, где сваповец, а где русский.

31.12.83 (суббота)

С утра спокойно, а после обеда опять стрельба. Устроил постирушку. Только белье замочил (война войной, но и в грязи ходить не хочется), как началось. Пришлось стирать под разрывы снарядов. Обнаружил, что при артобстреле чувствуешь себя спокойнее, чем при бомбардировке. Закончился артобстрел, решил воспользоваться – принять душ, благо вода под солнцем нагрелась. Но только голову намылил, послышался звук авиадвигателей в небе. Рванулся, в чем был, к «рефужии». Но оказалось, что это разведывательный беспилотник. Плюнул и пошел домываться. Позднее сообщили, что противник подошел вплотную к 1-му батальону нашей бригады, это в километре от нас. Слышалась пулеметная стрельба. Затем все стихло.

Выехали с советником на КП, потом, уже в 18 часов, – в 1-й батальон. На обратном пути спустило колесо, а запаски нет. Начало темнеть. Хорошо, что рядом в одном из подразделений оказался телефон. Позвонили. В 20.30 привезли нам колесо, и в 21.00 уже были дома. В 21.40 собрались в столовой встречать Новый год – 1984-й! Праздновали часов до трех ночи. Это был первый случай, когда мы нарушили введенный главным военным советником генералом Курочкиным сухой закон. За все время моего пребывания в бригаде он соблюдался неукоснительно. Было даже интересно проверить себя, смогу ли выдержать. Оказалось, что вполне терпимо. Но все-таки Новый год! Расслабились…

4.01.84 (среда)

Появилась информация, что разгромлена и оставила свои позиции 11-я бригада, расположенная в Кувелае, примерно 200 км к востоку от нас. На нее нацелены основные силы юаровцев. После ее разгрома наши советники и специалисты выбирались из окружения несколько дней отдельными группами до Жамбы (более 100 км по прямой на север от Кувелая). Выбрались все. Переводчиком там был Виктор по фамилии, кажется, Данусевич, из Белоруссии. Познакомились с ним в Москве во время оформления. Он тоже испанист, но в отличие от меня призван на военную службу на два года. Потом встретились с ним в Лубанго. Рассказал, как выходили из окружения. Фапловцы оборонялись, сколько было можно. Был довольно жестокий бой, и сам он лично видел, как ангольский зенитчик сбил юаровский вертолет. Потом

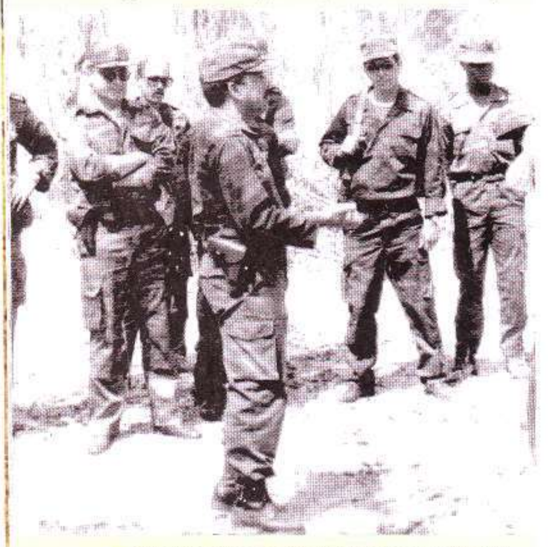

окружение. С собой почти ничего нашим взять не удалось, даже воды. Хорошо, что сезон засухи заканчивался и пошли дожди. Потом Виктора отправили в Жамбу, где комплектовалась новая бригада. Почему опять попросился в боевую бригаду? Служба вдали от большого начальства имела свои преимущества, да и люди там знакомые, проверенные в бою...

Виктора за те бои наградили медалью «За боевые заслуги». Наши советники и специалисты из 2-й бригады тоже, кажется, все, кроме меня, получили награды. Меня же, как служащего СА, туда из Луанды официально не посылали, а значит, я там просто быть не мог.

«ВЫШЕ КАДРОВ – ТОЛЬКО СОЛНЦЕ!»

Вопрос о боевых наградах – это отдельная тема. Например, советника командира мотопехотной бригады В. Сагачко за время командировки в Анголу в конце 1980-х годов дважды представляли к награждению орденом Красной Звезды. Однако в Москве, в

Совместное обсуждение деталей боевой операции. Ангола, 1988 г.

наградном отделе 10-го Главного управления ГШ ВС СССР, никаких следов представлений обнаружить не удалось. Но ведь было же офицерское собрание, которое рекомендовало командованию представить офицера к награде за проведение операции «Зебра» по взятию передовой базы УНИТА в населенном пункте Мавинга. Было и представление командования.

Сам Вадим Сагачко считает, что хотя особых подвигов он не совершал, но свои служебные обязанности выполнял добросовестно. «Его» 59-я бригада при проведении операции действовала слаженно и уверенно. Она провела несколько успешных боев за расширение плацдарма на реке Куито, захватила три базы УНИТА, новые образцы оружия, в том числе новейший французский ПТРК «АПЕЛАС». Унитовцы были потеснены и отошли на рубеж реки Ломба. В. Сагачко все время операции находился вместе с командиром бригады капитаном Батишта и своими рекомендациями помог выполнить задачу. Несколько раз и сам принимал участие в ночных боях. Командование одобрило решение офицерского собрания о представлении офицера к награде.

Но как говорят в армии: «Выше кадров – только солнце!» Кадровик советской военной миссии полковник Пахомов направил представление на подпись не тому начальнику, который знал Сагачко по боям в районе Куито-Куанавале, а другому – новому (Сагачко в это время в порядке «ротации» был переведен в более спокойное место). Но новый старший группы советских военных советников отказался его подписать, так как к операции «Зебра» не имел отношения и самого Сагачко знал плохо. В итоге представление затерялось...

Почему так поступил кадровик в Луанде полковник Пахомов? Имел он на В. Сагачко зуб. И вот какой. Через месяц после приезда в Анголу В. Сагачко во время обстрела унитовцами города Куито реактивными снарядами от БМ-21 был ранен осколком в плечо. Его перевязали и отвезли в кубинский госпиталь. Там сделали рентген. Осколок, очевидно, был уже на излете и вошел не слишком глубоко, повредив только мягкие ткани. Врач удалил его, перевязал рану и зафиксировал руку жесткой повязкой. В тот же день советника, хотя он и чувствовал себя удовлетворительно, отправили самолетом в столицу страны.

В Луанде старший врач военной миссии отвез пострадавшего в госпиталь ГКЭС. Там снова сделали рентген, подтвердили диагноз, поставленный кубинскими врачами, выдали справку. В. Сагачко рассказывает: «Я, как положено, сразу же с этой справкой пошел к кадровикам. Захожу к начальнику отдела кадров советской миссии полковнику Пахомову. Он до Анголы работал в кадрах Главпура. Так, мол, и так, вот справка из гражданского госпиталя о ранении. Результаты рентгена. Попал под обстрел. Зафиксируйте ранение для занесения в личное дело. В ответ слышу:

– Ах, тебя ранили? Ты знаешь, у нас тут военных госпиталей нет. Значит, так, собирайся, завтра же полетишь в Союз. Будешь лечиться там. Там и оформишь свое ранение».

Советник был поставлен в затруднительное положение. С одной стороны, факт ранения, хотя и легкого, налицо. Здоровье-то – оно одно. А с другой – еще месяца не прошло, как прибыл он в командировку на два года. И вовсе не рассчитывал так быстро вернуться. Что скрывать, оклады советских военнослужащих в Анголе, Мозамбике, Эфиопии были в несколько раз выше, чем на Родине. Подумал советник – черт с ней, с этой справкой о ранении. И говорит кадровику: «Мне надо съездить в бригаду вещи забрать». А сам бегом добрался до аэродрома. Там – на самолет и вернулся в свой воюющий округ.

А кадровик еще несколько дней разыскивал «раненого подполковника», чтобы отправить его в Москву. Так и не нашел. Но зуб на него заимел...

Возвращаясь к проблемам оформления участия наших специалистов в боевых действиях, надо отметить, что многое здесь происходило по старому русскому принципу – наказать невиновных и наградить непричастных. Сергей Антонов, личный переводчик главного военного советника в Анголе генерала В. Беляева, буквально не вылезавший в 1987–1989 гг. из районов боевых действий, рассказывал, что иные высокопоставленные политработники и штабисты (а также финансисты, кадровики и даже работники военторга из Луанды) делали все, чтобы организовать себе командировки, например, в Менонге, Куито-Куанавале или другой район, объявленный приказом главного военного советника «зоной боевых действий». Всего на несколько часов, в крайнем случае, на одни сутки. Зачем? Чтобы «провести партсобрание», которое без них состояться на может, или устроить «разбор полетов», «дать разъяснение по финансовому обеспечению личного состава» и т. д. И соответственно за несколько командировок получить «в зачет» 2-3 суток пребывания в зоне боевых действий. Этого вполне хватало для оформления заветной зеленой книжицы, дающей право на льготы.

Но ведь тысячи человек, реально принимавших участие в боевых действиях, не могут сделать этого до сих пор! Поэтому лично я считаю, что борьба за восстановление справедливости только начинается.

В оформлении материала использованы фото Сергея Мищенко, Сергея Некрасова, Александра Шишова, Сергея Антонова, Сергея Коломнина, Павла Золотарева, Владимира Варганова, Михаила Стешки.

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РАЗНОРАБОЧИЙ XXI ВЕКА»

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Солдат удачи»!

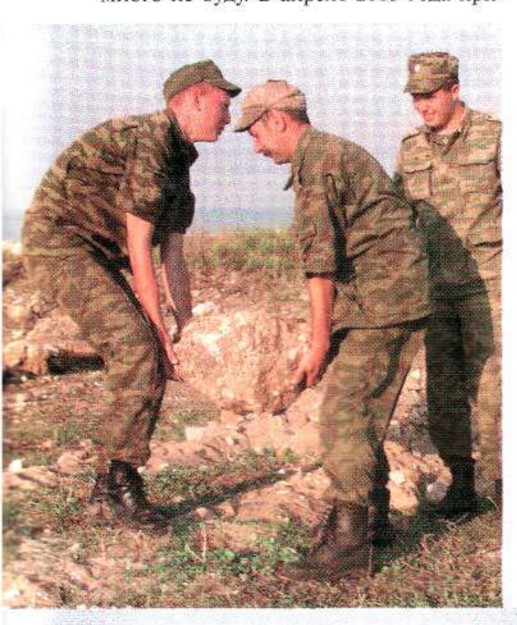
Вас приветствует военнослужащий, ваш почитатель из г. Липецка.

Контракт заканчивается, больше заключать не буду. Дело не только в нищенской зарплате, бытовой неустроенности, как и у всех военных. К сожалению, думаю, такое положение останется и в ближайшем будущем.

Немного о себе. В 2003 г. окончил Санкт-Петербургский военный институт Внутренних войск МВД РФ. По распределению попал в 34-ю оброн Приволжского округа Внутренних войск МВД РФ. В мае 2004 г. по семейным обстоятельствам был переведен на родину в г. Липецк. В ноябре 2004 г. уехал в Чеченскую Республику. Был прикомандирован к 21-й Софринской оброн Внутренних войск МВД РФ.

Думал, хоть на войне дури меньше, но жестоко ошибся. Я ехал в Чечню на должность заместителя командира роты по работе с личным составом, а попал на должность «отвечающего за сейфы с документацией и старшего по колоннам». Кто был в похожих ситуациях, меня поймет.

Бумажную бесполезную работу переношу крайне плохо, особенно если ее выполнять приходится мне. Рвался на «выезды» и «выходы» как мог, хотя, к сожалению, не всегда удавалось. О ситуации в Чечне в 2004–2005 годах говорить много не буду. В апреле 2005 года приехал в Липецк из Чеченской Республики в свою часть и понял, то, что было до моей командировки, – цветочки.

В части, да и в большинстве частей Внутренних войск, где довелось побывать, многое основано на том, что обучение солдата, боевая подготовка, воспитание и т.д. особенно никому не нужны. Нашего солдата усиленно превращают в универсального разнорабочего XXI века (побелить, покрасить, сходить в увольнение за стройматериалами для части и т.д.). Не буду писать о «дедовщине». Она, на мой взгляд, вымерла или превратилась в «этнодедовщину».

В лучшем случае, все делается в войсках по принципу «Видел горы? В спецназ», как пишет Игорь Плугатарёв в вашем журнале, а чаще всего, как в статье «Как обучить солдата с трехлетним образованием?» (Алексей К., Приморский край – № 7, июль 2005 г.).

С гордостью хочу сообщить, что мой взвод призыва 2005 года (все уволились, всем привет) я, конечно, не довел до совершенства, но всеми силами сколачивал как команду, как военный коллектив, и они у меня, хоть ночью подними, знали тактику действий в городе и в лесу (в общих для солдата чертах), военную топографию, хорошо выполняли нормативы по физподготовке. И это несмотря на то, что и строили, и белили, и красили. Они хотели научиться и научились военному делу.

Со мной можно спорить, что так не везде. Но в большинстве частей Внутренних войск МВД РФ, да и в подразделениях Министерства обороны, с представителями которых довелось общаться, к сожалению, так и есть. У нашего государства на данный момент не «армия XXI века – армия профессионалов», как говорят об этом с экранов телевизоров и пишут на первых полосах газеты «Красная звезда». У нас реально почти раздавленная структура, раздавленная необученностью, антизаботой, несчастьями «масс рабочих и крестьян», как это было в РККА. Один из главных принципов, применяемых к думающему военнослужащему, неважно – срочнику, контрактнику или офицеру, – не высовывайся из толпы, а то (извините, по-другому не скажешь) инициатива трахнет инициатора.

Но хватит о грустном.

Я хочу сказать вам и всем тем, кто пишет материалы для журнала, большое спасибо. Ваши статьи не только важны как пособие для настоящих солдат-профессионалов (независимо от званий), но и морально поддерживают тех, кто считает патриотизм не пустым звуком.

Думаю, на «гражданке» не пропаду – мои знания и навыки, конечно, применимы в армии, но лучше не служить в такой армии. Пойду в охрану.

В конце концов есть обычный российский военкомат, откуда можно попытаться уехать «на войну».

С уважением
старший лейтенант М. Ремесков,
г. Липецк.

«В ГОРАХ ОПАСНО ВСЕ!»

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Ознакомился с вашим журналом случайно и сразу, что называется, «запал» на него. Журнал интересен весь, и за это спасибо вам, его создателям. Дважды собирался написать письмо, но не решался. Теперь пишу.

Оговорюсь сразу, боевого опыта не имею. Срочную служил в «интеллектуальных» частях на Байконуре. На «гражданке» окончил вуз, работал в Забайкалье. Но работал в горах. Пять лет был начальником снеголавинной станции. Так что о горах кое-что знаю. Правда, в горы попал хотя и по желанию, но не имея никакого практического опыта, поэтому все пришлось постигать самому. В результате в добавление к разным инструкциям и наставлениям у меня сложилось несколько «железных» правил. Думаю, они пригодятся для «Книги боевого опыта». Ведь война в горах, увы, не прекращается. Итак, мои советы:

1. В горах опасно все.

2. Преимущество по высоте – преимущество во всем.

3. Погода в горах меняется быстро. Следи за погодой.

4. Выход на осыпи и лавиноопасные участки только в случае крайней необходимости.

5. Визуальная оценка лавинной опасности: крутизна склона от 30° до 70° (на пологих склонах снег лежит, с крутых скатывается не задерживаясь).

6. Если в среднем на 25–50 м^2 склона приходится одно растущее дерево или торчащий из-под снега камень, по этому склону можно идти, снег не обрушится.

7. Если возможно, сход лавин надо вызывать обстрелом. Калибр оружия не менее 75 мм. Стрельба ведется под гребень в место наибольшего напряжения снежных пластов.

Эти правила, которым я следовал сам, надеюсь, пригодятся и другим.

С уважением
Сергей Суходолов,
г. Саратов.

АБСОЛЮТНО ШОКИРУЮЩИЙ ЭФФЕКТ

Пишет вам отставной офицер грузинской, а в прошлом и Советской Армии.

Приветствую редакцию журнала «Солдат удачи». Читаю журнал с 1994 года и очень его ценю.

Читал много интересных статей, но захотелось отозваться об одной, опубликованной под наиболее нужной рубрикой «Книга боевого опыта». Эта статья А. Маркина «Прогрызая редуты врага» («Солдат удачи» № 12 за 2007 год).

В материале утверждается, что переход общевойсковых подразделений с линейной на групповую тактику (в Боевом уставе 2005 года по сравнению с Боевым уставом советского периода) вызван исключительно изменениями в обороне. То же говорится и по поводу более ранних изменений начала (Первая мировая) и середины (до и после Великой Отечественной войны) XX столетия. Статья очень познавательная и хотелось бы не столько поспорить с ее автором, сколько дополнить.

Думаю, дело не только в обороне, выбираемой противником, – эшелонированной траншейной, которой соответствует линейная наступательная тактика, или ячеечной, к которой рекомендуется приспособить групповую тактику атаки. Противник и его возможные действия – это только одна составляющая процесса. Среди других не менее важных составляющих – рельеф местности, возможности собственных сил.

Так, в послевоенные времена, в пору расцвета Советского Союза, считалось, что крупномасштабные военные действия в основном придется вести на территории открытых пространств, а вовсе не в горно-лесистых местностях. Этот фактор вкупе с практически неограниченными ресурсами живой силы и техники диктовал и выбор тактических, да и оперативно-стратегических схем.

Известно, что многоволновая линейная тактика боевой цепи на открытой местности при возможности наступать по всем направлениям одновременно создает абсолютно шокирующий эффект. Правда, такие действия чреваты крупными потерями среди личного состава, но их эффективность бесспорна.

В свое время мне лично доводилось наблюдать за моделированием оборонительного боя натовской, напичканной противотанковыми средствами, легкопехотной роты с механизированным (обратите внимание – не с бронетанковым, а именно с механизированным, на БМП-БТР) батальоном Варшавского договора. Отмечу, что несколько раз подряд при любых вариантах линейная тактика обеспечивала безоговорочную победу войскам договора.

Последние же два десятилетия выявили совсем иную возможную, да и реальную, картину боевых действий. Уроки боев и горно-лесистый рельеф Афганистана, Чечни и прочих взрывоопасных регионов, исчезновение сплошных фронтовых линий, боевые действия в населенных пунктах и их важность, все нарастающая вероятность военных конфликтов да и существенное сокращение личного состава и техники Вооруженных Сил России сделали необходимым внести поправки в новый Боевой устав Сухопутных войск РФ. И это верно, на мой взгляд.

С уважением
полковник грузинской
армии в отставке
Валико Д.

От редакции.

У Дмитрия Ивановича Ширяева, эксперта-консультанта нашего журнала, удивительная судьба. Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Войска Польского, сражавшегося с фашистами вместе с Советской Армией. Он ушел, а точнее, тайно «сбежал» на фронт. Ведь его, как несовершеннолетнего, не могли взять в армию. Мальчишкой, сыном полка, дошел до Берлина, будучи уже капралом Войска Польского. Награжден за проявленное в боях мужество как советскими, так и польскими боевыми медалями. А потом, после войны, он стал оружейником, всю жизнь проработал в ЦНИИТочМаш, участвуя в разработках стрелкового оружия и боеприпасов.

Мы не раз советовали ему написать свои воспоминания. Как он, украинский мальчишка, попал в Войско Польское, почему так сложилась его судьба, в каких боях ему приходилось участвовать... Но Дмитрий Иванович, в принципе соглашаясь на наше «надо бы», все не приступал к своим воспоминаниям.

Надо хорошо знать его – он человек скромный. Видно, считал свою судьбу рядовой в сравнении с теми, кто публикует мемуары...

Тем не менее настал день, когда все в корне переменилось. Вероятно, он сам понял, что не должен «консервировать» такие уникальные события и факты, должен об этом рассказать. И буквально накануне Дня Победы принес в редакцию свои личные воспоминания. К сожалению, мы не имели возможности поставить их в майский номер, ведь журнал создается за несколько месяцев вперед.

Хотя, наверное, даже и лучше, что так получилось, ведь воспоминания ветеранов Великой Отечественной актуальны всегда, а не как у нас зачастую бывает – только в преддверии очередной годовщины Победы...

Прочтите их, и вы узнаете правду войны глазами того, кто стал солдатом задолго до своего совершеннолетия. Забегая вперед, скажем, что особенно подкупает в этих воспоминаниях искренность. Он пишет все, как помнит, без громких слов, отвлеченных философских рассуждений.

То есть все, как было...

Дмитрий ШИРЯЕВ

ЗАПИСКИ КАПРАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

РЕТРОСПЕКТИВА

На фронт я попал, когда мне еще не было и семнадцати лет. Согласно сохранившимся документам, моя военная служба началась 10 апреля 1944 года во 2-м отдельном батальоне в/ч 31943 1-й Армии Войска Польского.

Вернулся же я домой к матушке в город Тарнополь в январе 1946 года...Город представлял собой сплошные развалины. На своем фронтовом пути – от Ковеля через Померанию до Берлина и еще добрую сотню верст за Берлин – мало я видел руин, подобных тарнопольским.

Насколько вспоминается, такими были Ковель, Варшава и Кюстрин, от которого осталась только одна водокачка. Печальное зрелище представляли Кольберг и, конечно, Берлин...

Я ХОРОШО ПОМНЮ НАЧАЛО ВОЙНЫ...

Что такое война, мне пришлось познать вскоре после ее начала, в 1941 году. Над нашим украинским городом стали появляться немецкие самолеты, сбрасывавшие бомбы куда ни попадя. Если это были одиночные двухмоторные «хейнкели» или «юнкерсы», то наблюдать за ними было совсем не страшно и даже любопытно – как вокруг них появляются черные тучки разрывов зенитных снарядов. Но если появлялся самолетный строй, а так частенько летали одномоторные пикирующие Ю-87, то это было уже серьезно, и следовало бежать в укрытие.

Позже я узнал, что этот весьма распространенный у немцев бомбардировщик сами немцы называли «штука», или «штукас». Это сокращение от «Sturzkampfflugzeug» – пикировщик.

Одним из отличий Ю-87 были две сирены под крыльями, по одной под каждым. Включались они при пикировании и издавали ужасный вой. Но панически это действовало лишь на мирное население, а бывалыми фрон-

Обычный служебный вид в приобретенной «левой» английской куртке, так как штатного обмундирования не хватало. Использовалось и трофейное оружие – в данном случае итальянский автомат «Беретта»

товиками этот вой воспринимался как предупреждение, что сейчас полетят бомбы.

Укрытиями зачастую служили вырытые на придомовых огородах узкие щели. Такая щель должна была быть прикрыта сверху, поскольку падающие с большой высоты осколки зенитных снарядов представляли реальную опасность. Крыши домов были продырявлены ими изрядно. Серьезную опасность также представляли вылетающие от ударной волны оконные стекла. В наших кинофильмах, повествующих о войне, показываются окна домов с крест-накрест наклеенными бумажными полосами. Это лишь характеризует некомпетентность киноконсультантов – бумажные полосы ничуть не помогали, более-менее действенную защиту представляли ленты из старых простыней, наклеенные крахмальным клейстером, причем не крест-накрест, а погуще, решеткой.

Довольно быстро были усвоены некоторые правила, следуя которым, можно было хоть немного уберечься. Прежде всего, нужно было держаться подальше от окон, бежать в убежище только при явном отсутствии близкой угрозы, так как нередко люди гибли по дороге в укрытие, не переждав волну налета. Находясь в укрытии, следовало прислушиваться, не падают ли поблизости зажигательные бомбы. При ее падении раздавался громкий хлопок – примерно, как винтовочный выстрел. Это срабатывал капсюль бомбы. Через минуту она уже горела вовсю. Если бомба падала в пожароопасное место, вполне было возможно, ухватив ее за «хвост», отбросить сгорать в безопасную зону.

...А ПРЕДАТЕЛИ ЗАПОМНИЛИСЬ ОСОБЕННО

Вскоре в город вошли немцы, и тут же появились украинские полицаи. Форма у предателей была черная, суконная, с обшлагами и воротничками из серого шинельного сукна. На рукаве – белая повязка с немецкой надписью «Schutzpolizei» – охранная полиция.

В центре города была организована биржа труда, над которой развевался желто-блакитный «прапор» с черным трезубом. Это современная украинская символика, но с тех давних пор у меня на нее стойкая аллергия. Насмотрелся я на деяния этих немецких пособников. Это они собрали местных евреев, вывели за окраину и там расстреляли. Они же помогали немцам выслеживать партизан и подпольщиков.

На бирже все жители в возрасте от 14 до 60 лет были обязаны зарегистрироваться. А дальше по повесткам могли направлять на различные работы, и многих отправили в Германию.

На центральной площади была сооружена виселица. Я до сих пор помню первую повешенную с нагрудной табличкой «Мария Тихончук – отравительница». Потом были сразу четверо – партизаны...

ГОЛОД СТРАШНЕЕ СМЕРТИ

...Шла война, немцам дали «втык», они готовились отступать. Начались налеты нашей авиации. К сожалению, и свои сыпали бомбами без оглядки на местное население. Особенно сильный налет был в ночь на 23 февраля 1943 года. По звуку моторов можно было определить, что это «кукурузники». Зенитки им были нипочем, так как летели они на предельно низкой высоте, да еще и моторы выключали перед тем, как сбросить бомбы.

Когда пришли наши, мне запомнилось, что тут же начались аресты и правых, и виноватых. Загребли и мою матушку. Выпустили через полгода, когда я был уже на фронте. Разобрались. Оказывается, она была участницей подпольных акций по оказанию помощи партизанам.

Многократно мне был задан вопрос: каким образом меня, несовершеннолетнего, занесло на фронт, да еще в чужую армию?

Причина была банально проста. Бежал я на фронт от голода. Хотя уже прекрасно знал, что такое война и на фронте приходится пребывать в условиях смертельной опасности. Но голод страшнее.

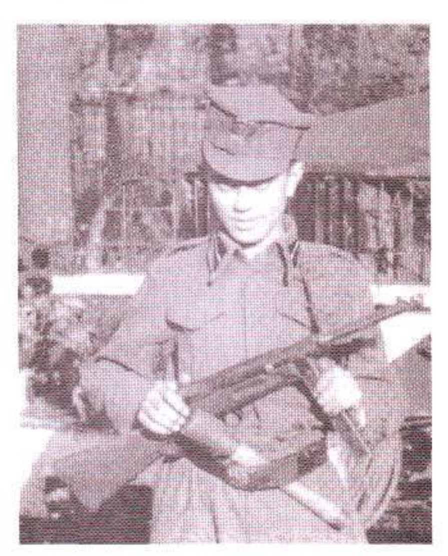
Сначала я обретался около кухни советской воинской части, где кормился, посильно помогая повару. Обладая некоторыми художественными способностями, писал номера на машинах и лозунги на танках. Начальство части меня знало и привечало.

Но однажды прибыл крупный контингент польских военнослужащих – рядовых и сержантов (подофицеров по-польски), было несколько и младших офицеров, в основном в звании хорунжего.

На моих глазах началось переформирование, то есть слияние русских и польских подразделений. Рота уже стала именоваться по-польски «компанией», ротный старшина – «шефом компании», начальник штаба – «шефом штаба», младший лейтенант – «хорунжием», старший лейтенант – «поручником».

Мне вдруг было велено букву «Ж», с которой начинался номер на наших, советских, машинах, срочно заменить на «Z»...

Вскоре все были переодеты в поль-

Капрал Дмитрий Ширяев к бою готов

скую форму. Начался перевод службы на польский устав. Советским офицерам, большинство из которых и

возглавили польское формирование, было приказано сдать партбилеты для хранения в ЦК компартии, комсомольские билеты запрятать в дальний карман. И лозунги я уже писал по шпаргалкам по-польски...

«БЕГЛЕЦ» НА ВОЙНУ

Когда сформированная из поляков и русских часть в апреле 1944 года эшелоном отправлялась на фронт, я спрятался на одной из платформ, в танке.

Вытянул меня уже в пути писарь первой «компании» капрал Михал Малиновский. Первым делом на печке-«буржуйке», в штабном помещении бывшего телятника, он мне сварил пачку пшенного концентрата и молча смотрел, как я с жадностью эту кашу поглощал.

Командир части майор Геращенко тут же дал «добро» на мое зачисление в часть. Вначале образовалась некоторая заминка с моим обмундированием – для меня не находилось мундира. Но выручил капрал Кизюк, бывший кадровый служака еще старой польской армии. Он отдал мне свой хэбэ мундир, сам же надел имевшийся у него в запасе суконный. Рукава были длинны, и кто-то, закатывая их на мне, сказал: «Нашивки капральские спори, а то ты так у нас быстро генералом станешь!»

Потом мне было велено доложиться командиру роты, некогда старшему лейтенанту, но теперь уже «поручнику» Дадееву. Предварительно Кизюк продемонстрировал мне, как я должен козырять на польский манер и докладывать начальству.

Ротный вместе с «шефом компании» (старшиной) занимались какими-то бумажными делами. В памяти у меня осталось только имя старшины – Франек и то, что это был добрый человек. Старшина вручил мне записку к начпроду батальона для получения у него дополнительного пайка, причитавшегося «пану поручнику». Когда я возвратился, то «пан поручник» и «шеф компании» сидели за накрытой полотенцем табуреткой, на которой были бутылка водки, полбуханки хлеба и два стакана. Из доппайка они взяли только курево и банку рыбных консервов, а сахар и печенье отдали мне. Далее «шеф» наполнил оба стакана, а ротный со словами: «А тебе, Митя, водку пить пока еще рано!» – скомандовал мне: «Смирно!» И вместе со старшиной, стоя, единым духом опорожнили стаканы: «За твою, Митя, предстоящую службу и чтобы ты вернулся живым...»

КАК МЫ ОПРЕДЕЛИЛИСЬ С НАЦИОНАЛЬНОСТЯМИ

Конечным нашим пунктом была станция Киверцы, что верстах в пятнадцати от Луцка. Там часть должна была дождаться пополнения людьми, вооружением и техникой, после чего принять участие в боевых действиях как отдельный армейский батальон по заданиям штаба 1-й Армии Войска Польского.

На тот период я был определен в автороту, где моим наставником был назначен штабной шофер по фамилии Швайцер, ездивший на миниатюрной американской машине «виллис». Много позднее, уже в мирное время, машины этого типа стали называть джипами.

Швайцер был типичный польский еврей рыжей масти. У него я должен был пройти «курс молодого бойца», в который входило получение начальных шоферских навыков и освоение азов польского языка.

Тем временем в штабе батальона проходила регистрация вновь прибывающих и выдача им солдатских книжек, подтверждающих принадлежность к нашей части. Разношерстная это была публика: наряду с кадровыми сержантами и старшинами, откомандированными в Войско Польское из Советской Армии, среди которых встречались люди разных национальностей, в том числе закавказских, находились солдаты и подофицеры старой польской армии. Попадались среди них и бывшие военнослужащие технических частей вермахта – поляки из Силезии.

У Швайцера и у меня также еще не было солдатских книжек, и мы с ним стали в общую очередь. Швайцер, стоявший впереди меня, сказал, чтобы я не вздумал записываться украинцем: «Скажись русским, и тебе же будет лучше – для поляков украинец ругательное слово». Сам Швайцер на вопрос о национальности коротко бросил: «Жид». Штабной писака, недоуменно подняв брови, переспросил: «Еврей, то есть?» «В польском языке нет слова «еврей», – невозмутимо ответил мой наставник.

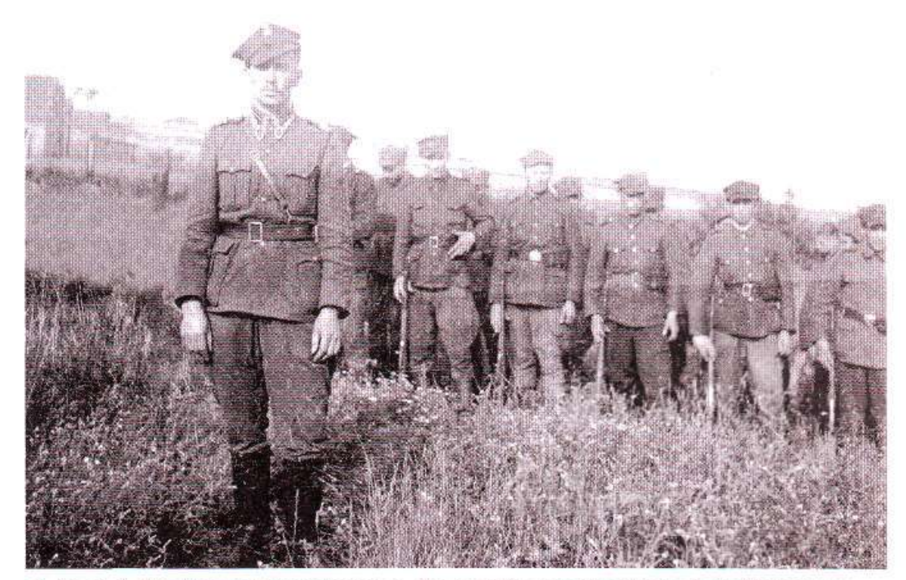
Я же с легкой руки (вернее, языка) Швайцера с тех пор стал русским.

НАШ ГИМН БЫЛ «РОТА»

Порядок службы в Войске Польском имел некоторые особенности, отличавшие его от армейских советских. День начинался и заканчивался, как и в Советской Армии, с построения и переклички. В строю находились рядовые и подофицеры. Перед строем – командир части, «шеф штаба» и замполит.

По утрам после переклички всем строем исполнялся своеобразный гимн под названием «Рота». Его пели по стойке «смирно», со снятыми фуражками – конфедератками, их на левой ладони удерживали за козырьки. Слова гимна сводились к клятве поляков сражаться с немцами до последней капли крови.

Потом следовала команда «Воль-

Шеф 1-й компании (старшина 1-й роты) 2-го отдельного Кольбергского батальона плютоновый (взводный) Франек перед отправкой роты на фронт

но», начальство уходило, а его место занимал усатый старший сержант, вероятно, еще служивший под началом Пилсудского и имевший конфронтацию с конниками Буденного... Раздавалась его команда: «Кто не молится, выйти из строя!» В строю оставались одни католики.

Штабной связной Д. Ширяев на трофейном мотоцикле DKW и с немецким автоматом МР-40

Этот же ритуал повторялся перед отбоем, только вечерняя молитва отличалась от утренней. В утренней молитве пелось, что уже с рассветом «все живое хвалит Господа», а в вечерней поющие просили Господа «милостиво принять все их дневные деяния».

Мелодии «Роты» и молитв были довольно минорного стиля, слова же их я запомнил на всю жизнь.

Каждый польский пехотный полк имел капеллана. Но был, как упоминалось выше, и замполит. Ни о каких комсомольских собраниях, и тем более партийных, не могло быть и речи. Имелся, разумеется, и особист – по-польски он назывался «офицером информации».

Перед отправкой части на фронт я получил должность связного при батальонном штабе. Способствовало этому то, что Швайцер неплохо обучил меня управляться с его «виллисом». Я же, стараясь отблагодарить его за доброе отношение ко мне, буквально вылизывал машину. Мои старания не остались без внимания начальства. Было замечено и мое, на удивление быстрое, освоение польского языка. Числился я в первой «компании». В наряды ходил наравне со всеми.

КАКИМИ БЫЛИ «НЕБОЕВЫЕ» ПОТЕРИ

Незадолго до взятия Люблина в батальоне сменилось начальство. Комбат Геращенко и его помощник по техчасти капитан Глотов по приговору военно-полевого суда были разжалованы и осуждены на десять лет каждый с заменой этого срока ввиду военного времени тремя месяцами штрафбата.

За что? Да за пустяк. Вторая «компания» во многом состояла из лиц полууголовного типа. Так вот, одного из них капитан Глотов избил, и, надо сказать, избил за дело. Тот же, в нарушение устава, через голову своего начальства, подал рапорт в штаб армии. Присланная комиссия конечно же смогла найти повод для передачи дела в трибунал, чтобы другим неповадно было.

Были присланы новый комбат – капитан Франек Юргенс и «шеф штаба» капитан Игорь Никаноров. Юргенс одинаково хорошо владел как русским, так и польским. Никаноров – москвич, воевал под Сталинградом, по-польски не говорил.

Такие моменты, как отправка боевых, заслуженных командиров в штрафбат, тем более за обуздание уголовника, до сих пор вспоминаются с болью. Это отнюдь не единичный случай. Были и похлеще...

ПОЧЕМУ Я УБЕЖАЛ ИЗ ГОСПИТАЛЯ

Серьезные боевые действия Войска Польского начались при выходе к реке Висле.

На участке Вислы между городками Пулавы и Демблин польское командование решило попытаться самостоятельно с ходу форсировать Вислу. Но эта затея закончилась провалом с серьезными потерями.

Насколько эти потери были велики, можно было судить по переполненным госпиталям. В один из них, что был неподалеку от Варшавы, меня с пустяковой царапиной привез начальник штаба. Сам же он отправился в штаб армии, а мне велел дожидаться его в госпитале. С самого начала я был поражен громадной кучей окровавленных бинтов, которые отстирывали и развешивали во дворе госпиталя медсестры. Кровати с ранеными стояли даже на лестничных клетках.

Особенно на меня подействовал вид двоих тяжелораненых – поляка и русского, лежавших рядом и громко бредивших в беспамятстве, каждый на своем языке. Один призывал облегчить его страдания Божью Матерь, другой матерился. Обоим было нестерпимо больно.

От сознания несоизмеримости тяжести их ран с моей царапиной я постеснялся дождаться врача и убежал из госпиталя...

НА ПОМОЩЬ ВОССТАНИЮ В ВАРШАВЕ

Звание капрала мне было присвоено, видимо, благодаря умению обращаться с трофейным оружием, включая различного рода ручные гранаты и мины.

Эти навыки мною были приобретены за двухлетний период пребывания в оккупации. Во многом благодаря им мне удалось первым в части освоить немецкий фаустпатрон, а ряд образцов немецкого вооружения был неплохо знаком еще с мальчишеских времен.

Мне поручили проводить инструктаж по обращению с трофейными немецкими пулеметами и различными ручными гранатами. Это было нужное дело. У нас уже имелось два случая гибели по причине неумения пользоваться ручными гранатами. У помкомвзвода моей «компании» Томчака в руках разорвалась противотанковая РПГ-41. В Киеве у него остались жена и двое детей...

Заместитель командира по технической части капитан Дмитрий Гавычев

Другой парень вставил не тот запал в немецкую М-39, именовавшуюся «яйцом», – результат тот же...

В начале сентября 1944 года я был

направлен в Прагу. Нет, речь идет не о столице Чехословакии – городе Праге, а одноименном предместье столицы Польши – Варшавы на правом берегу Вислы.

В Варшаве полным ходом шло восстание, и Прага подвергалась систематическим артиллерийским и минометным обстрелам. Я должен был направлять наши машины по наименее опасному маршруту проезда к передовой. Моя «работа» начиналась в 23 часа, а пребывал я в отряде полевой жандармерии. С их командиром об этом лично договорился мой комбат Юргенс. Прощаясь со мной, он сказал: «Постарайся, Митя, справиться, и, наверное, ты будешь самым молодым офицером в 1-й Армии Войска Польского».

Обычным заданием жандармерии был контроль за прифронтовой полосой, с тем чтобы не допускать несанкционированного перемещения ни туда, ни (в основном) оттуда. Своего рода «заградотряд». Жандармы за желто-красные отличительные цвета нашивок и фуражек именовались «канарейками» и симпатиями со стороны фронтовиков отнюдь не пользовались...

Наш участок находился в окопах и блиндажах на правом берегу Вислы, напротив южной части района Варшавы Чернякув. Отоспавшись в блиндаже днем, я по ночам помогал наблюдателям высматривать ситуацию на противоположном берегу.

Но и наша сторона не оставалась без внимания противоположной – нужно было остерегаться, чтобы не выдать себя, иначе можно было в своем направлении получить пулеметную очередь или парочку мин.

С середины сентября 1944 года в Чернякуве жестокий бой вел высадившийся там десант польской пехоты. Переправу сил и средств их поддержки обеспечивала советская саперная часть понтонами и амфибиями. Амфибия забирала только четырех человек, в понтон же входило много народа. Немцы изо всех сил старались этому воспрепятствовать интенсивным минометным обстрелом реки и мест, где проводилась посадка на понтоны и выгрузка с них.

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО – И В ПЕКЛО!

Моя служба в Праге закончилась быстро и самым неожиданным образом.

Как-то в предрассветной мгле с интересом смотрел за процессом загрузки очередного понтона пехотой и боеприпасами. Отчаливавший понтон немного притормозил, поджидая бегущего к нему солдата с ящиком патронов. В этот момент в десятке метров от него разорвалась мина. Солдат упал...

Я схватил ящик с патронами и подбежал с ним к понтону. Вес ящика был на пределе моих сил, и под его тяжестью я перегнулся через борт. Кто-то схватил меня за штаны и втянул на понтон. Выскакивать было поздно. Я не особо переживал, рассчитывая отправиться назад, в свою часть, на этом понтоне обратным рейсом.

На удивление, на всем нашем пути под прикрытием дымовой завесы на реке не было ни одного разрыва, и примерно через десять минут понтон ткнулся в противоположный берег. Он мигом опустел, и тут же к нему бросилась толпа цивильно одетых людей, часть из которых была перебинтована грязными бинтами, некоторых несли на носилках. Кое-кто был при оружии.

Двое в пиджаках и немецких касках пытались эту толпу урезонить увещеваниями, что понтон только для раненых и первыми должны быть погружены лежащие на носилках. На рукавах у них были бело-красные повязки с большими черными буквами «АК». Кое-какой порядок им удалось навести после того, как, выхватив пистолеты и раздавая зуботычины направо и налево, они успокоили наиболее ретивых паникеров...

«СЫНОК, БЕРЕГИ ПАТРОНЫ!»

До этого я только со слов батальонного замполита знал, что АК – Армия Крайова, это «заплеваный карлик реакции», как он говорил, по «указке лондонского польского эмиграционного правительства поднявший восстание в Варшаве с целью овладеть городом и не допустить туда советские войска»...

Понятно, бред. Эти люди подняли восстание, реально сражаясь с фашистами, приняли в абсолютном меньшинстве неравный бой и надеялись на помощь...

Но в тот момент мне было совершенно не до политических заморочек, особенно при виде лежавших вокруг трупов – как повстанцев, так и солдат из числа недавно здесь высадившихся.

Я понял, что в этой сутолоке для меня на понтоне, идущем обратно, места нет, и направился к высадившейся группе. Там уже оба «аковца», наверняка не из рядовых, о чем-то договаривались с офицером из понтона. Не успел я к ним подойти, как офицер мне крикнул: «Капрал, берите отделение и пробивайтесь на Загурную!»

Вот такие доты встречались на пути Войска Польского. Капрал Дмитрий Ширяев пытается уговорить засевших там немцев сдаться

Я оторопел, ведь был не из их команды, да и понятия не имел, где эта Загурная, к тому же был невооружен – мой пистолет не мог в данной обстановке считаться оружием. Но перечить не посмел.

Мои сомнения, очевидно, понял «аковец», с виду вдвое старше меня. Оглянувшись по сторонам, он остановил свой взор на лежавшем неподалеку убитом и, жестом подзывая меня, подбежал к трупу, снял с его пояса подсумки с запасным диском и двумя гранатами, поднял лежавший рядом автомат и протянул все это мне.

«Загурная там, недалеко. – «Аковец» протянутой рукой указал мне направление. – Только, сынок, береги патроны!»

«ХЛОПЦЫ», ДА НЕ НАШИ!

Определенное мне отделение состояло из шести человек, вооруженных автоматами ППШ. По их физиономиям и бегающим глазам я предположил, что они отнюдь не относятся к числу поднаторевших в боях. Оставшиеся разделились на две группы и решили пробиваться к основным силам разными путями.

Стрельба раздавалась со всех сторон, из чего следовало, что куда ни пойди – можно встретить и своих и нарваться на чужих. В указанном мне направлении, метрах в двухстах, я приметил несколько небольших строений, куда и решил добраться. Всю шестерку послал вперед, велев им двигаться гуськом, с интервалом. Пропустив их, взвел затвор автомата и последовал за ними.

Советские офицеры на службе в Войске Польском. Слева – «шеф штаба» капитан Игорь Никаноров, справа – ротный, поручник Дадеев

Наши несчастья начались сразу же. На подходе к намеченной цели мне послышались голоса, прислушавшись, я различил украинскую речь. С криком «Хлопцы, наши!» бросился вперед и тут же заметил, что выходящие навстречу мне фигуры – в немецких мундирах.

Мгновенно я бросился на землю, за какую-то кучу хлама, и выпустил прямо перед собой неприцельную очередь. С той стороны раздалось: «Ляхи! Бей!» Я был прижат к земле ответным автоматным огнем.

Но мои хлопцы оказались не такими беспомощными, как показалось мне на первый взгляд. Без заминки они открыли огонь и прикрыли мой отход.

Позднее я узнал, что здесь, на немецкой стороне, воевал украинский полк, которым командовал предатель Каминский – бывший советский офицер, и мы нарвались на отряд из этого полка...

ВЕРНУВШИЙСЯ С ТОГО СВЕТА

Но наши мытарства еще только начинались. На пути к Загурной мы попали в дом, оборонявшийся взводом АК. Они встретили нас радушно и даже подсказали, в каком направлении нам лучше пробираться к цели. Но продолжить свой путь мы смогли лишь под утро, так как немцы предприняли интенсивные попытки выбить нас из этого дома. Мы вели бой. Среди атакующих были замечены даже два огнеметчика.

В соседнем доме также изо всех сил отбивались. Нам было хорошо видно, что немцы пытались подобраться под стену дома в непростреливаемую зону и через проломы ворваться в дом. Но их с верхних этажей забрасывали ручными гранатами.

В общем, на Загурную я так и не попал. Бои в Чернякуве окончились тяжелым поражением и повстанцев, и десанта Войска Польского...

Чудом я вернулся на правый берег. Тут же попал в руки особистов, поначалу обвинивших меня в дезертирстве. Оправданием было то, что я вернулся с оружием и при мне была солдатская книжка с номером воинской части, которая в Чернякув не переправлялась.

Обратив внимание, что в диске моего автомата осталось только несколько патронов, а запасной вообще пуст, особисты, как мне показалось, даже зауважали меня: «А ты, капрал, немножко повоевал!»

Когда я в собственной части предстал перед майором Юргенсом, тот посмотрел на меня, как на вернувшегося с того света.

Оказывается, разыскивая меня, он нашел командира отряда полевой жандармерии, и тот рассказал ему, что его подчиненные видели, как я отбывал на тот берег, а отбывших туда назад уже не ждали...

РЕТРОСПЕКТИВА

...Находясь в Польше в составе делегации ветеранов Войска Польского, я встречался с участниками боев и посетил места, оставившие в моей памяти глубокий след. Оказалось, что Загурная была совсем недалеко от места нашей высадки...

Наружная стена местного костела была увешана памятными табличками с именами погибших здесь. Но напрасно среди них я пытался найти имена солдат 1-й Армии. На мой недоуменный вопрос костельный викарий ответил: «Вашим там, на берегу, положена памятная плита».

А мне бы хотелось здесь увидеть табличку в память о советском старшем лейтенанте Владимире Кононкове, погибшем в форме польского поручника...

КАК МЫ СПАСАЛИ СВОЙ «СТУДЕБЕКЕР»

За Варшавой последовали города Хохензальц, Бромберг, затем Флатов. Четкой линии фронта не было – на, казалось бы, отвоеванной территории бродили различные немецкие группировки, пытающиеся прорваться из окружения.

Такая группировка вышла на одну из рот нашего батальона на западной окраине Флатова. Для помощи нашим были направлены два «студебекера» с крупнокалиберными пулеметами ДШК и их обслугой в кузовах. «Шеф штаба» капитан Никаноров, чтобы разобраться в обстановке, велел мне подвезти его туда же на «виллисе».

Но помощь подошла, когда немцы уже развернулись для атаки. Пулеметы выгрузить не успели, расчет переднего «студебекера» попытался вести огонь на ходу, но в кузов попали две мины. Пулеметчики были убиты. Из кабины вывалился обливающийся кровью шофер, мотор продолжал работать на малых оборотах.

Обстановка приняла угрожающий характер, и нам пришлось срочно ретироваться. «Студебекер» с пулеметом и убитыми пулеметчиками остался...

Потеря бойцов весьма огорчила нашего комбата. Также огорчила потеря машины с крупнокалиберным пулеметом, которая очень была нужна.

В тот момент разведчики, непрерывно наблюдавшие за оставленной позицией, доложили, что немцы к машине не подходят и небольшая их часть собирается обосноваться в домишке неподалеку от «студера».

Подкрасться к машине ночью, быстро завести мотор и удрать вызвались двое прошедших огонь и воду смельчаков. Для их прикрытия напросился я.

Я должен был, лежа в придорожной канаве, при первом же звуке автомобильного стартера автоматными очередями по домику заглушить звук

мотора и не дать немцам выскочить из домика.

К месту на тихом ходу нас доставил бронетранспортер. Это была канадская машина с крупнокалиберным пулеметом «браунинг». Она была оставлена за деревьями, на опушке небольшой рощицы, мы же втроем под покровом ночи вышли к цели.

Все получилось как по нотам, спасенный «студер» на полном ходу прогрохотал мимо меня, и мне бы в самую пору вдоль канавы добраться до опушки, но выскочившие из домика немцы затеяли беспорядочную стрельбу вслед удалившейся машине.

Моей ошибкой было то, что я дал в их сторону пару очередей и этим выдал свое положение. Я стал удирать вдоль канавы в направлении опушки, немцы пытались отрезать мне путь к отступлению, но темнота давала мне немало шансов на успех.

Мое положение ухудшилось после того, как вверху на парашюте зависла осветительная ракета. Но тут же из своего укрытия с зажженными фарами на дорогу выкатил бронетранспортер, длинная очередь трассирующими пулями его «браунинга» прижала моих преследователей к земле. Воспользовавшись этим, я выполз из канавы и улегся вдоль дороги, вытянув вперед руки. Транспортер, продолжая стрелять, наехал на мою «дорожку», и я через нижний люк был втянут внутрь.

ЭСЭСОВСКИЕ ПРИБАЛТЫ ПОЛУЧИЛИ И ПО ЧЕРЕПАМ, И ПО КОСТЯМ...

После Флатова через Дейч Кроне мы вошли в Померанию. Поляки называли его «Вал Поморский».

Совершенно неожиданно польские войска здесь натолкнулись на мощный оборонительный рубеж, состоявший из многих железобетонных огневых точек. Нам противостояли части СС, состоявшие из прибалтов, что вызывало у нас особенное раздражение. В результате постоянных стычек с ними в званиях «ваффен СС» я стал разбираться гораздо лучше, чем в вермахтовских.

В это время я уже свободно владел польским языком и вполне сходил за поляка «по крови и кости».

Бывал я в брошенных поморских богатых виллах, где, по всей видимости, проживали высокие чины кригсмарине (немецкий морфлот). С любопытством разглядывал висевшие на стенах фотографии, запечатлевшие сцены встречи возвратившихся подводников «волчьих стай», орудовавших в Атлантике, и другие изображения на военно-морскую тему. Мне это было интересно, так как с детства я мечтал стать военным моряком.

Немало там было брошено добра. Но что я мог взять? От силы – авторучку из письменного стола хозяина или кусок простыни на портянки. Но простенький широкопленочный фотоаппарат я там нашел. В столах иногда находил катушки фотопленки и теперь поглядываю на фото той поры...

Этот участок фронта вошел в историю Великой Отечественной войны как Померанский котел, где в районе города Шнайдемюль были окружены и разгромлены эсэсовские части. Командовал ими 28-летний группенфюрер.

На память об этих боях я сохранил их отличительный знак, череп и кости, который снял с фуражки убитого штурмфюрера.

«ЭТО, ПАНЕ КАПРАЛ, НАШ ЯНЕК...»

Большой кровью Войску Польскому достался приморский город Кольберг, прозванный немцами «Festung Kolberg», то есть крепостью Кольберг.

Моя часть получила наименование Кольбергская. За участие в боях за этот город я был награжден польской медалью «Заслуженный на поле боя». Это аналог нашей медали «За отвагу».

Перед глазами у меня до сих пор стоит картина, виденная мною на въезде в Кольберг.

Под правой гусеницей подбитого немецкого танка Т-4 лежал, запрокинув руки, солдат в немецком мундире. Рядом, на обочине, несколько польских солдат с мрачными лицами варили в солдатском котелке кашу. Я выдал остроту типа: «Свой своего чуть было не раздавил».

В ответ солдат, сидевший на корточках у котелка, произнес: «Это, пане капрал, наш Янек, он в лоб пальнул танку из фаустпатрона, но его успели убить из пулемета. Вот поедим и схороним его».

То, что покойный был в немецком мундире, было в порядке вещей – пообносилось войско порядком...

Мне стало очень неудобно за мою бестактность.

В «ЛОГОВЕ ЗВЕРЯ» МНЕ ПОВЕЗЛО...

После взятия Кольберга мы думали, что далее нам предстоят бои в дальнейшем направлении. Но все наше войско вдруг повернули на юг, на Берлин.

Не дойдя до восточной его части около двадцати километров, мы на таком же растоянии стали окружать город с юга на запад. Среди нас ходили слухи, что это делается для того, чтобы преградить путь к Берлину американцам...

В Берлин Войско Польское вошло с запада одной 1-й дивизией, в том числе и наш отдельный батальон. Конечной целью наступления были Бранденбургские ворота. С противоположной стороны, вдоль широкой улицы Унтер ден Линден, к этой же цели стремились войска 4-го Украинского фронта. Обнаружив перед собой солдат в незнакомой им форме, советские солдаты в их направлении дали несколько автоматных очередей, но, услышав с той стороны матюги, вовремя остановились.

Тут же последовала радушная, с горячими объятиями, встреча собратьев по оружию. Кто-то предложил составить протокол встречи.

■ Советские и польские войска действовали в теснейшем взаимодействии. На снимке – польские и советские танкисты. Справа – «поручник» Бархаш, в будущем полковник

Протокол был подписан несколькими офицерами невысоких званий – выше старшего лейтенанта там не было. Мне это запомнилось потому, что одним из подписантов с польской стороны был поручник по фамилии Потоцкий – это фамилия старинного польского княжеского рода...

марширововавшему по центру Берлина. Советская регулировщица, оказавшаяся рядом, даже закатилась смехом.

Команда «Отставить», опять же по-русски, прекратила песню.

Как это получилось, бог его знает, ведь в строю поляков было большинство.

■ **Встреча ветеранов Войска Польского. Слева направо: бывший сын полка капрал Ширяев, полковник Стеклов, генерал-майор Кушнир, генерал-лейтенант Каракоз, генерал-полковник Бордзиловский**

Бои за «логово зверя» отличались чрезвычайным упорством и большими потерями с обеих сторон. Мне запомнились «пантеры», закопанные на перекрестках, надписи на стенах метровыми буквами «Berlin bleibt Deutsch!» (Берлин останется немецким) и снаряженные фаустпатроны, расставленные у стен вдоль улиц...

За участие в боях за Берлин я имею две награды – польскую и советскую. Но лично мне повезло, хоть и приходилось «хлестаться» огнем. Более рискованными мне вспоминаются ситуации, в которые попадал в Варшаве, Шнайдемюле и Кольберге...

ПОЛЬСКИЙ БАТАЛЬОН С ВОЛОГОДСКИМ АКЦЕНТОМ

Польские части были быстро выведены из Берлина. Когда наш батальон строем проходил мимо магистрата, раздалась команда по-русски: «Запевай!»

И тут получился небольшой конфуз. Запевала высоким голосом с явным вологодским акцентом на «о» затянул: «По рельсам железной дороги стремительно поезд идет, он юных бойцов за свободу на бой с капиталом везет!»

Строй подхватил: «Ты не плачь и не горюй, моя дорогая, бой пройдет, и я вернусь, обниму, родная!»

Эта песня явно была невпопад подразделению Войска Польского, да еще

Последним пунктом моей части за Берлином была деревня Герне, западнее городка Фризак. Вслед за нами в эту деревню вошла четвертая дивизия 1-й Армии Войска Польского. Если мне память не изменяет, то это добрая сотня километров за Берлином.

После войны мой батальон дислоцировался в Хожуве, это Силезия, угольный район, богатый высококачественным антрацитом. Там своеобразный польский язык, подучив который, в центральной Польше я мог «косить» под силезского поляка.

Спокойной жизни там мы не имели из-за деятельности подполья, противостоявшего законной власти. В результате кладбище в Хожуве пополнилось могилами солдат нашего батальона – и русских, и польских...

«ВЗГЛЯД НА МАЙ» ЧЕРЕЗ КРИВОЕ ЗЕРКАЛО

...В апреле 2005 года я был приглашен в польское посольство в Москве для вручения мне медали «Pro Memoria». Мне сказали, что на этом приеме будет генерал Войцех Ярузельский.

Зная регламент, я сел так, чтобы успеть подойти к Войцеху Болеславовичу и выразить ему свое уважение до того, как его окружат именитые приглашенные.

Так и получилось. В кратком разговоре Ярузельский мне сказал, что после приема он намерен отправиться в Сибирь на могилу отца и что земля сибирская им любима.

К нему подходили наши высокие чины. Надо было видеть, как они сердечно обнимались с Ярузельским!

А в это же время в Польше находились люди, ратовавшие за судебное преследование своего бывшего президента, с оружием в руках защищавшего свое Отечество и тяжело раненного при этом...

На этом приеме мне был подарен лазерный диск с надписью «Spojrzenie na maj» («Взгляд на май»). К сожалению, «взгляд» совершенно необъективный, далекий от правды. Материал рассчитан на некомпетентных людей. Помимо всех прочих исторических ошибок, составители диска, явно не консультировавшиеся с историками, пеняют организаторам Войска Польского в СССР тем, что многие командиры были советскими.

Да, были, причем наиболее опытными фронтовиками, чтобы польская армия не несла лишних потерь. Добавлю еще и то, что, например, польский стрелковый полк дивизии имени Тадеуша Костюшко по огневой мощи превосходил советский гвардейский. И я горжусь, что воевал в рядах Войска Польского.

Хорошо написал в свое время Константин Симонов, и свое повествование хочется закончить его словами:

«У монастыря Кассино
подошли ко мне два блудных сына.
Оглядев меня, спросили:
«Пан полковник, верно, из России?»
«Нет, – ответил я, – от Вислы,
где дымы над городом повисли
и где в бой идут поляки без нашивок
«Poland» на английском хаки...»

■ **Стена костела в Чернякуве, с памятными табличками в память о погибших повстанцах АК. На переднем плане – памятник несовершеннолетним помощникам сражавшихся**

Валерий ДАНИЛЬЧЕНКО

В ЖУРНАЛЕ «СОЛДАТ УДАЧИ» № 12 ЗА 2006 Г. БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА СТАТЬЯ В. ЦЕЛУЙКО «НОВОГОДНИЙ ШТУРМ: МИФЫ И ФАКТЫ», ГДЕ ОН ПОКАЗАЛ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ УТВЕРЖДЕНИЙ РЯДА ИСТОРИКОВ О ТОМ, ЧТО ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДУДАЕВА ПРЕДСТАВЛЯЛИ СОБОЙ ХОРОШО ОБУЧЕННУЮ И ОРГАНИЗОВАННУЮ СИЛУ, СВОЕГО РОДА «СОВРЕМЕННУЮ АРМИЮ». НАПОМНИМ, РЕЧЬ ШЛА О ШТУРМЕ ГРОЗНОГО ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ВОЙСКАМИ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ С 1994 НА 1995 ГОД. ХОТЕЛОСЬ БЫ ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР НА ЭТУ ТЕМУ.

МОЖНО ЛИ СРАВНИВАТЬ «ПАРТИЗАНСКУЮ АРМИЮ» С РЕГУЛЯРНОЙ?

Действительно, в современной исторической и популярной литературе преобладают мнения, противоположные выводам В. Целуйко. Не так давно, например, ознакомился с книгой Б. Соколова «100 великих войн». В главе, посвященной чеченской кампании, автор утверждает, что в ходе первой войны потери федеральных войск вдвое превысили потери боевиков. Основной причиной этого, по его мнению, являлась высокая профессиональная подготовка дудаевских формирований. Надо сказать, Б. Соколов, филолог по образованию, на заре перестройки сделал себе «имя» на «критике» полководческого искусства Г.К. Жукова. Это позволило ему стать в один ряд с другими «маститыми историками» – Резуном, Буничем и т.п. – и часто выступать экспертом на телевидении и радио.

Однако и у серьезных исследователей встречаются подобные выводы (А. Шишов, Г. Кривошеев и т.д.). Думается, что это происходит из-за отсутствия достаточной информации о тех событиях, оправданного недоверия к официальным сообщениям и исследованиям.

ОТКРОВЕНИЯ С «ДРУГОЙ СТОРОНЫ»

«...Отсутствие организованности, военной подготовки приносило свои кровавые плоды»

В этой связи мне кажется необходимым вовлечение в научный оборот источников, выражающих позицию самих боевиков. Возьмем в качестве примера пропагандистское издание сепаратистов – газету «Исламская нация» (№ 7 за май 1998 г.). В ней приводится рассказ жителя села Автуры Садулаева о первых боях чеченской кампании. Несмотря на заказной характер и тенденциозность публикаций в такого рода «прессе», подобные воспоминания могут помочь в описании структуры и характера вооруженных формирований сепаратистов, а также дать представление о той нехитрой идеологической обработке, которой подвергались брошенные на убой ополченцы. Вот что пишет Садулаев:

«Декабрь 1994 г. Война, о близости которой многие догадывались, стала реальностью... Лучшие сыны Ичкерии вливались в ряды народного ополчения. Мы с соседом Садулаевым Айнди, встретившись в эти тревожные дни в Грозном, тоже решили создать отряд из односельчан и принять участие в войне против многовекового врага.

1 февраля 1995 г. автуринский отряд из 62 человек под командованием Садулаева Айнди выступил из села и с большими трудностями добрался до 12-го участка Грозного, где располагался штаб командующего центральным фронтом Ш. Басаева. Остановившись в здании 5-й городской больницы, мы встретились с ним и сообщили о своем местонахождении. 3 февраля группа по приказу Басаева заняла оборону в п. Мичурино... Мы сварили плов и готовились к вечерней трапезе, когда до нас донесся шум двигающейся бронетехники. Все бойцы – и только что вернувшиеся с позиций на отдых, и готовящиеся к смене – были подняты по тревоге... Ополченцы открыли огонь. Асуев стрелял из гранатомета по БМП метров с тридцати, Марткучаев подносил ему гранаты, остальные вели огонь из стрелкового оружия. Командир группы, его брат и с ними несколько бойцов перебежали улицу и вели огонь уже оттуда. Через какое-то время бой затих... Погиб Садулаев Айнди.

...Это были первые дни войны, и отсутствие организованности, военной подготовки приносило свои кровавые плоды... Мы вернулись на 12-й участок. Я и Арби встретились с начальником ГШ ВС ЧРИ («генштаб» боевиков. – **Ред.**) *А. Масхадовым и сообщили ему о месте дислокации нашей группы... На следующий день в 6.00 к нам приехал А. Масхадов и сообщил, что нужны бойцы для обороны позиций по ул. 8 Марта, за зданием ГШ. Невыспавшиеся, неотдохнувшие ребята в количестве 32 человек направились к названной улице и с ходу вступили в бой. Уже к 7.00 5.02.1995 г. погиб наш товарищ Азимов Х. С большим трудом нам удалось приблизиться к дому, из которого противник вел по нашей группе интенсивный огонь. Стреляя из гранатомета и автоматов, мы подавили вражеские огневые точки.*

Мы расположились в школе по ул. 8 Марта. Боеприпасы у нас были на исходе, поэтому по моему предложению было решено, что часть отряда переберется на другие позиции, по дороге пополняя запасы боеприпасов... С несколькими товарищами перебежали улицу, обстреливаемую противником, и направились к ГШ ВС ЧРИ. Расположение штаба к тому времени поменялось. Через 20–30 минут к нам подоспели оставшиеся в школе товарищи. Ребята были все в извести. В помещение, где они находились, попал снаряд, погиб Ахматгириев М. Мы пошли за телом товарища. На обратном пути мы наткнулись на галанчожский отряд. После обеда... мы оставили город.

После Грозного я участвовал в обороне Аргуна и знаменитого моста в составе отряда из Автуров под командованием Умархаджиева Автурхана... После первого дня дежурства на позиции нас отправили на отдых... Целые сутки мы не могли сменить товарищей, т.к. противник вел прицельный огонь по мосту, через который мы должны были перейти, и нам дважды пришлось вернуться. Мы зашли в здание рядом с мостом и решили переждать... Утром обстрел все еще продолжался. Я вспомнил о пешеходном мосте в Старых Атагах. Посоветовавшись, решили перейти по этому мосту через реку, вниз по берегу подойти к ребятам и сменить их. 5 бойцов из села Курчалой и мы на автомобиле ЗИЛ-130 доехали до Старых Атагов, перешли мост и, пройдя вниз по берегу 1,5 км, 15 марта в 10 часов вышли к позиции, которую держали ополченцы из Автуров... Я поднялся к командиру Садулаеву А. и сообщил ему, что привел замену. В это время прямо в наш окоп попал снаряд. Раздался страшный взрыв. На месте погибли Садулаев А., Идрисов М. и двое курчалоевцев. Я был тяжело ранен.

После ранения я поехал лечиться в Иорданию. Там меня никто и не собирался лечить, и мне пришлось вернуться. На обратном пути в городе Дербенте был задержан дагестанской милицией и передан в ФСК. 4 месяца находился в плену в Махачкале».

Какие выводы о так называемой «профессиональной подготовленности» и «современной армии» боевиков можно сделать из вышеприведенного рассказа – судите сами...

Кроме того, в ходе личного общения с бывшими боевиками, принимавшими участие в обороне г. Грозного в ходе первой кампании и перешедшими на сторону федеральных войск во вторую кампанию, мне не раз приходилось слышать, что город обороняли в основном ополченские формирования. Об участии в обороне Грозного подразделений наемников они не упоминают. Что касается ополченских отрядов, то процесс их активного формирования шел с самого начала первой кампании. Так, на стадионе г. Грозного с автомашин выдавалось огнестрельное оружие не только организованным подразделениям, но и любому желающему.

ТЕНИ «БРИГАДЫ 055», ИЛИ

О «кругообороте наемников в природе»

В целом поддерживая и разделяя основные выводы В. Целуйко о том, что у сепаратистов не могло быть хорошо оснащенной и организован-

ной «современной армии», выскажу свое мнение по ряду спорных вопросов. Прежде всего, попробуем все же разобраться в том, какое количество наемников могло принимать участие в боевых действиях на стороне дудаевского режима в период начала первой чеченской войны, в том числе и в обороне Грозного. Для этого необходимо рассмотреть предшествующие события.

С развалом СССР регионы Северного Кавказа стали объектом активной деятельности различных исламских организаций. Многие жители северокавказских республик оказались в рядах вооруженных формирований афганских талибов. В составе армии моджахедов была сформирована так называемая «бригада 055», состоявшая из этнических жителей Северного Кавказа и выходцев из бывшей советской Средней Азии. Вскоре она отличилась в ряде боевых операций против войск Северного альянса.

В 1992 г. начались активные боевые действия между Арменией и Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха. Этот этап войны ознаменовался тяжелыми поражениями азербайджанской армии. Последняя оставила всю территорию Нагорного Карабаха, а также до 20% территории собственно Азербайджана. Турция и исламские организации начали оказывать военную помощь Азербайджану, и в сентябре 1993 г. туда прибыли около 1,5 тысячи афганских моджахедов, из которых многие были этническими выходцами с Северного Кавказа. Из числа этих лиц, а также прибывающих в Азербайджан добровольцев с Северного Кавказа и из Средней Азии была сформирована бригада моджахедов.

В декабре 1993 г. азербайджанская армия начала наступательные операции, и в развернувшихся боях «афганская» бригада показала себя наиболее боеспособным подразделением. В частности, благодаря ее действиям была одержана одна из самых значительных побед азербайджанцев – был взят г. Горадыз. Однако в результате контрнаступления лучше организованные, управляемые и подготовленные вооруженные силы Армении нанесли новое поражение военным формированиям Азербайджана. Бригада моджахедов также была разгромлена.

После окончания этой войны, в 1994 г., из бывших боевиков бригады, в основном из этнических выходцев с Северного Кавказа, были организованы два батальона наемников, которые убыли в Чечню. Они стали составной частью регулярных подразделений армии сепаратистов. Судя по всему, других крупных подразделений наемников в начальной фазе чеченской кампании боевики не имели. Таким образом, упоминаемые сведения о нескольких тысячах наемников представляются преувеличенными. Можно сделать вывод, что во время штурма Грозного в рядах сепаратистов было около 500–600 наемников, в большинстве своем до этого воевавших в Нагорном Карабахе.

ВКЛАД МВД И ДГБ ЧЕЧНИ В БОЕВЫЕ ЧАСТИ БЫЛ МИНИМАЛЕН

Говоря о формированиях режима Дудаева, В. Целуйко разделяет их на три части – регулярная армия, наемники и ополчение. К регулярной армии он относит президентскую и национальную гвардии, МВД и ДГБ (департамент государственной безопасности).

Подобная классификация неправомерна (наемники оказываются в роли «отдельного вида» войск, а милиция и служба безопасности отнесены к регулярной армии). Главным критерием в оценке вооруженных сил государства является отнесение воинских частей в соответствии с принципами комплектования и функционирования к постоянной (регулярной) армии или милиционным формированиям. К числу последних в ходе обороны Грозного можно отнести различные ополченские формирования, в том числе созданные по территориальному принципу в основном из жителей других районов Чечни. Сюда же можно отнести и, скажем так, «дикие» формирования ополченцев, которые не охватывались в ходе боев структурами управления сепаратистов и действовали стихийно.

Что касается представителей чеченских МВД и ДГБ, то их в боевых порядках было немного. Большинство сотрудников МВД заняли выжидательную позицию, чтобы примкнуть к победителю, а чеченская служба безопасности была небольшой по количеству. Известно, например, что численность офицеров отдела разведки составляла всего около десяти человек. Серьезных боевых частей в структуре МВД и ДГБ не имелось. 13 января 1994 г. Дудаевым было утверждено положение о пограничных войсках ДГБ Чечни, согласно которому должна была создаваться отдельная пограничная бригада специального назначения, однако фактически к началу боевых действий эти планы остались на бумаге.

Один из авторитетных генералов упоминал, что в обороне Грозного принимали участие полк специального назначения МВД Ичкерии (до 800 человек) и спецназ ДГБ «Борз» (до 800 человек). Но, судя по всему, отряды с такими названиями никакого отношения к данным структурам не имели. Также он отмечал, что в состав группировки боевиков входили отряды наемников с Украины (более 300 человек). Тем не менее сейчас известно, что несколько десятков тамошних бандитов прибыли в Чечню примерно в середине 1995 г. При этом, судя по той чепухе, которую они рассказывают в своих воспоминаниях, факты участия этих лиц в реальных боевых действиях сомнительны.

Таким образом, большинство боевиков, противостоявших нашим войскам в Грозном, составляли выше-

упомянутые милиционные формирования. С учетом отрядов из других районов Чечни их численность могла составлять от десяти до пятнадцати тысяч человек.

МИФ О «МОЩНОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ»

Если говорить о реальной численности регулярных частей дудаевцев, то оценить ее довольно сложно. Выше упоминалось, что в их состав входило два батальона наемников. Видимо, именно эти части принимали участие в первых боях с нашими войсками в районе железнодорожного вокзала в Грозном, образовав так называемый «мусульманский батальон».

Здесь необходимо отметить, что в рамках «психологической войны» сепаратисты развернули мощную пропагандистскую кампанию, создавая миф о «мощной регулярной армии Ичкерии». По названиям, то есть на бумаге, эти формирования действительно выглядели грозно: две бригады, семь отдельных полков, три отдельных батальона, ряд более мелких подразделений. То есть, судя по документам, могли включать до 15 тысяч бойцов. Однако в реальности чеченские части бригадами и полками являлись только по названию, их состав был невелик, хотя боевая подготовка проводилась.

На взгляд автора этих строк, регулярная чеченская армия в ходе боев в Грозном, без учета двух батальонов наемников, могла насчитывать около 3 тысяч военнослужащих. Перед началом конфликта все боеспособные регулярные части Дудаева были объединены в рамках президентской гвардии.

ЛИДЕРЫ СЕПАРАТИСТОВ НЕ МОГЛИ СТАВИТЬ НА ВОЕННЫЙ УСПЕХ...

Оценивая боевые качества формирований сепаратистов в ходе боев в Грозном, В. Целуйко пишет, что они «имели высокую тактическую мобильность, обусловленную знанием местности, лучшую управляемость» и что к сильным сторонам противника можно отнести «концентрированное применение пулеметов, гранатометов и снайперских винтовок в составе ударных боевых групп».

Однако применение в бою разнообразных тактических приемов характерно для тех формирований, которые прошли серьезную подготовку и имеют боевой опыт. В рассматриваемой ситуации это можно было сказать лишь о немногих незаконных вооруженных формированиях сепаратистов – например, о так называемом «абхазском батальоне» Басаева, «мусульманском батальоне» и ряде других. Большинство же ополченцев, составлявших основную массу боевиков в начале чеченской кампании, военной подготовки не имели. Таким образом, выводы о лучшей управляемости незаконных вооруженных формирований по сравнению с нашими войсками и о преимуществах сепаратистов в боевой выучке представляются неверными.

Естественно, сами лидеры НВФ прекрасно понимали несопоставимость своего военного потенциала с Вооруженными Силами РФ. В этой связи, учитывая политическую ситуацию, сложившуюся на то время, им необходимо было «затянуть» стадию регулярных боевых действий на несколько месяцев, чтобы перевести конфликт в политическую фазу. Для этого был только один путь – «мобилизовать» как можно больше мужского населения, используя все доступные пропагандистские методы влияния на этот процесс и не заботясь о потерях. Подобные формирования, вооруженные в основном легким стрелковым оружием, с самого начала были брошены в бой.

Для самих чеченцев цена такой «стратегии» была огромной. Например, только из числа жителей Урус-Мартановского района в ходе чеченских кампаний погибло около 700 – членов НВФ. Такова была реальная забота лидеров Ичкерии о своем народе...

ПОЧЕМУ В ГРОЗНОМ СИЛЫ ОКАЗАЛИСЬ НЕРАВНЫМИ?

Говоря о действиях нашего армейского командования (сейчас мы не будем оценивать всем известное состояние наших Вооруженных Сил в то горькое время), хотелось бы высказать следующее мнение. План «новогодней» операции по штурму Грозного строился военным руководством на представленном ему неверном анализе политической ситуации в Чечне. На заседании Совета Безопасности РФ, где принималось решение о вводе войск, выступил министр по национальным вопросам Н. Егоров. Он отметил, что в результате работы с населением в Чечне 70% жителей ждут российские войска. Сопротивление окажут только отщепенцы.

Учитывая такой прогноз, военные при разработке операции сделали упор на внезапность и полное превосходство в тяжелом вооружении. По плану операции в Грозный собирались вводить не более 12 тысяч военнослужащих. В реальности же в силу необходимости контроля захваченной территории и отвлечения на это сил в ходе штурма в город были введены намного меньшие по численности ударные группировки. Таким образом, лидерам НВФ удалось создать двух-, трехкратное численное превосходство над нашими частями. Думается, что прежде всего в этом заключается главная причина неудачи при штурме Грозного.

Мнения же ряда историков о наличии у Дудаева «современной и боеспособной армии» и о якобы превышении наших потерь по сравнению с потерями боевиков полностью несостоятельны.

САМОХОДНЫЙ ЗЕНИТНЫЙ РАКЕТНЫЙ КОМПЛЕКС БЛИЖНЕГО ДЕЙСТВИЯ «СТРЕЛА-10СВ»

Евгений КЛИМОВИЧ

Самоходный зенитный ракетный комплекс ближнего действия типа «Стрела-10СВ» является дальнейшим развитием отечественных невсепогодных ЗРК ближнего действия первого поколения типа «Стрела-1», «Стрела-1М». Работы по созданию ЗРК «Стрела-10СВ» (9К35) проводились по Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 июля 1969 года. Головным разработчиком комплекса являлось Конструкторское бюро точного машиностроения Министерства оборонной промышленности СССР (главный конструктор – А.Э. Нудельман), головной организацией по разработке головки самонаведения и неконтактного взрывателя ЗУР было Центральное конструкторское бюро «Геофизика» этого же министерства (главный конструктор – Д.М. Хорол).

ЗРК «Стрела-10СВ» (9К35) был принят на вооружение войск ПВО Сухопутных войск в 1976 году. За рубежом комплекс «Стрела-10СВ» получил наименования SA-13 (по терминологии США) и Gopher (по терминологии НАТО).

Основным отличием ЗРК «Стрела-10СВ» от комплексов этого класса первого поколения («Стрела-1», «Стрела-1М») является размещение всех боевых средств комплекса на гусеничном шасси легкого артиллерийского тягача МТЛБ. Повышенная (по сравнению с колесным шасси ЗРК «Стрела-1», «Стрела-1М») грузоподъемность гусеничного шасси ЗРК «Стрела-10СВ» позволила увеличить возимый боекомплект с четырех до восьми ЗУР (четыре – на направляющих, четыре – в корпусе боевой машины). Благодаря низкому удельному давлению на грунт эта машина может двигаться по дорогам с низкой несущей способностью и вне дорог, в том числе по болоту, снежной целине и песку, а также преодолевать водные преграды вплавь с максимальной скоростью на суше – 60 км/ч и 6 км/ч – на воде. В ЗРК «Стрела-10СВ» для вращения пускового устройства боевой машины в направлении обстреливаемой воздушной цели используется электрический привод, а не физические усилия оператора, как в ЗРК «Стрела-1». Боевые пуски могут производиться в движении и на плаву.

Повышение характеристик мобильности боевой машины ЗРК «Стрела-10СВ» достигалось в том числе за счет оригинальной конструкции собственно пусковой установки ЗРК. Она сделана складывающейся: в походном положении, когда пусковая установка находится в сложенном состоянии, ее высота не превосходит 2.220 мм. Это, естественно, снижает заметность ЗРК (особенно на марше), позволяет транспортировать его самолетами транспортной авиации.

В состав ЗРК «Стрела-10СВ» входит ЗУР 9М37 с двухканальной головкой самонаведения. В отличие от ЗУР комплекса первого поколения «Стрела-1М» в ракете ЗРК «Стрела-10СВ» использована головка самонаведения с фотоконтрастным и тепловым каналами, что повысило боевые возможности ЗРК при стрельбе навстречу и вдогон в условиях естественных и искусственных помех.

Относительно небольшие массогабаритные характеристики ракет ЗРК «Стрела-10СВ» позволяют осуществлять их проверки, перезаряжание, укладку и складирование без применения специальных транспортно-перегрузочных средств. Перезарядку пусковой установки ракетами подготовленный расчет может выполнить собственными силами без применения каких-либо технических устройств в течение трех минут.

Для повышения эффективности боевого снаряжения ЗУР ЗРК второго поколения при сохранении прежней массы боевой части (3 кг) в ней были использованы стержневые (режущие) поражающие элементы. Определение своевременности пуска ЗУР осуществлялось с помощью специальной аппаратуры оценки зоны пуска (9С86), которой не было в составе ЗРК первого поколения. Основу такой аппаратуры в составе ЗРК второго поколения составлял радиодальномер миллиметрового диапазона волн, обеспечивающий определение дальности до воздушной цели (в пределах 430–10.300 метров с максимальной ошибкой около 100 метров). Аналого-цифровое счетно-решающее устройство выполняло расчет границ зоны пуска с максимальными ошибками 300–600 метров, что было значительно точнее по сравнению с визуальным определением границ зоны пуска у ЗРК первого поколения.

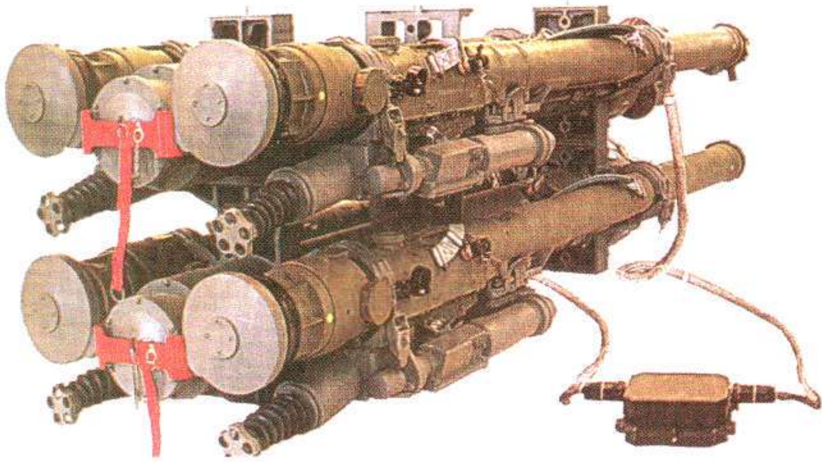
ЗРК «Стрела-10СВ» организационно объединялись в зенитный ракетный взвод зенитной ракетно-артиллерийской батареи (взвод ЗРК «Стрела-10СВ» и взвод зенитных пушечно-ракетных комплексов «Тунгуска») зенитного дивизиона мотострелкового (танкового) полка. Одна из боевых машин (9А35 – командирская), входящих в состав взвода ЗРК «Стрела-10СВ»,

дополнительно оснащена пассивным радиопеленгатором для обнаружения воздушных целей, оснащенных бортовыми излучающими радиотехническими средствами (радиолокационными бомбовыми прицелами, бортовыми РЛС). Другие боевые машины взвода, не имеющие пеленгаторов, могут получать информацию от командирской машины по радио. Кроме того, все машины оснащены средствами, обеспечивающими централизованный прием целеуказания от радиолокационных средств разведки воздушных целей ПВО полка, дивизии. Таким образом, в составе зенитного ракетного взвода «Стрела-10СВ» полностью исключены активные (излучающие) средства, что повышает живучесть этих средств.

Процесс бесконечного соперничества «снаряда и брони, меча и щита», средств нападения и средств защиты, естественно, отразился на развитии комплексов этого типа. Интенсивное развитие сравнительно простых и эффективных средств противодействия, применяемых воздушным противником при преодолении ПВО (для ЗРК этого типа – инфракрасные помехи, в основном ложные тепловые цели), и возможность оснащения ими практически всех самолетов и вертолетов (в том числе устаревших конструкций) обусловили необходимость повышения помехозащищенности радиоэлектронных средств ЗРК ближнего действия. Это было реализовано при модернизации комплекса, который получил название «Стрела-10М» (9К35М). Этот комплекс был принят на вооружение в 1979 году. Повышение помехозащищенности ЗУР ЗРК «Стрела-10М» обеспечивалось за счет введения в головку самонаведения ракеты схемы селекции воздушных целей по траекторным признакам. Это позволяло головке самонаведения ЗУР (9М37М) сопровождать истинную воздушную цель, не «отвлекаясь» на другие источники инфракрасного излучения, создаваемые ложными тепловыми целями.

Дальнейшая модернизация невсепогодных зенитных ракетных комплексов этого поколения осуществлялась за счет включения в состав боевой машины аппаратуры автоматизированного приема целеуказания от различных источников информации о воздушной обстановке: батарейного командирс-

кого пункта ПУ-12 и командного пункта начальника ПВО мотострелкового (танкового) полка или от РЛС обнаружения воздушных целей разных уровней подчиненности (полка, дивизии). В модернизированный ЗРК второго поколения введен также ряд устройств и приспособлений для обеспечения преодоления водных преград с полным боекомплектом (восемь ЗУР) и пулеметом. В состав боевой машины дополнительно введена радиостанция для обеспечения приема телекодовой информации от пунктов управления и РЛС. Этот образец был принят на вооружение войск ПВО Сухопутных войск в 1981 году и получил наименование «Стрела-10М2» (9К35М2).

Боевая работа комплексов «Стрела-10М2» отличалась от работы ЗРК «Стрела-10М» возможностью автоматического приема и отработки целеуказания от батарейного командирского пункта и с КП зенитного дивизиона мотострелкового (танкового) полка.

В 1983–1986 годах была проведена следующая модернизация невсепогодных ЗРК ближнего действия второго поколения. Новый ЗРК получил название Стрела-10М3» (9К35М3). Работа по модернизации этого комплекса проводилась по тактико-техническому заданию Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны под шифром «Китобой». Новая ЗУР этого комплекса 9М333 по сравнению с ЗУР ЗРК «Стрела-10М» имела более высокую помехозащищенность, которая обеспечивалась работой головки самонаведения в фотоконтрастном и инфракрасном (тепловом) спектральных диапазонах и в режиме логической селекции целей на фоне оптических помех (по спектральным и траекторным признакам). Новый неконтактный взрыватель ЗУР 9М333 обеспечивал более высокую вероятность поражения воздушных целей (особенно малоразмерных). Боевая часть ЗУР имеет большую массу (5 кг по сравнению с 3 кг в ЗУР 9М37) и оснащена стержневыми поражающими элементами больших размеров.

В головке самонаведения ЗУР 9М333 были применены три приемника с различными спектральными диапазонами: фотоконтрастный, инфракрасный и помеховый с логической селекцией воздушных целей на фоне оптических помех по спектральным и траекторным признакам, что существенно повысило помехозащищенность комплекса. Оператор включает требуемый канал головки самонаведения ЗУР перед пуском в зависимости от реально складывающейся воздушно-помеховой обстановки.

Неконтактное взрывательное устройство ЗУР 9М333 выполнено на основе четырех лазерных импульсных излучателей, схемных решений, формирующих восьмилучевую диаграмму направленности, и приемни-

ка отраженных от воздушной цели сигналов. Увеличение (по сравнению с неконтактным взрывателем ЗУР 9М37) в два раза количества лучей в диаграмме направленности повысило эффективность поражения малоразмерных целей. При этом необходимо отметить, что ЗУР последних модификаций (9М333 и 9М37М) могли быть использованы во всех модификациях ЗРК «Стрела-10СВ».

ЗРК «Стрела-10СВ» и его модификации состояли на вооружении армий стран Варшавского договора, экспортировались в государства Азии, Африки и Латинской Америки.

На Международном авиационно-космическом салоне, состоявшемся в подмосковном городе Жуковском в 2001 году (МАКС-2001), были представлены боевые средства ЗРК типа «Стрела-10СВ» в модульном исполнении, обеспечивающем установку их на разные шасси или в стационарном исполнении. На боевой машине 9А35 ЗРК «Стрела-10СВ» смонтирована пусковая установка с четырьмя ЗУР переносного ЗРК «Игла» (пусковое устройство «Стрелец»). По сравнению со штатным вариантом переносного ЗРК в этом комплексе обеспечиваются автоматическое проведение предстартовых операций и залповый пуск ракет.

На МАКС-2001 был представлен также вариант боевой машины «Стрела-10СВ» с инфракрасными средствами обнаружения воздушных целей вместо штатной пассивной системы пеленгации (боевая машина «Гюрза»). Эта аппаратура обеспечивает обнаружение воздушных целей с неработающими радиолокаторами на почти вдвое больших дальностях (по сравнению со штатными средствами). Пеленгация целей осуществляется с высокой точностью, при этом не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости, до угла места 30 градусов. Данная аппаратура не только позволяет вести круглосуточную боевую работу, но и обеспечивает повышение живучести этого ЗРК, особенно в условиях применения воздушным противником высокоточного оружия, наводящегося на радиоизлучение.

О расширении возможностей боевого применения отдельных элементов ЗРК «Стрела-10СВ» свидетельствует следующий факт. На Украине, создающей собственные национальные вооруженные силы, в конце 90-х годов прошлого века на основе советской зенитной самоходной установки ЗСУ-23-4 «Шилка» на Харьковском заводе им. Малышева разработан ракетно-артиллерийский комплекс «Донец». В этом комплексе используются основные элементы следующих образцов советской военной техники:

– артиллерийская башня ЗСУ-23-4 «Шилка»;

– ЗУР зенитного ракетного комплекса «Стрела-10СВ»;

– гусеничное шасси дизельного танка Т-80УД.

Отличительной особенностью этого комплекса является то, что по бокам артиллерийской башни ЗСУ с четырьмя 23-мм пушками установлены два спаренных пусковых устройства с зенитными управляемыми ракетами ЗРК «Стрела-10СВ». Артиллерийское вооружение обеспечивает поражение воздушных целей на дальности до 2,5 км, по высоте – до 2 км. Ракеты обеспечивают поражение воздушных целей на дальности до 4,5 км, по высоте – до 3,5 км. Боекомплект артиллерийских выстрелов увеличен до 4.000 шт.

В комплексе установлена аппаратура, обеспечивающая прием целеуказания от внешних источников. В шасси комплекса также внесены изменения – добавлен вспомогательный двигатель, обеспечивающий работу основной аппаратуры боевой машины на стоянке при выключенном маршевом двигателе. Экипаж боевой машины – три человека, масса – 35 тонн. Организационно в состав зенитной ракетной батареи входят шесть боевых машин «Донец» и одна машина управления (также на шасси танка Т-80). На машине управления размещена трехкоординатная РЛС обнаружения. При создании комплекса «Донец» предполагалось, что он будет поставляться на экспорт в страны, которые ранее приобрели танки, изготовленные на Харьковском заводе. В частности, в Пакистан, закупивший у Украины партию из 320 танков Т-80УД.

Основные характеристики зенитных ракетных комплексов ближнего действия типа «Стрела-10»

	«Стрела-10СВ»	«Стрела-10М»	«Стрела-10М2»	«Стрела-10М3»
Зона поражения, км				
по дальности	0,8–5	0,8–5	0,8–5	0,8–5
по высоте	0,025–3,5	0,025–3,5	0,025–3,5	0,01–3,5
Макс. скорость поражаемых целей, м/с				
навстречу	415	415	415	415
вдогон	310	310	310	310
Скорость полета ЗУР, м/с	517	517	517	517
Масса ракеты, кг	40	40	40	42
Масса боевой части, кг	3	3	3	5
Число ЗУР на боевой машине, шт.	8	8	8	8
Тип шасси	гусен.	гусен.	гусен.	гусен.
Вероятность поражения истребителя одной ЗУР	0,1–0,5	0,1–0,5	0,3–0,6	0,3–0,6
Год принятия на вооружение	1976	1979	1981	1989

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

ТАК ФИЛИППИНСКИЙ СПЕЦНАЗ БОРЕТСЯ С СЕПАРАТИСТАМИ

Республика Филиппины расположена в Юго-Восточной Азии на 11 крупных (96% территории) и нескольких тысячах мелких островах, имеет только морские границы, ближайшие из которых с Тайванем – на севере и Малайзией – на юго-западе. Площадь – 299,7 тыс. кв. км, население свыше 87 млн. человек. Основные народности – висайя (более 48%), тагалы (более 20%), илоки (12%), а также моро и китайцы. Более 80% населения – католики, 9% – протестанты, 5% – мусульмане, часть филиппинцев придерживается традиционных верований. Государственные языки – тагальский и английский.

Владимир МОСАЛЁВ, Вадим УШАКОВ

Вооруженные силы Филиппин в настоящее время насчитывают 106 тыс. личного состава в регулярных войсках (в том числе 66 тыс. – в сухопутных войсках, 16 тыс. – в ВВС и 24 тыс. – в ВМФ, включая 8 тыс. в морской пехоте) и 131 тыс. в резерве, 40,5 тыс. – в национальной полиции и 5,5 тыс. – в береговой охране. Вооруженные силы в настоящее время комплектуются на добровольной основе лицами мужского и женского пола с 15-летнего возраста. Срок службы – до 49 лет. Средний возраст рядового состава 18 лет. Затраты на содержание вооруженных сил составляют 1,5% национального бюджета и в настоящее время приближаются к 1 млрд. долларов.

Сухопутные войска включают 5 объединенных региональных командований, 10 легких пехотных дивизий, командование специальных операций, артиллерийский полк, 5 инженерных батальонов, группу охраны президента и 3 легкие роты быстрого реагирования. На вооружении имеются 65 легких танков, 85 БМП, 370 БТР, 242 орудия, свыше 50 минометов, 4 самолета.

ВВС состоят из 5 командований и насчитывают 49 боевых самолетов и 67 боевых вертолетов.

ВМС включают флот, морскую пехоту, береговую охрану и 4 военно-морских района. В составе флота один фрегат, 13 корветов, 45 патрульных катеров. Авиация флота имеет 7 самолетов и 7 вертолетов. Морская пехота состоит из 3 бригад (10 батальонов), полка обеспечения, группы МТО, батальонов охраны и разведки; на вооружении – 109 БТР. Береговая охрана сведена в 8 районов; на вооружении – 6 больших и более 30 малых патрульных катеров.

Верховным главнокомандующим является гражданский президент республики, которому подчинены министр национальной обороны, начальник штаба вооруженных сил, командующие армией, ВМС и ВВС. В состав спецслужб Филиппин входят: советник президента по национальной безопасности, группа безопасности при президенте (PSG – личная охрана президента), совет безопасности (NSC), национальное агентство координации разведки (NICA), служба разведки вооруженных сил (ISAFP), национальное бюро расследований (NBI – контрразведка, созданная в 1936 году по типу ФБР США) при департаменте юстиции.

Силы специальных операций (ССО) Филиппин имеются в сухопутных войсках, ВМС, ВВС и национальной полиции.

В сухопутных войсках ССО сведены в командование специальных операций (КСО) филиппинской армии (PASOCOM), созданное в 1986 году и насчитывающее 6 тыс. человек. КСО Сухопутных войск включает: 1-й разведывательный полк рейнджеров, 1-й воздушно-десантный полк специальных сил и легкий батальон быстрого реагирования (LRB) – «Дельта форс».

Разведывательный полк рейнджеров создавался с помощью американцев. Первый полк батальонного состава был сформирован в 1996 году по типу американского батальона рейнджеров, который к 2005 году был реорганизован и увеличен до трех батальонов.

1-й воздушно-десантный полк специальных сил Special Forces Regiment (Airborne) – SFR (A), являющийся элитной частью филиппинской армии, был сформирован в 1960-е годы и предназначен для ведения специальной и психологической войны. Личный состав полка имеет отработанные навыки подавления восстаний. По окончании базового курса подготовки специальных сил он проходит специализированные тренировочные курсы: подрывное дело и обезвреживание взрывоопасных устройств, боевое единоборство, захват пленных, боевые действия на реках, подводные погружения, боевые действия в джунглях и горах, проведение психологических операций, а также охрана важных должностных лиц во взаимодействии с президентской группой безопасности. Одной из основных задач полка является создание и обучение милицейских сил, более известных как гражданские силы внутренней обороны (CHDF), называемых сейчас местными отрядами гражданских вооруженных сил (Civilian Armed Forces Geographical

Unit), в задачу которых входит разведка и борьба с повстанцами. Подразделения полка могут использоваться в качестве ударных сил регулярной армии в операциях по борьбе с партизанами. Они уничтожают лагеря и базы партизан, освобождают захваченные ими населенные пункты.

Полк состоит из трех батальонов, один из которых – 1-й речной батальон специальных сил (Riverin (SF) Battalion) имеет на вооружении боевые катера и действует совместно с морской десантной бригадой (Seaborne Brigade) 1-й пехотной дивизии «Мачете».

В 2003 году на двухмесячную подготовку и снаряжение трех легких рот быстрого реагирования КСО сухопутных войск Филиппин США выделили 55 млн. долларов. Всего планируется иметь 8 таких рот. В 2007 году Австралия наряду с другим вооружением передала Филиппинам 28 скоростных артиллерийских катеров (экипаж – 3 человека, перевозит 6 солдат с полным вооружением) для борьбы с террористами.

В ВМС филиппинские ССО представлены военно-морской группой специальной войны (SWAG – Special Warfare Group), основу которой составляет поисковая бригада (Search Brigade), насчитывающая 30 разведывательно-диверсионных команд SEAL (Sea–Air–Land). Базовый курс обучения личного состава этих команд аналогичен курсу американских SEAL и продолжается в течение шести месяцев, в ходе которого от 75% до 90% обучающихся отсеиваются по различным причинам. Личный состав этих команд осваивает подрывные работы, легководолазную и парашютную подготовку, рукопашный бой и картографию. Филиппинские SEAL регулярно отрабатывают свои специфические задачи совместно с американскими SEAL в ежегодных морских десантных операциях под кодовым названием «Палау». В 2006 году в ходе американо-филиппинского учения по высадке морского десанта под названием «Фиблекс/Тэлон-вижн-06» филиппинские и американские разведывательно-диверсионные группы ВМС были высажены с помощью десантно-высадочных средств и вертолетов на необорудованное побережье. С американской стороны в учении принимали участие корабли 76-го оперативного соединения. Противотеррористические операции филиппинских ВМС поддерживали американский эскадренный миноносец, филиппинский патрульный корабль и 40 многоцелевых и десантных вертолетов. На время учения американцы поставили филиппинским вооруженным силам более 26 вертолетов UH-1.

Для улучшения подготовки ССО ВМФ Филиппин США выделили 2,7 млн. долларов на обеспечение их учебной программой под названием «Mollie», которая предусматривала три фазы: развертывание курса инструкторов (IDC), морские специальные операции (MSO), поиск, ближний бой и захват пленных (CQB, VBSS), проводимые в различных районах страны.

ССО ВВС Филиппин представлены силами быстрого развертывания (PAFRDF – Philippine Air Force Repid Deployment Force), которые включают 710-е крыло специальных операций, состоящее из 10 воздушно-десантных ударных команд по 10 человек в каждой. В качестве сил воздушной огневой поддержки этих команд используются самолеты и вертолеты 15-го ударного авиакрыла командования тактической авиации ВВС. Официальной задачей этих сил является «проведение неплановых операций против вражеских элементов».

ССО национальной полиции Филиппин представлены полком специального назначения, сформированным в 1984 году для борьбы с «Новой народной армией», речь о которой пойдет ниже. В состав полка входят три полицейских батальона. Батальоны имеют авиационную поддержку и могут использоваться в любом районе страны.

Практически всей подготовкой подразделений вооруженных сил Филиппин, а также их техническим оснащением занимаются американские инструкторы.

Хотя конституция Филиппин в настоящее время запрещает постоянное присутствие в стране иностранных войск, тем не менее там находятся порядка 1.300 американских военных специалистов. Военная помощь Филиппинам со стороны США и некоторых других стран постоянно наращивается. И для этого есть все основания. На Филиппинах активно действуют террористические организации, борьбу с которыми США возвели в ранг государственной политики.

Так, на юге развернулось сепаратистское повстанческое движение мусульманского населения за отделение от Филиппин, а на острове Лусон активно действует уже упоминавшаяся «Новая народная армия», являющаяся левоэкстремистской организацией, отколовшейся от коммунистической партии в 1969 году. В настоящее время основную угрозу для страны, как считают правящие круги Филиппин, несут две террористические группировки: «Новая народная армия», поставившая своей целью захват власти, и «Абу-Сайяф», добивающаяся отделения мусульманских островов от Филиппин. «Новая народная армия» вначале получала помощь от КНР, а затем начала взимать «революционный налог», и в настоящее время насчитывает 16 тысяч боевиков и многочисленные группы сочувствующих. Группировка «Абу-Сайяф», без всякого сомнения, является террористической, некоторые ее члены проходили военную подготовку в лагерях террористов в Афганистане, что позволяет предполагать, что она связана с «Аль-Каидой». Кроме «Абу-Сайяф» на Филиппинах имеются еще более десятка группировок экстремистов-сепаратистов, борющихся за отделение своих островов от Филиппин. Они ведут боевые действия как с подразделениями регулярной армии, так и между собой.

Для борьбы с сепаратистами власти Филиппин разработали с помощью США тактику «разделяй и властвуй». Используя их разногласия, власти сталкивают группировки между собой и затем добивают оставшихся сепаратистов. Решающая роль в подобных мероприятиях принадлежит силам специальных операций. Этот конфликт, длящийся более 20 лет, уже унес жизни более 120 тыс. филиппинцев.

